

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЁН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

INTERNATIONAL TRENDS

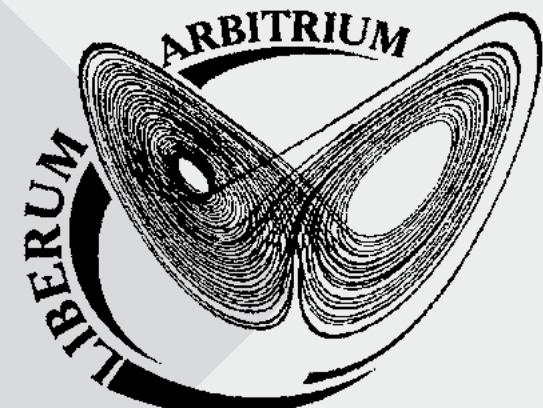
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

Том 23. Номер 1 (80). ЯНВАРЬ-МАРТ / 2025
Volume 23. No. 1 (80). JANUARY-MARCH / 2025

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА А.В. ТОРКУНОВА
НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МЕГАТРЕНДЫ

Андрей
Цыганков

Павел
Цыганков

Никита
Липунов

Александр
Пивоваренко

► Российская школа МО
и флагман МГИМО

► Стратегическая культура
малых государств

► Военные альянсы
в Юго-Восточной Европе

Научно-образовательный
ФОРУМ
по международным
отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

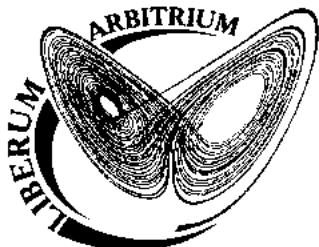
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

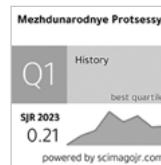
Том 23. Номер 1 (80)
ЯНВАРЬ-МАРТ **2025**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Nikita Neklyudov
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bagaturov, Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation

Sergey Afontsev, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tatiana Alekseyeva, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Vladimir Baranovsky, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Andrey Baykov, Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation

Irina Bolgova, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Alexander Bulatov, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Timothy J. Colton, Harvard University, USA

Christine Inglis, University of Sydney, Australia

Igor Istomin, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Alexey Fenenko, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Maksim Kharkevich, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

Nikolai Kosolapov, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

S. Neil MacFarlane, Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland

Tatiana Shakleina, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Valery Tishkov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Pavel Tsygankov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Alexei Voskressensky, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

William C. Wohlforth, Dartmouth College, USA

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.

"International Trends" (Mezhdunarodnye protsessy) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишкив,
Уильям Уолфорд (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

**Ответственный секретарь –
первый заместитель главного редактора**

Ирина Болгова

**Шеф-редактор –
заместитель главного редактора**

Никита Неклюдов

Редакционно-корректорская группа

Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Федеральном агентстве
по печати и массовым коммуникациям (Роспечати)
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728-2756 (печатная версия)

ISSN 1811-2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221-89-80

© Журнал «Международные процессы», 2025

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2025

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Vladimir Konnov Darya Talagaeva	The "Knowledge Economy" as a Political Construct	6
Andrey Tsygankov Pavel Tsygankov	The Russian Science of International Relations and the Flagship of MGIMO University	24
Nikita Lipunov	The Role of Strategic Culture in Shaping the Security Policy of Small States (the Case of Finland in the 1990s–2020s)	39

FROM THEORY TO PRACTICE

Ekaterina Chimiris Anna Krupina	Rare Earth Metals in Central Asian Countries: Global Competition and Strategies for Cooperation Development	63
Vladislav Vorotnikov Evgeni Pankov Denis Nesterov	Regionalisation and Deregionalisation in the Baltic and the Black Sea Subregions: Towards A United Security Region?	86
Alexander Pivovarenko	Military Interactions Between European Actors in Southeastern Europe	102

A LETTER TO THE EDITOR

Ivan Gudkov Mark Entin	Climate and Law: how to Formulate an Attractive Image of a Fair "Green Future"	126
<i>Our authors</i>		148

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Владимир Коннов Дарья Талагаева	«Экономика знаний» как политический конструкт	6
Андрей Цыганков Павел Цыганков	Российская наука международных отношений и флагман МГИМО	24
Никита Липунов	Роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности (на примере Финляндии в 1990–2020-х годах)	39

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Екатерина Чимирис Анна Крупина	Редкоземельные металлы в странах Центральной Азии: глобальная конкуренция и стратегии сотрудничества	63
Владислав Воротников Евгений Панков Денис Нестеров	Регионализация и дерегионализация на Балтике и в Причерноморье: навстречу единому региону безопасности?	86
Александр Пивоваренко	Военное взаимодействие государств-членов НАТО в Юго-Восточной Европе	102

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Иван Гудков Марк Энтин	Климат и право: как сформулировать привлекательный образ справедливого «зелёного будущего»	126
---------------------------	---	-----

<i>Наши авторы</i>	147
<i>Our authors</i>	148

«ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

ВЛАДИМИР КОННОВ
ДАРЬЯ ТАЛАГАЕВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу концепции «экономика знаний», сложившейся в 1990-х годах как идейное оформление глобального экономического режима. Авторы исследуют составляющие этой концепции и саму попытку их объединения в комплекс экономики знаний, позиционируемый как внутренне последовательный подход к экономической политике, через анализ теоретических высказываний как целенаправленных дискурсивных действий. Поскольку речь идёт об использовании концепта как политического инструмента, авторы также обращаются к наработкам международной политической экономии. В качестве основных аспектов «экономики знаний» в статье выделяются новая теория роста, информационное общество, национальные инновационные системы и человеческий капитал. Каждая из них развивалась в собственном контексте, и обоснованность их положений была связана с обстоятельствами изначального применения. Попытка же объединить данные концепты под общей рамкой в принципиально новой ситуации глобальной экономики 2000–2010-х годов осложнена явной привязкой этих идей к исходному контексту их создания. Несмотря на такого рода уязвимости, концепцию «экономики знаний» следует признать политически успешной. Ко второй половине 2000-х организациям, занятым продвижением этого концепта, главное место среди которых занимала ОЭСР, удалось превратить ее в общепринятое в глобализующемся мире обозначение некоторого желанного состояния экономики. Представленная в политэкономии теория режимов роста показывает, что причиной этой устойчивости могло быть то обстоятельство, что в концепции «экономики знаний» прямо отражались интересы ключевых для периода 1990–2010-х годов социально-экономических групп в США: финансового капитала, новых высокотехнологичных корпораций, национальной и международной бюрократии. Причиной устойчивого присутствия «экономики знаний» в политической сфере целесообразно полагать способность идеи предоставить описательную рамку реальной динамике глобальной экономики. Эта динамика характеризуется как формирование транснациональной трехуровневой структуры – предприятий, оперирующих нематериальными активами, предприятий с высоким уровнем реального капитала и предприятий с упором на эксплуатацию труда.

Ключевые слова:

режим роста; международная политическая экономия; Организация экономического сотрудничества и развития; новая теория роста; национальные инновационные системы; человеческий капитал

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №23-78-10093

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2025

Дата принятия к публикации: 02.06.2025

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: v.konnov@inno.mgimo.ru

Концепция «экономика знаний» появилась в политических программных документах международных организаций во второй половине 1990-х годов, превратившись фактически в общепринятое описание желанного состояния национальных экономик. В ее рамках презюмировалось, что рост и общее благополучие обеспечиваются высокой производительностью труда, сосредоточенного в нематериальном производстве. Последнее требует минимума материальных расходных средств, но поддерживает предельно высокую добавленную стоимость, причём – в силу преобладания затрат на труд значительная её часть остаётся за работниками. Возможность перевести экономику в такую фазу ассоциировалась с участием в глобальном разделении труда, благодаря которому любая страна могла перейти с индустриальной или даже доиндустриальной стадии в новое состояние, в котором главным фактором производства становятся знания – термин, охватывающий предельно широкий круг нематериальных активов. В настоящей статье мы постараемся определить главные теоретические постулаты, ставшие основой «экономики знаний» как политэкономической доктрины.

Состоятельность этой концепции была поставлена под сомнение уже в 2000 г. в связи с обрушением американского рынка интернет-компаний, которые считались эталонными образцами новой экономики, оперирующей преимущественно нематериальными активами. Но восстановление после обвала было быстрым, поэтому в первое десятилетие XXI века «экономика знаний» вновь стала одним из наиболее употребимых терминов в национальных программах экономического развития. Впоследствии мировой экономический кризис 2008 г. нанёс ещё один серьёзный ущерб репутации глобалистской финансовой модели, в которой доминировал банковский сектор США и с которой «экономика знаний» была напрямую связана концептуально [Haskel, Westlake 2018: 165–166].

В то же время идеи, связанные с этой концепцией, продолжили доминировать

в обороте программ экономического развития. В 2000-х годах один из немногих скептически настроенных в отношении концепции «экономики знаний» учёных Бенуа Годен охарактеризовал её как «зонтичное» понятие, практически лишённое собственного нового содержания и предназначеннное главным образом для «привлечения внимания политиков к вопросам науки и технологий и их экономической роли» [Godin 2006: 17]. Сам факт новой волны экономического развития принимался как самоочевидный, поэтому скепсис был связан с претензией на исчерпывающее объяснение этому феномену. В настоящее же время заметно возросшие в числе критики склонны воспринимать «экономику знаний» как особый экономический режим, сопоставимый по степени влияния с вытесненным им за 1990-е годы неолиберализмом [O'Donnovan 2022; Hall 2024]. По мере замедления экономического развития в мире и осмыслиения реализации программ, основанных на этой концепции, возник вопрос о практических мерах, обоснованных её положениями, и их соответствии объективным процессам развития в эпоху постиндустриальной экономики.

В этой связи представляет интерес изучение этапа между включением «экономики знаний» в дискурс и его последующей политизации. Возникает задача рассмотреть эволюцию идей в рамках этого зонтичного термина, послуживших основанием принятия политических мер, а также факторы, позволившие сохранить политическое влияние этой концепции, несмотря на неспособность ассоциируемого с ней глобального экономического режима обеспечить обещанный устойчивый рост.

Методологически статья опирается на подходы интеллектуальной истории и международной политической экономии. Подход интеллектуальной истории предполагает рассмотрение любого текста как социального действия, совершающегося автором в определенном социально-политическом контексте [Кембриджская школа 2018]. Его интерпретация требует выявления интересов автора, начиная от индиви-

дуальных и заканчивая социально-экономическими. Международная политическая экономия, в свою очередь, раскрывает суть социально-экономических интересов различных групп в международном пространстве [Афонцев 2010; Cohen 2022]. Одним из центральных направлений современной международной политической экономии является неограмшианский анализ, опирающийся на категориальный аппарат Антонио Грамши для изучения политической власти как следствия взаимодействия различных форм влияния – экономических, идеологических, культурных и др. [Грамши 1991]. Подход Грамши, хотя и базируется на марксистской логике, исходит из того, что власть в обществе не ограничивается господством класса, контролирующего средства производства. Для эффективного управления необходима сеть компромиссов с другими социальными группами, образующая так называемый исторический блок, который выражается в господствующей идеологии. Важным условием устойчивости такого блока является действенность продвигаемой им идеологии, восприятие ее установок как естественных и их реальное влияние на общественную деятельность. Преимущество неограмшианского подхода состоит также в том, что исторический блок рассматривается им как явление, действующее одновременно в национальном и международном измерениях. Данный аспект активно используется в теории режимов роста [Amable 2018; Bassago, Pontusson, 2022; Hall 2024], которая применяет понятие «доминирующие социальные блоки» или «коалиция роста», адаптируя таким образом грамшианские концепции к условиям XXI века.

Генеалогия «экономики знаний»

Появление концепции «экономика знаний» было напрямую связано с деятельно-

стью Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая, наряду с Международным валютным фондом, Всемирным банком и Всемирной торговой организацией, входила в круг международных институтов, формировавших контуры регулирования новой глобальной экономики. В зоне её компетенции находятся выработка рекомендаций в области экономической и в особенности научно-технологической политики.

Примечательно, что ОЭСР практически не имеет полномочий принимать правила, обязательные для государств-членов. Её влияние производно от авторитета, которым она обладает в качестве интеллектуального центра. Создаваемые организацией рекомендации воспринимаются как эталоны научно обоснованных подходов к различным направлениям государственной политики и в дальнейшем могут воспроизводиться, например, в документах ВТО и Европейского союза, активно сотрудничающих с ОЭСР. Возможно, наибольшей степенью влияния организация обладает в отношении государств, которые не являются её членами, но намереваются к ней присоединиться. Сложная процедура вступления, в которую в 2007–2014 годах была вовлечена и Россия, заставляет страны с особой тщательностью приводить свои нормативные системы в соответствие со стандартами ОЭСР.

Включение концепции «экономика знаний» в документы организации было отмечено в связи с публикацией доклада «Последствия экономики, основанной на знании, для планирования политических мер в области науки и технологий» 1995 года¹ и первым выпуском «Перспектив науки, технологий и промышленности», вышедшим в 1996 году², который содержал главу «Экономика, основанная на знаниях», опубликованную в том же году как отдельный документ³. Эта брошюра в даль-

¹ OECD. The Implications of the Knowledge-Based Economy for Future Science and Technology Policies. Paris: OECD, 1995.

² OECD. Science, Technology and Industry Outlook 1996. Paris: OECD, 1996. 308 p.

³ OECD. The Knowledge-Based Economy. Paris: OECD, 1996. 45 p.

нейшем заняла место главного доктринального источника концепции. Изложенные представления об «экономике знаний» показали высокий уровень устойчивости, проявившийся в столкновении с как минимум двумя серьёзными экономическими кризисами.

В брошюре «Экономика, основанная на знании» речь идёт в первую очередь о тех экономических моделях, «которые непосредственно основаны на создании, обороте и применении знаний и информации»⁴. Для раскрытия механизма их функционирования были задействованы такие теории и концепции, как новая теория роста, информационное общество, национальные инновационные системы и человеческий капитал. Наш дальнейший анализ предусматривает поэтапное рассмотрение указанных компонентов и соответствующих им объяснительных элементов, использованных ОЭСР в её документах.

Ключевое место новой теории роста определяется появлением категории «знание» в формулах, служащих основой экономической политики. Неспособность предшествующих теоретических конструкций квантитифицировать знание стало причиной проведения особой научной политики, в рамках которой применялись отличные от экономических подходы к управлению – главным среди них была модель самоуправления научного сообщества, институционализированная в научных советах и фондах поддержки науки [Райнхардт 2016]. Благодаря же новой теории роста появлялась возможность объединить систему хозяйственных связей и науку под единой системой управленческих инструментов.

Наиболее значимой фигуруй здесь выступил Пол Ромер – лауреат премии памяти Нобеля и главное связующее звено между неоклассической экономической теорией и экономикой знаний. В статье «Истоки эндогенного роста» он предложил своё видение исторической ситуации, ответом на которую должна была послу-

жить его теория. Ситуация эта характеризуется им абстрактно как модель, основанная на пяти допущениях (Ромер обозначает их как «факты»): *в-первых*, на рынке действует множество фирм; *в-вторых*, открытия могут одновременно использоваться множеством людей; *в-третьих*, новые навыки могут копироваться; *в-четвертых*, развитие технологий определяется целенаправленной деятельностью людей; и, *в-пятых*, монопольная рента от открытий – это способ извлечения прибыли, доступный многим [Romer 1994].

Ромер описывает здесь открытую рыночную экономику, в которой соблюдаются основные положения неоклассической теории, и его задача – вписать технологическое развитие именно в этот тип экономики. Однако при соблюдении указанных условий, в соответствии с которыми научным открытием могут одновременно пользоваться множество участников экономических отношений, а технологии доступны воспроизведению, у экономического агента пропадает стимул к их разработке и внедрению. Кейнсианская модель признавала эту проблему, расценивая её как аргумент в пользу вынесения научно-технического развития в особую сферу научно-технической политики [Barnett, Samuelson 2004]. Вместе с тем, с точки зрения неолиберального подхода, меры, реализуемые в рамках рассматриваемой политики, расценивались как неэффективное распределение ресурсов, способствующее расширению той части экономики, которая оказалась выведена из-под рыночной регуляции. Однако представители неолиберализма также столкнулись с трудностями при формировании альтернативного теоретического обоснования, что во многом объяснялось негибкостью предлагаемого ими единообразного подхода к использованию результатов научных исследований. С одной стороны, это приводило к формированию очевидных общественных издержек, связанных с искусственными ограничениями доступа к открытиям и изобрете-

⁴ OECD. The Knowledge-Based Economy. Paris: OECD, 1996. P. 7.

ниям. С другой стороны, возникали существенные проблемы со стимулированием научной деятельности, поскольку даже перспектива предоставления монопольных прав не могла служить достаточным побуждением к исследовательской работе, результат которой заранее непредсказуем и объем необходимых усилий для достижения успеха неизвестен.

На преодоление этих трудностей и нацелена модель Ромера. Издержки от технологических монополий оправдываются их неизбежной сменой: среди огромного количества фирм одновременно может быть множество монополистов, при этом от их деятельности оправданно ожидать появления новых технологий. В то же время экономическое обоснование государственного стимулирования научной деятельности связано с теорией эндогенного экономического роста, согласно которой совокупная факторная производительность зависит от накопленного объема знаний и количества труда, вовлечённого в сферу исследований и разработок, а не определяется экзогенными (неэкономическими) факторами. Государство, таким образом, несёт ответственность за обеспечение накопления и доступности знаний аналогично тому, как оно обеспечивает общедоступные блага – развитие транспортной инфраструктуры, национальную оборону и поддержание правопорядка. В этом контексте инвестиции в научную деятельность интегрируются в общую экономическую политику и должны быть обусловлены рациональными экономическими критериями.

Важно помнить, что эта теория требует соблюдения одновременно всех пяти обозначенных Ромером условий. И если они соблюдаются хотя бы в некоторых отраслях и на некоторых рынках, то предположение о том, что новые технологии могут быть получены посредством целенаправленной концентрации человеческих усилий на данной задаче, подразумевает продолжение интенсивного и устойчивого научно-технического прогресса, аналогичного тому, который наблюдался во второй поло-

вине XX века. Это не более чем оптимистичная экстраполяция. Нет оснований полагать, что в будущем нас не ждёт замедление темпов этого развития или даже научно-техническая стагнация. Но Ромер характерным для экономической науки образом построил модель, предназначенную для демонстрации действия отдельно взятых факторов, не претендую на её соответствие реально функционирующему экономикам. Следовательно, проблемными его условия становятся только в случае переноса его теории в поле практической политики.

Теория информационного общества, в свою очередь, служит теоретическим обоснованием существования условий, способствующих эндогенному экономическому росту. Ключевыми в этой связи являются две работы: «Производство и распространение знания в Соединённых Штатах» Фрица Махлупа [Machlup 1972] и «Информационная экономика» Марка Пората [Porat 1977]. Оба исследователя исходят из того, что информационное общество возникает с преобладанием в экономике отраслей, для которых обработка и распространение информации имеют решающее значение. Для Махлупа речь идёт об индустрии знаний, которая включает образование, исследования и разработки, СМИ, информационные технологии и услуги. Для Пората информационная экономика складывается из рыночного оборота информации и ее внутреннего оборота в частных и государственных организациях. Последний вариант предполагает более широкий охват, и именно он был принят ОЭСР в качестве основы методики подсчёта информационной составляющей национальных экономик.

Тем не менее охват сектора, занятого оборотом информации, расширяется ещё дальше благодаря классификации Бентт-Оке Лундвалла – в 1992–1995 годах заместителя директора Департамента науки, технологий и промышленности (ДНТП) ОЭСР. В результате замена информационного общества на общество знаний значительно расширяет охват определения –

знание не сводится к информации, и включает понимание, навыки и социальные связи [Lundvall, Johnson 1994], соответственно, «экономика знаний» становится гораздо более обширным феноменом, чем информационная экономика.

Лундвалл также был одним из главных разработчиков теории национальных инновационных систем. Теория оформилась на основе исследований научных систем, проводившихся в 1960–1970-е годы с целью теоретического обоснования научно-технологической политики как самостоятельного направления государственной деятельности, отделённого от традиционной экономической политики. Научные системы превратились в инновационные в 1980-е годы, что было прямо связано с неолиберальным поворотом. Если в первом случае главная роль признается за учеными, примыкающими к государственному аппарату, то во втором — за предпринимателями, а научному сообществу и бюрократии отводится вспомогательная роль, в исполнении которой они должны ориентироваться на предпринимательские интересы.

Идейное ядро теории национальных инновационных систем составляет звеневая модель, предложенная ещё в 1980-е годы Стивеном Кляйном и Нейтаном Розенбергом [Kline, Rosenberg 1986]. Учёные отмечают необходимость пересмотреть так называемую линейную инновационную модель, в которой процесс создания и реализации технологий представлен как последовательность этапов «исследование», «разработка», «производство» и «сбыт». Смысл линейной модели заключался в выведении исследований из экономической сферы как рода деятельности, неспособного обеспечить разумную вероятность экономической прибыли. С точки зрения кейнсианской школы речь идёт о «провале рынка», который необходимо компенсировать государственным вмешательством. Звеневая модель, в свою очередь, подчеркивает, что процесс изобретения не поддаётся линейному разложению на чётко разграниченные этапы. Иннова-

ции возникают не как результат последовательной передачи знаний с одного этапа на другой, а в результате их постоянной циркуляции между пересекающимися и взаимосвязанными звеньями — исследователями, разработчиками и производителями. В рамках данной модели становится очевидным, что строгая институциональная дифференциация между экономической и политической сферами теряет применимость: их функционирование взаимозависимо и переплетено в процессе формирования и реализации инновационной деятельности.

Заслуживает упоминания совместная статья П. Ромера и ведущего американского представителя теории национальных инновационных систем Р. Нельсона «Наука, экономический рост и государственная политика». Такое соавторство было показательным в том смысле, что демонстрировало согласие школы инновационных систем с предложенным Ромером решением проблемы включения технологий в неоклассическую модель роста. В политическом плане оно открывало дорогу к слиянию экономической и научно-технологической политики. На условия этого слияния прямо указывал последний раздел статьи, посвящённый практическим выводам. В нём заявлялся отказ от переноса исследований и разработок в коммерческий сектор, в пользу которого выступала неолиберальная теория, полагавшая рыночных субъектов практически во всём более эффективными, чем государственные. Вопреки этой позиции, которая наиболее активно продвигалась Чикагским университетом, выпускником которого был Ромер, сам он считал, что «университеты сумели создать предельно эффективную среду для развития представлений фундаментальной науки и исследований с долгосрочной перспективой отдачи» [Nelson, Romer 1996: 20]. Как следствие, за университетами должна быть сохранена сфера фундаментальной науки, в которой результаты не имеют правовой защиты и не могут стать предметами экономического оборота. Что касается коммерческих субъектов, вовле-

чённых в исследования, то они должны ограничить свои интересы «прибылью, по крайней мере, в течение какого-то времени, от продажи прикладных решений. <...> И даже если правовая система не обеспечивает действенной защиты, преимущества первоходца, а также секретность чаще всего позволяют обеспечить доход от продажи нового прикладного решения» [Nelson, Romer 1996: 18]. Подобная аргументация отражает «античикарскую» позицию авторов, ориентированную на критику чрезмерной коммерциализации научных знаний. Эта позиция также проявляется в критике Закона Бэя-Доула от 1980 года⁵, позволившего университетам заявлять права на и продавать интеллектуальную собственность, полученную в результате работ, которые были профинансираны федеральным правительством. Этот шаг рассматривался как ключевой в переводе университетов в неолиберальный режим, в рамках которого они рассматривались в качестве экономических агентов, в отличие от кейнсианского, предусматривавшего необходимость защитить их от влияния рынка.

Однако в обмен на сдерживание коммерциализации университетской деятельности предпринимательский сектор, по мнению исследователей, должен получить определённые стратегические преимущества. В первую очередь это предполагает переориентацию университетских исследований на направления, обладающие высокой экономической перспективностью. Как подчёркивают Нельсон и Ромер, необходимо «движение к среде, в которой экономические и коммерческие перспективы обладают большим весом в определении сфер “национальных потребностей”, а безопасность и здравоохранение – меньшим» [Nelson, Romer 1996: 20]. Иначе говоря, фундаментальную науку надо сохранить, но определять направления её раз-

вития должны теперь не лежащие за пределами коммерции оборона и медицина, а именно коммерческие отрасли – ИКТ, биотехнологии, энергетика и др.

Вторым важным следствием стал пересмотр приоритетов высшего образования в пользу подготовки кадров для коммерческого сектора. Данная задача позиционируется как единственное возможное оправдание для сохранения бюджетного финансирования университетов: «Изменить установки и ожидания может оказаться непростой задачей, но альтернатива – бездействовать, глядя на то, как сокращается число людей, получающих высшие разряды научной квалификации, и убывает качество их подготовки» [Nelson, Romer 1996: 20].

Таким образом, основополагающая функция университета в «экономике знаний» заключается в развитии человеческого капитала, которое брошюра ОЭСР относит к приоритетным задачам политической поддержки «экономики знаний», раскрывая содержание этой задачи следующим образом: «Необходимы политические меры, нацеленные на создание условий для широкого доступа к навыкам и компетенциям и особенно к возможности обучаться. К этим мерам относится обеспечение стандартизированного образования широкого профиля, создание стимулов для фирм и граждан включаться в непрерывное обучение на протяжении всей жизни, а также улучшение соответствия между предложением труда и спросом на него в плане требуемых навыков»⁶.

Подобная реструктуризация подразумевает существенное расширение деятельности университетов и других образовательных организаций, под которое теперь подводится прямое экономическое обоснование: затраты на это расширение рассматриваются как инвестиции. Условием же их получения выступает подстройка

⁵ Patent and Trademark Amendments Act of 1980, codified at 35 U.S.C.A §§ 200-212. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title35/html/USCODE-2011-title35-partII-chap18.htm>. Accessed: 07.07.2025.

⁶ OECD. The Knowledge-Based Economy. Paris: OECD, 1996. P. 19.

образовательного процесса под «спрос на труд», и в подготовке кадров университет должен ориентироваться на потребности коммерческого сектора.

Теория человеческого капитала появилась заметно раньше, чем теории эндогенного роста и национальных инновационных систем, поэтому против неё был накоплен значительный массив критических замечаний. Основная уязвимость теории заключалась в представлении расширения деятельности организаций среднего и высшего образования как причины экономического роста. Эта связь, зафиксированная в послевоенные десятилетия, вполне могла интерпретироваться как корреляционная зависимость, обусловленная внешними факторами, либо даже в обратном причинно-следственном порядке – как следствие экономического роста, а не его причина. Составители брошюры, по-видимому, осознавали уязвимость подобной интерпретации, поскольку именно в обоснование тезиса о причинной связи между расширением образования и экономическим ростом приводятся наиболее детальные данные. Главное место среди них занимает работа экономиста Джорджа Псахаропулоса [Psacharopoulos 1992] – ведущего мирового специалиста по экономике образования, числившегося консультантом ОЭСР. В ней представлен обзор исследований, посвящённых влиянию расширения деятельности университетов и других образовательных организаций на экономику. В первую очередь рассматривается проблема, связанная с полаганием образования причиной экономического роста. Данные, приведенные Псахаропулосом, подтверждают, что это так, но все они касаются начального уровня образования.

Более высокие ступени образования рассматриваются только с точки зрения их влияния на доходы тех, кто прошел соответствующие этапы. Вклад средней и высшей школы в экономический рост не учитывается, хотя Псахаропулос и полагает, что «игнорирование уровней образования выше начального должно вести к недоо-

ценке вклада образования в экономический рост» [Psacharopoulos 1992: 345–346]. Тем не менее он не приводит в пользу этой точки зрения никаких данных.

Главный же акцент в его работе делается на дополнительных социально-экономических эффектах, связанных в том числе с ростом мобильности населения, выравниванием доходов и – парадоксальным образом – снижением рождаемости, ведущим, как отмечает Псахаропулос, к росту показателя подушевого дохода [Psacharopoulos 1992: 346]. При этом не приводятся данные в пользу того, что эти эффекты являются не коррелятом, а именно следствием роста образованности.

Таким образом, в документах ОЭСР влияние уровня образованности населения на экономический рост объясняется только на примере показателей начального образования. Как показывает недавно опубликованный критический обзор состояния исследований по теории человеческого капитала, заполнить этот пробел не удалось до сих пор [Brown, Launder, Cheung 2020].

В итоге складывается следующая картина экономики, основанной на знаниях. Авторы этой концепции, многие из которых были вовлечены в работу ОЭСР, утверждают, что в странах, входящих в организацию, сложилась социально-экономическая структура, в которой значительная часть экономической активности сосредоточена на операциях с различными формами знания. Подобная трансформация оценивается ими как позитивная с точки зрения теории эндогенного роста, в рамках которой ключевым фактором экономического развития выступает производительность, зависящая от накопления знаний и объёма труда, вовлечённого в научные исследования и опытно-конструкторские работы. Соответственно, обеспечить дальнейший рост экономики можно путём инвестиций в секторы, наиболее интенсивно вовлечённые в создание нового знания, на первом месте среди которых стоит высшее образование. В качестве одного из главных измеряемых

эффектов, свидетельствующих в пользу результативности таких инвестиций, приводится корреляция между инвестициями в образование и экономическим ростом.

Социально-политические основы «экономики знаний»

У концепции имеется множество уязвимых мест. *Во-первых*, чрезмерное расширение понятия «общество знания» приводит к тому, что роль экономики, основанной на знаниях, оказывается неоправданно преувеличенной по сравнению с производственным сектором. *Во-вторых*, модель эндогенного роста принимается как отражающая реальное положение дел, несмотря на её высокий уровень абстракции. Наконец, *в-третьих*, выделение высшего образования как главного проводника эффективных инвестиций в человеческий капитал представляется слабо обоснованным, особенно с учётом сложности механизмов, связывающих образовательные институции с экономическим развитием. В итоге концептуальный фундамент «экономики знаний» оказывается довольно зыбким, но её основные положения воспроизводились в программах экономического развития по всему миру, став фактически ядром экономической стратегии глобализма 2000-х годов.

Причину устойчивости «экономики знаний» можно увидеть в её идеальной рамке, удовлетворяющей интересам главных участников социально-экономического блока, который начиная с 1990-х и примерно до середины 2010-х годов имел возможность определять направление общественного развития. Исходное оформление этого блока состоялось в США, но опора на американское международное влияние позволила ему сделать свой политэкономический режим во многом глобальным.

Символическим моментом оформления идеи в международную политическую программу стала победа на президентских выборах США 1992 г. Уильяма Клинтона. Победа молодого губернатора небольшого штата Арканзас над политическим тяжеловесом и действующим президентом

Джорджем Бушем-старшим оказалась возможной во многом благодаря поддержке финансового лобби, игравшего затем ключевую роль в клиntonовской администрации [Levy 2021]. Эта поддержка была неожиданной, так как рейгановский неолиберализм, который представлял Буш-старший, многими рассматривался как программа, прямо выстроенная в интересах финансового капитала. Среди причин, которые могли побудить финансистов сыграть против Буша-старшего, называют политическое усиление военно-промышленного комплекса и связанного с ним ресурсодобывающего сектора, вместе заинтересованных в сохранении агрессивного характера внешней политики после завершения «холодной войны» [Pass 2019].

В новых условиях влияние этого альянса, который представлял Буш-старший, стало восприниматься как препятствие экономической интеграции стран бывшего социалистического блока, открывшихся западному влиянию. К тому же, эта интеграция требовала политического сопровождения со стороны бюрократического аппарата, позиции которого были ослаблены в неолиберальный период по сравнению с предшествующим кейнсианским. В этом состоянии он оказывался для финансового капитала предпочтительным партнёром по сравнению с существенно усилившимся в рейгановско-бушевский период военным крылом правительства. Здесь складывается типичная для последующих десятилетий модель американской экспансии, продвигавшаяся Демократической партией: при поддержке финансистов и с опорой на бюрократический аппарат, включающий в том числе международные организации [Ikenberry 2004].

Тесно связанной с бюрократией группой было научное сообщество, и условия его вовлечения заметно отразились на новом режиме его функционирования, который достаточно точно характеризуется как «академический капитализм» [Slaughter, Rhoades 2009; Истомин 2015]. Этот термин используется для описания ситуации, в которой доминирующее влия-

ние в университетах, являющихся главной формой организации науки в США, переходит к наиболее экономически успешным подразделениям, в результате чего университеты смещаются от принципиального позиционирования себя как некоммерческих организаций к функционированию, нацеленному на извлечение прибыли. Этот переход происходит при прямой поддержке ведомств научной и образовательной политики (в случае США как федеральных, так и на уровне штатов), которые обеспечивают льготы и субсидии наиболее активно участвующим в этом процессе коллективам.

Концепция «академического капитализма» не только отражает трансформацию форм и содержания деятельности научного сообщества, но также сообщает и о характере преобразований в структуре и функциях бюрократии, что сделало возможным для нее войти в альянс с финансовым капиталом. При кейнсианском режиме полем её деятельности признавались области, где рынок не может быть эффективным, при неолиберальном – считалось необходимым сократить это поле до самого необходимого минимума. Теперь же главной задачей бюрократии становится продвижение рыночных механизмов во все области, которые ранее считались не подходящими для их применения.

Зачастую речь шла о поддержании искусственного конкурентного режима, как в случае конкурсного распределения финансирования на фундаментальные исследования. Одним из результатов этой программы стало усиление частного некоммерческого сектора, организации которого предположительно должны были решать задачи, ранее закреплённые за государством, действуя как частные экономические субъекты. Ождалось, что подобный подход сделает их деятельность более ответственной и эффективной. На практике же складывалась ситуация, когда НКО начинали работать в тесной связке с бюрократическим аппаратом, распределявшим средства на их поддержку, которые, попав в распоряжение частной орга-

низации, могли тратиться гораздо более свободно, чем в рамках бюджетов государственных ведомств [Paul 2024].

В результате сформировался «НКО-комплекс», аналогичный военно-промышленному, [Cooley, Ron 2002] с типичной практикой «вращающихся дверей». Последняя соединяла правительственные агентства и получающие от них заказы и субсидии организации, через которую вчерашие служащие переходили на высокоплачиваемые должности в НКО, а её сотрудники – на влиятельные государственные посты. Этот процесс активно поддерживался корпорациями, выступавшими учредителями большинства некоммерческих организаций и получавшими значительные преимущества от их деятельности – сокращение налогооблагаемой базы, возможности политического лоббирования, создание положительного имиджа и др.

Помимо прочего, концепция академического капитализма выделяется среди других попыток описать преобразования в науке 1990–2000-х годов благодаря анализу отраслевого состава доминирующего блока, сложившегося в эпоху глобализма. Экономически на первый план выходит сектор услуг, в первую очередь финансовых: инвестиционные корпорации получают доступ ко всем рынкам капитала в мире. Стоит также выделить отрасли, обеспечивающие быстрый рост стоимости активов. Главной среди них была информационно-коммуникационная отрасль, но аналогичным образом развивались фармацевтика, производство новых материалов и некоторые другие. Одновременно стремительный рост демонстрирует «НКО-комплекс». Увеличение оборота в этих отраслях обеспечивается участием финансового капитала через механизмы кредитования, как в образовании, страховании, как в медицине, и др. Между тем охват всех этих видов операций существенно расширяется благодаря политической и законодательной поддержке.

«Экономика знаний» отражает интересы сложившегося альянса. В её рамках как

неоспоримая данность утверждается, что знание представляет собой основной продукт передовой экономики, а наибольших темпов роста следует ожидать от корпораций, специализирующихся на его создании и коммерциализации. Тем не менее достижение максимальной производительности требует поддержки со стороны государства в виде создания инфраструктуры оборота знаний, которую составляют институциональные связи, объединяющие бизнес и научное сообщество и позволяющие быстро превращать новое знание в коммерциализируемые продукты. Ключевыми звеньями этой сети выступают университеты, которые в новых условиях, *во-первых*, должны сосредоточить внимание на потребностях корпоративного сектора, а *во-вторых* – принять предпринимательскую модель, предполагающую коммерциализацию собственной деятельности.

Данная модель отражала интересы ключевых групп, нараставших вес в американской экономике к 1990-м годам. Главным среди них было объединение, с одной стороны, финансового капитала, остро заинтересованного в возможностях высокоприбыльных инвестиций, и с другой – стремительно растущих в цене инфокоммуникационных, фармацевтических и иных высокотехнологичных корпораций. Способность последних обеспечивать сверхприбыли была во многом предопределена государственными расходами на исследования и разработки, в том числе по военной и медицинской линии. Именно их результаты корпорации превращали в продаваемые продукты. Немаловажное значение также имели расходы на образование, обеспечивавшие частному сектору готовые высококвалифицированные кадры. Для университетов же открывалась возможность извлекать доход из научной деятельности, в том числе той, которая напрямую оплачивалась государством [Mirowski 2011], равно как из образовательных услуг. Спрос на последние был существенно расширен за счёт кредитов, обеспеченных в значительной части случаев государственными гарантиями [Mitchell 2022].

Если раньше бюджетные расходы предназначались главным образом для тех направлений, которые не представляют интереса для частного сектора, то, начиная примерно с середины 1990-х годов, приоритетом государственной поддержки становились именно те центры, которые были вовлечены в сотрудничество с коммерческими организациями.

Бюрократия в этих условиях значительно расширяла своё влияние по сравнению с её положением в неолиберальной схеме экономики. На неё возлагались задачи создания инфраструктуры оборота знаний и обеспечения благоприятного инвестиционного климата. Последнее понятие постоянно расширялось, охватывая всё новые области – предельной точки это движение достигло в системе «экологического, социального и корпоративного управления» (ESG), которое значительно расширило регулирование деятельности частных корпораций. Границы между государственным регулированием, общественным надзором, осуществляемым НКО, и стандартами, предъявляемыми клиентам самими корпорациями, всё больше стирались, в то время как объём регулирования – расширялся [Cash 2024].

Включающий эти группы блок сохранял доминирующее положение вплоть до 2020-х годов, несмотря на попытки пересмотра его состава, в том числе при Джордже Буше-младшем (2001–2009), опиравшегося на рейгановскую коалицию военных и ресурсодобывающего сектора, и во время первого президентского срока Дональда Трампа (2017–2021), пытавшегося проводить антибюрократическую линию. Эта устойчивость и отражалась в неизменности содержания «экономики знаний».

Представители сравнительной политэкономии склонны рассматривать «экономику знаний» не как описание объективно сложившейся экономической системы, а как особый режим роста, сменивший в 1990-е годы рейгановский неолиберализм [Schwartz 2022; O'Donnovan 2022]. Центральной идеей последнего было доведение до предельных показателей прибыли

от материального капитала, выражавшееся в росте акционерной стоимости как главной цели всей коммерческой деятельности. Волна реорганизаций, сокращений и других мер, призванных увеличить прибыльность существующих предприятий, которая на первых порах приносила колоссальные доходы финансистам, достаточно быстро сошла на нет, и финансовый капитал снова столкнулся с дефицитом инвестиционных возможностей. Перспективу восполнить его обещали новые отрасли, в частности, инфокоммуникационная, основой для которых служили такие активы, как интеллектуальная собственность и высококвалифицированный труд. Фактически «экономика знаний» как политэкономическая программа представляла собой набор мер по наращиванию именно этих активов, обещавших новые возможности сверхприбыльного инвестирования.

Тем не менее их способность приносить прибыль заключалась не в заложенной в самих этих активах ценности, а в структуре глобальной экономики, которая сложилась в 1990-е годы. Как описывает эту систему Герман Шварц, она включала в себя три уровня: на первом были расположены корпорации, распоряжавшиеся главным образом интеллектуальной собственностью; на втором – предприятия с крупным материальным капиталом; на третьем – фирмы, получающие основную прибыль за счёт эксплуатации труда [Schwartz 2022]. Появление организаций, которые могли сосредоточить свою деятельность на управлении нематериальными факторами, было обусловлено процессами, развернувшимися с 1980-х годов: разделение крупных промышленных концернов, расширение возможностей использовать зарубежный труд и целенаправленные меры по усилению защиты исключительных прав.

Корпорации, обладающие интеллектуальной собственностью, смогли юридически отделиться от производства и связанных

с ним издержек, извлекая прибыль из производственных предприятий, связанных договорами об использовании исключительных прав – лицензионными и иными. Из оборота этих прав и возникает представление об «экономике знаний», более точным названием для которой Шварц считает «экономику франшиз»⁷. [Schwartz 2022, р. 75]. Примером такой организации являются популярные марки мобильных телефонов: корпорации, владеющие связанный с маркой интеллектуальной собственностью, получают большую часть прибыли от реализации аппаратов, создание которых включает капиталоёмкое производство комплектующих и трудоёмкие сборку и упаковку. Между тем аналогичным образом работает, например, гостиничный бизнес, где компании, управляющие интеллектуальной собственностью и получающие через её лицензирование контроль над гостиничными комплексами и предприятиями обслуживания, принадлежат другим лицам.

Этот экономический порядок имеет географическое отражение. Доминирующий блок составляют группы, которые, хотя и не без оснований характеризуются как транснациональные [Magara 2017], сосредоточены в странах Запада, представлению о котором примерно соответствует охват ОЭСР, а внутри этого условного региона – в США. Американские банки и инвестиционные компании сохраняют контроль над мировыми финансами, американская бюрократия обладает преобладающим влиянием в международных институтах, а американские университеты и другие исследовательские центры остаются мировыми научными лидерами. Совместно коалиция этих групп позволяет Соединённым Штатам удерживать за собой верхний уровень в структуре «экономики знаний», на котором аккумулируются исключительные права, позволяющие присваивать значительную долю прибыли от глобального

⁷ Под франшизой исходно понимается «право на франчайзинг, то есть на создание коммерческого предприятия, торгующего продукцией своего старшего партнера» (Большой юридический словарь. Сост. А.Б. Борисов. М.: Книжный мир, 2010. С. 596).

производства при том, что само производство в значительной степени расположено за пределами ОЭСР.

Присоединение к этой системе означало для большинства стран подключение к её нижнему трудоёмкому уровню, что подразумевало низкий уровень оплаты труда. Тем не менее активное включение в систему позволяло, благодаря доступу к технологиям и капиталовложениям, со временем сдвинуть экономику в сторону капиталоёмкого производства и в некоторых случаях повысить экономические показатели до уровня, позволяющего стать членом ОЭСР – такой путь прошли, в частности, Мексика и Республика Корея [Schricke 1994; Jones 2017]. Последняя одновременно является примером страны, которая сумела занять заметное место на верхнем уровне экономики знаний. Вместе с тем важно учитывать, что Южная Корея была сильно привязана к США по политической и экономической линии уже с 1940-х годов, поэтому её участие в возглавляемой США экономической системе началось гораздо раньше, чем для стран, заявивших о своём намерении присоединиться к ОЭСР в 1990-е годы. Этот пример показывает, что раннее присоединение к системе, когда капитальное и технологическое преимущество Запада было наиболее существенным, действительно открывало возможности подъёма экономики – помимо Южной Кореи, пройти этим путем удалось другим «азиатским тиграм», а в более ранний период – Японии. Преимущества же присоединения к ней на более поздних этапах были заметно меньше: со стороны ядра нарастали усилия по защите собственного господствующего положения и недопущению претендентов занять место на верхнем уровне глобальной экономики. Китай выражал осторожный интерес к присоединению во второй половине 2000-х годов [Fu Jing, 2008], но не получил статус кандидата на вступление.

Какое-либо продвижение КНР в этом направлении маловероятно, поскольку вторая администрация Трампа занимает откровенно антикитайскую позицию

[Rank, Yu 2024]. Общая же смена политического курса указывает на «пересборку» доминирующего блока. В общих чертах можно говорить о возвращении «рейгановской коалиции» финансового капитала, военно-промышленного комплекса и ресурсодобывающего сектора, в то время как позиции бюрократии ухудшаются. Положение той части научного сообщества, которая наиболее тесно связана с бюрократическим управлением, в том числе с продвижением различных стандартов «равенства» и «социальной справедливости», по всей видимости, ухудшится. В то же время часть науки, связанная с технологиями и военно-промышленным комплексом, по-видимому, займёт важное место в новом социальном блоке. Об этом свидетельствует переход ряда глав крупнейших цифровых корпораций от поддержки Демократической партии к поддержке республиканцев.

Поскольку цифровой сектор является, по сути, главным бенефициаром «экономики знаний», ожидать от администрации Д. Трампа отказа от созданной на её основе структуры вряд ли оправданно. Но если ранее «экономика знаний» ассоциировалась в основном с системой глобальных норм, поддерживаемой по большей части за счёт договоренностей и компромиссов [Истомин, Байков 2020], то с ослаблением объективного интереса значительной части мира к сотрудничеству со странами ОЭСР сохранение выгодной для США и их партнёров структуры, по-видимому, будет обеспечиваться давлением, вплоть до военного [McManus et. al. 2025].

Причиной этой перемены вряд ли можно считать личностные особенности 45, а теперь 47-го американского президента. Налицо серьёзный слом мировой конфигурации интересов и возможностей, который получил характерное отражение в главном издании ОЭСР, связанным с «экономикой знаний». В выпуске «Перспективы науки, технологий и инноваций» 2023 г. по сравнению со всеми предыдущими выпусками была радикально пересмотрена картина мира с глобальной, в которой мировая эко-

номика рассматривалась как единая взаимосвязанная и отрегулированная система, развивающаяся в общем для всех направлениях, на недвусмысленно конфронтационную⁸ [Антиохова, Коннов 2024]. Главным оппонентом оказывается не Россия, обвинения в адрес которой, хотя и обозначены, не занимают много места, а угрожающий научно-технологическому превосходству стран ОЭСР Китай. Он представлен как главный нарушитель «правил и норм глобальной экономики», ставящий под сомнение основы самой глобальной системы, основанной на знаниях. Именно КНР, аккумулировавшая колоссальные капитальные и трудовые ресурсы, может занять доминирующие позиции в том числе и в области интеллектуальной собственности, позволяющей странам ОЭСР перенаправлять доходы от мирового производства в свою пользу.

Заключение

Знакомство с источниками, претендующими на отражение «экономики знаний» как новой экономической реальности, показывает, что речь в них идет не столько о фиксации реально развивающихся тенденций, сколько о формировании концепции, призванной легитимизировать определенную модель экономических отношений. Эта модель ориентирована на интересы конкретных отраслей экономики и стран, в которых эти отрасли занимают лидирующие позиции. Примечательно, что этот круг стран практически полностью

совпадает с составом ОЭСР, что наглядно указывает на ведущую роль организации в продвижении концепции.

Сама концепция изначально носила эклектичный характер: под её рамками были объединены как минимум четыре существенно различающиеся теоретические парадигмы – новая теория роста, теории информационного общества, национальных инновационных систем и человеческого капитала. Каждая из них формировалась в специфических исторических и институциональных контекстах, которые не учитывались при их объединении в рамках дискурса экономики знаний.

Несмотря на эти методологические уязвимости и экономические кризисы, приведшие на пик влияния концепции, «экономика знаний» продолжает сохранять устойчивость. Объяснение этому следует искать в её соответствии интересам доминирующего социально-экономического блока, сформировавшегося в США в 1990–2010-е годы, в который входили финансовый капитал, высокотехнологичные корпорации, а также национальная и международная бюрократия.

«Экономика знаний» выступила идеологическим сопровождением режима роста, в котором ключевую роль играют нематериальные активы. Её влияние объясняется не столько внутренней теоретической последовательностью, сколько способностью легитимизировать интересы влиятельных групп и поддерживать сложившийся порядок в мировой экономике.

Список литературы

Антиохова Е.А., Коннов В.И. Цели инновационной политики ОЭСР на современном этапе: неограмшианский анализ // Политическая наука. 2024. №4. С. 217–240. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.09>

Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика М.: КомКнига, 2010. 384 с.

Истомин И.А. Исследовательские университеты США: преимущества и риски синтеза науки и образования // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. №12(552). С. 69–84.

Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.02>

⁸ OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2023. Paris: OECD, 2023.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.

Райнхардт Р.О. Взаимосвязь между финансированием науки в США и численностью американского научного сообщества: опыт Национального научного фонда // Научный диалог. 2016. №10. С. 261–273.

Amable B. Diversity and the Dynamics of Capitalism // European Journal of Economics and Economic Policies. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 238–248. DOI:10.4337/ejep.2018.02.13

Barnett W., Samuelson P. An Interview with Paul Samuelson // Macroeconomic Dynamics. 2004. No. 4. P. 519–542.

Baccaro L., Pontusson J. The Politics of Growth Models. Review of Keynesian Economics. 2022. No. 2. P. 204–221.

Brown P., Lauder H., Cheung S.Y. The Death of Human Capital? New York: Oxford University Press, 2020. 314 p.

Cash D. ESG Rating Agencies and Financial Regulation. Cheltenham: Edward Elgar, 2024. 168 p.

Cohen B. Rethinking International Political Economy. Cheltenham: Edward Elgar, 2022. 192 p.

Cooley A., Ron J. The NGO Scramble: Organizational Insecurity and the Political Economy of Transnational Action // International Security. 2002. No. 1. P. 5–39.

Fu Jing. China in Running for OECD // China Daily. 25 March 2008. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2008-03/25/content_6563669.htm Accessed: 07.07.2025

Godin B. The Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? // Journal of Technology Transfer. 2006. Vol. 31. P. 17–30. <https://doi.org/10.1007/s10961-005-5010-x>

Hall P. Growth Regimes // Business History Review. 2024. Vol. 98. No. 1. P. 259–283. <https://doi.org/10.1017/S0007680522000034>

Haskel J., Westlake S. Capitalism without Capital. Princeton: Princeton University Press, 2018. 278 p.

Ikenberry J. Liberalism and Empire: Logics of Order in the American Unipolar Age // Review of International Studies. 2004. Vol. 30. No. 4. P. 609–630.

Jones R. Korea's Economy: Finding a New Momentum // OECD Observer. 2017. Issue 6. P. 14-15.

Kline S., Rosenberg N. An Overview of Innovation // The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth / ed. by R. Landau, N. Rosenberg. Washington, DC: National Academy Press, 1986. P. 275–307.

Levy J. Ages of American Capitalism. New York: Random House, 2021. 947 p.

Lundvall B.-A., Johnson B. The Learning Economy // Journal of Industrial Studies. 1994. Vol. 1. No. 2. P. 23–42. <https://doi.org/10.1080/13662719400000002>

Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton University Press, 1972. 438 p.

Magara H. Introduction: Social Coalitions between Equilibria and Crises // Growth, Crisis, Democracy / ed. by H. Magara, B. Amable. London: Routledge, 2017. 15p. <https://doi.org/10.4324/9781315408422>

McManus A. et. al. 100 Days of the Trump Administration's Foreign Policy: Global Chaos, American Weakness, and Human Suffering. Center for American Progress. 24.04.2025. URL: <https://www.americanprogress.org/article/100-days-of-the-trump-administrations-foreign-policy-global-chaos-american-weakness-and-human-suffering/> Accessed 07.07.2025

Mirowski P. The Science-Mart: Privatizing American Science. Cambridge: Harvard University Press, 2011. 464 p.

Mitchell J. The Debt Trap: How student loans became a national catastrophe. New York: Simon and Schuster, 2022. 272 p.

Nelson R., Romer P. Science, Economic Growth, and Public Policy // Challenge. 1996. Vol. 39. No. 1. P. 9–21.

O'Donovan N. Pursuing the Knowledge Economy. Newcastle: Agenda Publishing, 2022. 232 p.

Pass J. American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective. New York: Routledge, 2019. 266 p.

Paul D. Why NGOs Run Your World // Compact. 22.02.2024. URL: <https://www.compactmag.com/article/why-ngos-run-your-world/> Accessed 07.07.2025

Porat M.U. The Information Economy: Definition and Measurement. Washington, DC: US Government Printing Office, 1977. 250 p.

Psacharopoulos G. The Contribution of Education to Economic Growth // International Comparisons of Productivity and Causes of the Slowdown / ed. by J. Kendrick. Cambridge: Ballinger Publishing, 1984. P. 335–353.

Rank D., Yu A. Trump and China: An Unprincipled, Impractical, Reactionary Approach to China Policy. Center for American Progress. 19.12.2024. URL: <https://www.americanprogress.org/article/trump-and-china-an-unprincipled-impractical-reactionary-approach-to-china-policy/> Accessed: 07.07.2025

Romer P. The Origins of Endogenous Growth // *The Journal of Economic Perspectives*. 1994. Vol. 8. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1257/jep.8.1.3

Schricke C. Mexico, 25th Member of the OECD. // *OECD Observer*. 1994. Issue 3. P. 4–7.

Schwartz H. From Fordism to Franchise: Intellectual Property and Growth Models in the Knowledge Economy // *The Diminishing Returns* / ed. by L. Baccaro, M. Blyth, J. Pontusson. New York: Oxford University Press, 2022. P. 74–97.

Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009. 384 p.

THE "KNOWLEDGE ECONOMY" AS A POLITICAL CONSTRUCT*

VLADIMIR KONNOV

DARIA TALAGAEVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the knowledge economy which took shape in the 1990s largely through the efforts of international organizations, with the OECD playing a central role. Drawing on the approaches of intellectual history, the authors analyze the theoretical foundations of the knowledge economy – namely, how disparate intellectual traditions were selectively assembled into a coherent policy framework. The paper situates the concept within the broader field of international political economy, emphasizing how it reflects and reinforces the intersecting interests of national and transnational actors within the global economic order. Four key theoretical pillars underpin the knowledge economy: new growth theory, information society, national innovation systems and human capital. The article demonstrates that each of them emerged from distinct intellectual and socio-political environments, and their validity was historically contingent upon the conditions in which they were first deployed. While the attempt to synthesize them into a common framework highlights their contextual limitations, the knowledge economy is deemed remarkably resilient. It has managed to become background knowledge shaping contemporary understandings of economic progress – even amid global crises. The reason for this endurance is its alignment with the material and ideological interests of a dominant social bloc in the United States during the 1990s–2010s: finance capital, high-tech industries, national and international bureaucracy. The paper concludes that the knowledge economy should be understood as a descriptive framework for the unfolding dynamics of the global economy. This dynamics is best observed in the formation of a three-tiered structure – enterprises centered on intangible assets, capital-intensive enterprises, and labor-exploitative enterprises. The knowledge economy serves as a tool for the ideological articulation of this regime.

Keywords:

growth regime; international political economy; Organization for Economic Cooperation and Development; new growth theory; national innovation systems; human capital

References

Antiukhova E.A., Konnov V.I. (2024). Tseli innovatsionnoi politiki OESR na sovremennoi etape: neogramshianskii analiz [Current aims of the OECD innovation policy]. *Politicheskaiia nauka*. No. 4. P. 217–240. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.09>

* The paper was prepared with support from the Russian Science Foundation, grant no. 23-78-10093.

Afontsev S.A. (2010). Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika [Political Markets and Economic Policy]. Moscow: KomKniga.

Istomin I. A. (2015). Issledovatel'skie university SShA: preimushchestva i riski sinteza nauki i obrazovaniia [U.S. research universities: benefits and tradeoffs of education and science under one roof]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*. No. 12(552). P. 69–84.

Istomin I.A., Baykov A.A. (2020). Al'iansi na sluzhbe gegemonii: dekonstruktii instrumentariia voenno-politicheskogo dominirovaniia [Alliances at the service of hegemony: deconstruction of the military domination]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. No. 6. P. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.02>

Atnashev T., Velizhev M. (eds) (2018). *Kembriidzhskaya shkola: teoriia i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 632 p.

Reinhardt R.O. (2016). Vzaimosviaz' mezhdu finansirovaniem nauki v SShA i chislennost'iu amerikanskogo nauchnogo soobshchestva: opyt Natsional'nogo nauchnogo fonda [The relationship between U.S. science funding and the size of the U.S. scientific community: the National Science Foundation's experience]. *Nauchnyi dialog*. No. 10. P. 261–273.

Amable B. (2018). Diversity and the Dynamics of Capitalism. *European Journal of Economics and Economic Policies*. Vol. 15. No. 2. P. 238–248. DOI:10.4337/ejep.2018.02.13

Barnett W., Samuelson P. (2004). An Interview with Paul Samuelson. *Macroeconomic Dynamics*. No. 4. P. 519–542.

Baccaro L., Pontusson J. (2022). The Politics of Growth Models. *Review of Keynesian Economics*. No. 2. P. 204–221.

Brown P., Lauder H., Cheung S. Y. (2020). *The Death of Human Capital?* New York: Oxford University Press. 314 p.

Cash D. (2024). *ESG Rating Agencies and Financial Regulation*. Cheltenham: Edward Elgar. 168 p.

Cohen B. (2022) *Rethinking International Political Economy*. Cheltenham: Edward Elgar. 192 p.

Cooley A., Ron J. (2002). The NGO Scramble: Organizational Insecurity and the Political Economy of Transnational Action. *International Security*. No. 1. P. 5–39.

Fu Jing (2008) China in Running for OECD. *China Daily*. 25 March 2008. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2008-03/25/content_6563669.htm Accessed: 07.07.2025

Godin B. (2006). The Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? *Journal of Technology Transfer*. Vol. 31. P. 17–30. <https://doi.org/10.1007/s10961-005-5010-x>

Hall P. (2024). Growth Regimes. *Business History Review*. Vol. 98. No. 1. P. 259–283. <https://doi.org/10.1017/S0007680522000034>

Haskel J., Westlake S. (2018). *Capitalism without Capital*. Princeton: Princeton University Press. 278 p.

Ikenberry J. (2004). Liberalism and Empire: Logics of Order in the American Unipolar Age. *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 4. P. 609–30.

Jones R. (2017) Korea's Economy: Finding a New Momentum. *OECD Observer*. No. 6. P. 14–15.

Kline S., Rosenberg N. (1986). An Overview of Innovation. In: R. Landau, N. Rosenberg (eds.) *The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth*. Washington, DC: National Academy Press. P. 275–307.

Levy J. (2021). *Ages of American Capitalism*. New York: Random House. 947 p.

Lundvall B.-A., Johnson B. (1994). The Learning Economy. *Journal of Industrial Studies*. Vol. 1. No. 2. P. 23–42. <https://doi.org/10.1080/13662719400000002>

Machlup F. (1972). *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press. 438 p.

Magara H. (2017). Introduction: Social Coalitions between Equilibria and Crises. In: H. Magara, B. Amable (eds.) *Growth, Crisis, Democracy*. London: Routledge, 2017. 15 p. <https://doi.org/10.4324/9781315408422>

McManus A. et. al. (2025) 100 Days of the Trump Administration's Foreign Policy: Global Chaos, American Weakness, and Human Suffering. *Center for American Progress*. 24.04.2025. URL: <https://www.americanprogress.org/article/100-days-of-the-trump-administrations-foreign-policy-global-chaos-american-weakness-and-human-suffering/> Accessed 07.07.2025

Mirowski P. (2011). *The Science-Mart: Privatizing American Science*. Cambridge: Harvard University Press. 464 p.

Mitchell J. (2022). *The Debt Trap: How Student Loans Became a National Catastrophe*. New York: Simon and Schuster. 272 p.

Nelson R., Romer P. (1996). Science, Economic Growth, and Public Policy. *Challenge*. Vol. 39. No. 1. P. 9–21.

O'Donovan N. (2022). *Pursuing the Knowledge Economy*. Newcastle: Agenda Publishing. 232 p.

Pass J. (2019). *American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective*. New York: Routledge. 266 p.

Paul D. (2024) Why NGOs Run Your World // Compact. 22.02.2024. URL: <https://www.compactmag.com/article/why-ngos-run-your-world/> Accessed 07.07.2025

Porat M. U. (1977). The Information Economy: Definition and Measurement, Washington, DC: US Government Printing Office. 250 p.

Psacharopoulos G. (1984). The Contribution of Education to Economic Growth. In: J. Kendrick (ed.) *International Comparisons of Productivity and Causes of the Slowdown*. Cambridge: Ballinger Publishing. P. 335–353.

Rank D., Yu A. (2024) Trump and China: An Unprincipled, Impractical, Reactionary Approach to China Policy. *Center for American Progress*. 19.12.2024. URL: <https://www.americanprogress.org/article/trump-and-china-an-unprincipled-impractical-reactionary-approach-to-china-policy/> Accessed: 07.07.2025

Romer P. (1994). The Origins of Endogenous Growth. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 8. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1257/jep.8.1.3

Schricke C. (1994). Mexico, 25th Member of the OECD. // *OECD Observer*. No. 3. P. 4–7.

Schwartz H. (2022). From Fordism to Franchise: Intellectual Property and Growth Models in the Knowledge Economy. In: L. Baccaro, M. Blyth, J. Pontusson (eds.) *The Diminishing Returns*. New York: Oxford University Press. P. 74–97.

Slaughter S., Rhoades G. (2009). *Academic Capitalism and the New Economy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 384 p.

РОССИЙСКАЯ НАУКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ФЛАГМАН МГИМО

АНДРЕЙ ЦЫГАНКОВ

Калифорнийский университет в Сан-Франциско, Сан-Франциско, США

ПАВЕЛ ЦЫГАНКОВ

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В статье прослеживается путь становления Московского государственного института международных отношений (Университета) в качестве ведущего отечественного образовательного учреждения и научно-аналитического центра. Достижения МГИМО в создании новых научных и образовательных подразделений, подготовке специалистов, консолидации профильных журналов и привлечении ведущих экспертов в области международных отношений поистине значительны. Качественное ускорение этому процессу было придано после окончания «холодной войны». Благодаря руководству института, здесь всегда всерьёз относились к формированию теоретических основ российского международно-политического анализа, привлекая к преподаванию и исследованиям не только экспертов по специальным областям, но и теоретиков, формирующих общие идеиные основания отечественной школы международных отношений. Почти сразу после рождения постсоветской России руководством института во главе с Ректором А.В. Торкуновым и первым проректором И.Г. Тюлиным была выдвинута целевая установка на разработку новых интеллектуальных основ роли России в мире и формирования своей школы в теории МО. Особое внимание в статье уделяется трём взаимосвязанным задачам, которые решаются при активном участии МГИМО, придавая ему флагманскую роль в российской науке международных отношений. Это интеграция достижений западной науки, формирование необходимого для развития национальной школы державного консенсуса и обеспечение открытости миру с позиций страны с самостоятельной системой ценностей. Решение каждой из этих задач не является догмой и нуждается в постоянном обновлении и работе. Фиксация достигнутых успехов – необходимое условие понимания этапа развития, на котором сегодня находятся МГИМО и связанная с его деятельностью современная российская наука МО. Характерная черта современного этапа – превращение МГИМО в университет мирового уровня, отвечающий самым высоким требованиям в образовательной, научно-исследовательской и экспертно-аналитической деятельности.

Ключевые слова:

МГИМО; международные отношения; российская школа; теория международных отношений

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2025

Дата принятия к публикации: 15.11.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: andrei@sfsu.edu

«Университет мирового уровня – это не только образовательное учреждение. Это и центр научно-исследовательской и экспертной активности, способный создавать и транслировать в мировое сообщество лучшие идеи, распространять знания, делиться опытом»

(Ректор МГИМО академик А.В. Торкунов)¹

Введение

Развитие науки о международных отношениях (МО) и изучение мировой политики во всём её многообразии неотделимо от деятельности созданных для этих целей исследовательских и образовательных центров. МГИМО занимает среди них особое место и по праву считается одним из передовых научно-образовательных центров изучения МО в России. Несмотря на свою относительную молодость², МГИМО во многом определяет вектор развития дисциплины МО в стране. Институт не только соотносит свою деятельность с современными траекториями развития России, но и последовательно стремится к лидерству, опираясь на лучшие международные достижения и практики.

МГИМО остаётся институтом державной традиции – кузницей кадров, которые защищают интересы и ценности России на международной арене. Его задача не только в том, чтобы осмыслять место и интересы страны в мире, но и в обосновании пройденного ею сложного исторического пути. В основе этой традиции – убеждённость, что для обеспечения свободного и суверенного развития у каждой страны должно быть своё национальное мировоззрение, опиравшееся на реальные достижения и подкреплённое работами аналитиков и практиков МО как в России, так и за рубежом.

Репутация МГИМО как открытого миру института с державной традицией стала укрепляться среди международников по крайней мере с 1970-х годов. Импульсом к этому стало создание в стенах института

новых аналитических центров, в первую очередь Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (ПРОНИЛ). Начиная с этого момента профиль института вышел за рамки исключительно языковой, страноведческой и исторической подготовки дипломатов, ориентируясь на выработку теоретических и аналитических подходов к пониманию места и роли страны на международной арене. После окончания «холодной войны» этому процессу было придано качественное ускорение. Вклад МГИМО в развитие отечественной науки о МО в последующие десятилетия трудно переоценить. Он проявился в создании новых научных и образовательных подразделений, подготовке уникальных специалистов, консолидации вокруг себя ведущих научных журналов и привлечении наиболее авторитетных экспертов в сфере МО.

В постсоветский период деятельность МГИМО в решающей степени осуществлялась и продолжает осуществляться под руководством бессменного Ректора института академика А.В. Торкунова. Возглавив МГИМО в сложном для страны 1992 году, он активно участвовал в его развитии уже с конца 1980-х годов, вернувшись в Университет после дипломатической работы. Несомненно, МГИМО, каким он известен нам сегодня, несёт на себе особый отпечаток деятельности А.В. Торкунова и его ближайших соратников. Некоторых из них уже нет с нами, но их видение и понимание миссии МГИМО продолжает быть и видением Ректора [Торкунов 2025].

¹ Торкунов А.В. Научные школы МГИМО-университета в контексте его 70-летия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 5 (38). С. 25.

² МГИМО был создан как самостоятельный институт в результате отделения от МГУ в 1944 году.

В данном очерке нам хотелось бы высказаться о том, что мы подразумеваем под флагманской ролью МГИМО в контексте развития российской науки о МО. Практически сразу после рождения постсоветской России руководство института во главе с Ректором А.В. Торкуновым и первым проректором И.Г. Тюлиным, поставило задачу выработки новых интеллектуальных основ роли России в мире и формирования своей школы в теории МО. Руководство института всегда всерьёз относились к формированию теоретических основ российского анализа МО, привлекая к преподаванию и исследованиям не только экспертов по отдельным областям, но и специалистов, занятых выработкой общих идеинных основ российской школы МО. Поскольку эта тематика для нас близка, мы уделим ей в статье особое внимание³.

После краткого обзора роли МГИМО в становлении российской школы МО будут рассмотрены три взаимосвязанные задачи, решавшиеся при активном участии института: интеграция достижений западной науки о международных отношениях; формирование державного консенсуса, необходимого для развития национальной научной традиции; обеспечение открытости миру с позиций страны, обладающей самостоятельной системой ценностей (цивилизации). Каждая из этих задач не носит догматического характера и требует постоянного обновления и аналитической работы. Фиксация достигнутых результатов выступает необходимым условием адекватного понимания текущего этапа развития МГИМО и связанной с его деятельностью современной российской науки о МО.

Изучение международных отношений и роль МГИМО

История изучения МО в России не была ни простой, ни линейной [Торкунов 2008, 2019, 2024]. Она началась в рамках марк-

истской традиции вскоре после Октябрьской революции 1917 года. До этого времени осмысление МО в основном было связано с размышлениями о мире в рамках политической философии, а также со страноведением и изучением истории западной дипломатии. В советское время систематическое изучение МО началось с учреждения Института мирового хозяйства и мировой политики в 1925 году, директором которого в 1927 г. стал венгерский коммунист и деятель Коминтерна Е. Варга [Lebedeva 2018: 32]. В духе времени институт сосредоточился на изучении зарубежного рабочего движения и кризиса мирового капитализма. Одновременно продолжилось изучение стран Востока и истории дипломатии в академических институтах.

Изучение МО как межгосударственных отношений стало важным направлением исследований после Второй мировой войны. Значительный вклад в теоретическое осмысление МО внёс возрожденный в 1956 г. после расформирования Института мирового хозяйства и мировой политики в 1948 г. Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук СССР. Под руководством В.И. Гантмана появились первые крупные работы о взаимодействии государств на международной арене⁴. На данном этапе отечественные исследования испытали существенное влияние системного подхода и реалистских традиций в общественных науках; в меньшей степени влияние оказали неолиберальные теории взаимозависимости. Кроме того, как в ИМЭМО, так и в других институтах активно применялись сравнительные теории, позволявшие осмысливать политические и экономические процессы на Западе и странах Третьего мира.

Все эти подходы сохранили своё значение и сегодня, и немалую роль в этом сыграли исследования учёных МГИМО. Во второй половине 1976 г. была создана упомянутая выше ПРОНИЛ под руковод-

³ Важно заметить, что достижения МГИМО гораздо шире обозначенной нами компетенции и не могут быть охвачены в полной мере в рамках статьи.

⁴ Подробнее см. [Гантман 1976, 1984; Иноземцев 2022].

ством В.Б. Тихомирова, затем И.Г. Тюлина, а после его перехода на должность первого проректора – М.А. Хрусталёва. В это время на работу в Лабораторию стали приглашать специалистов из разных областей: экономистов, психологов, юристов и даже математиков, что отражало стремление использовать строго научные методы исследования. Методологический упор был сделан на системное осмысление международных отношений на основе количественного анализа данных [Lebedeva 2018: 44]. Параллельно была создана лаборатория со схожими целями и в Дипломатической академии. В тот период под влиянием бихевиористской революции количественные методы исследования МО получили широкое распространение и на Западе, прежде всего в США⁵. Кроме того, в МГИМО значительное внимание уделялось изучению конфликтов, дипломатии, проблемам экономического и политического развития и многим другим вопросам⁶.

Уже в советское время сформировались ключевые черты будущей науки о МО в России. В её основе было понимание важности изучения системных экономических и военно-политических процессов в сочетании с осознанием своего места в мире, определяемого идейными ценностями и национально-государственными интересами. В советский период такие ценности выражались на языке идеологии марксизма и связывались прежде всего с борьбой за укрепление в мире позиций рабочего класса и освобождение от западного экономического доминирования. Марксизм, несмотря на свою идеологическую заданность, был и остаётся заслуживающим внимания образцом осмыслиения МО в связи с его тремя ключевыми особенностями. *Во-первых*,

марксистское мышление о мире являлось критическим и направленным на достижение социально значимых целей. Утверждение Маркса, что философы должны выйти за рамки объяснения мира и стремиться к его изменению, подчеркивало связь теории с практикой, разрушая основы ориентированного на статус-кво позитивистского мышления. *Во-вторых*, марксистская теория в своём ядре предполагала структурно-исторический подход, подразумевавший связь мировых событий с явлениями глобальной эксплуатации и неравенства и выявлявший их истоки и социальные корни. *В-третьих*, марксистский анализ был целостным и глобальным, поскольку понимал мир как разделённый, но диалектически единый. Несмотря на засилье в то время идеологически догматических и далёких от научности работ, немалому количеству исследователей в академических институтах и за их пределами удавалось оставаться учёными. Они заложили основы перспективных научных направлений, создав в советский период уникальные школы системного анализа, востоковедения, теории модернизации и анализа циклов мировой политики, которые остаются актуальными и нуждаются в дальнейшем развитии⁷.

В отечественных исследованиях МО постсоветского периода вновь усилился интерес к реализму в сочетании с системным подходом. В МГИМО правопреемником и продолжателем традиции ПРОНИЛ стал Центр международных исследований (1990–2004), преобразованный в Научно-координационный совет по международным исследованиям (2004–2009). С 2009 г. исследовательскую деятельность осуществляет Институт международных исследова-

⁵ В ПРОНИЛ МГИМО в ходе разработок на основе математических методов обнаружилась несопоставимость трудовых затрат и фактических результатов, поэтому в дальнейшем прикладные исследования ИМИ МГИМО сосредоточились в основном на использовании традиционных методов анализа [Торкунов 2025].

⁶ Список работ учёных МГИМО был бы слишком обширным. Среди заслужителей были, в частности, ранние работы сторонников упомянутого нами системного анализа МО. Подробнее см. [Антухина-Московченко, Злобин, Хрусталёв 1980; Хрусталёв 1987].

⁷ Подробнее см. [Гантман 1984; Рейннер, Симония 1984; Хрусталёв 1987; Пантин, Лапкин 2006].

ний (ИМИ), состоящий в настоящее время из семи программ и производящий аналитическую продукцию, востребованную ключевыми государственными структурами, участвующими в формировании внешней политики страны [Торкунов 2025].

Благодаря усилиям целой плеяды исследователей, сочетание реализма с системным подходом остаётся влиятельным и сегодня. В целом марксизм отошёл на задний план, в том числе потому, что его пафос критического, системного и глобального осмысления МО оказался во многом дискредитирован давлением официальной советской идеологии. Гегемония советского марксизма-ленинизма сковывала творческую мысль, навязывая учёным-международникам жёсткие каноны, и поощряла догматические трактовки мировых событий. «Наука» в области МО нередко сводилась к интерпретации официальных документов и речей лидеров на съездах Коммунистической партии Советского Союза. Кроме того, советский марксизм допускал лишь минимальный диалог с зарубежными учёными.

После распада СССР в стране произошла смена ценностной парадигмы. России пришлось пройти немалый путь в контексте выработки критического, системного и глобального осмысления МО с позиции вновь обретённых национальных интересов и ценностей.

Интеграция достижений Запада

Первым вызовом на этом пути стала интеграция новых научных достижений Запада. Радикально прозападная позиция российского руководства в 1990-е годы ориентировала на разработки теорий интеграции страны в западное сообщество. Наряду с понятными трудностями осознания нового положения России в мире, такая ориентация порождала стремление перенимать идеи доминировавшего в тот период либерального направления западного обществоведения. Один из примеров — готовность ряда российских международников на протяжении первых десятилетий развития страны после распада

СССР пропагандировать теорию демократического мира [Кулагин 2000]. Теория широко использовалась в США для глобального продвижения американских ценностей, но была далека от универсальной применимости [Цыганков А., Цыганков П. 2005]. В определённой степени её выводы задавали ложные ориентиры, уводя Россию от необходимого поиска и обретения исторически сложившихся ценностей в формировании национального мировоззрения и собственной теоретической школы.

Осознав эту опасность, российское академическое сообщество предложило для осмысления МО подходы, в большей степени соответствовавшие положению и интересам России. После непродолжительного периода доминирования в российском международно-политическом дискурсе либерального западничества, российские международники перешли к новому этапу дискуссий о методологии изучения МО в стране. Ключевым вопросом стало определение оптимального баланса в заимствовании западных идей: как расширить научный кругозор российских исследователей, не ограничивая его либерально-западной парадигмой. Важную роль в этой дискуссии сыграла статья А.Д. Богатурова «Десять лет “парадигмы освоения”», получившая широкий резонанс в научной среде [Богатуров 2000]. Опираясь на опыт работы в Московском общественном научном фонде, он показал, что проблема заключается в недостатке эмпирических исследований, основанных на собственно российских теоретических разработках. Выход из создавшегося положения виделся А.Д. Богатурову в формулировании иного подхода и более активного интегрирования российского опыта и реалий.

Следующим вызовом стала трансформация научно-образовательной системы: доминировавшая в советский период идеологизация в духе марксизма после распада СССР сменилась активной интернационализацией. Однако довольно скоро наряду с очевидными преимуществами этого процесса, позволявшего совершенствовать подготовку специалистов в соответствии

с мировыми стандартами, стали проявляться и связанные с ним проблемные аспекты. Как подчеркивал А.В. Торкунов: «Анализ текущих тенденций в рамках так называемого Болонского процесса свидетельствует, что он был направлен прежде всего на решение не научно-образовательных, а социально-политических задач, и в первую очередь – на формирование молодого поколения “подлинных европейцев”, на консолидацию общеевропейской идентичности. Но в этом случае имеет ли смысл нам, российскому вузовскому сообществу, столь поспешно и с безоговорочной готовностью принимать чужие правила игры и стандарты...» [Торкунов 2017].

Всё более широкую поддержку в кругах российских международников получает подход, согласно которому «международные отношения, будучи всемирным, глобальным феноменом, требуют глобального же осмысления. Стало быть, теория о них, очевидно, не может не быть столь же глобальной и комплексной, но при этом не универсальной в том смысле, в котором ее понимают и продвигают наши англо-саксонские коллеги... в теории международных отношений должен признаваться плюрализм концептуальных и эпистемологических подходов, воплощающих национально-специфический взгляд на международно-политическую реальность» [Торкунов 2017: 597].

Переосмысление отношения к западной системе высшего образования и научному знанию привело к конкретным результатам. В России, при активном участии учёных МГИМО, стали создаваться научные центры и проводиться исследования с первоочередной опорой на национальные достижения и потребности. За последние два десятилетия как в самом Университете, так и за его пределами был накоплен значительный экспертно-эмпирический материал. Важно и то, что формирование базы эмпирических знаний в МГИМО не под-

меняет, а дополняет поиски национально-теоретических основ развития международных исследований. Здоровый скепсис по отношению к западной теории международных отношений (ТМО) не должен оборачиваться неприятием любой теории как чего-то экзотического и далекого от реальности.

Неразрешимая диалектика глобального и самобытного требует постоянного взаимодействия с окружающим миром, включая западные страны. В этом смысле освоение мирового опыта изучения МО является постоянным процессом. Интеграция в международное профессиональное сообщество должна продолжаться, как должен продолжаться и поиск отвечающих потребностям страны оснований и границ такой интеграции [Цыганков А., Цыганков П. 2024].

Формирование державного консенсуса

По итогам пути, пройденного после распада Советского Союза, российские международные исследования в основном сформировались как самостоятельная дисциплина с собственными эмпирическими и теоретическими направлениями, а также методологическими подходами⁸. Становление дисциплины стало возможным благодаря достижению необходимого для этого державного политического консенсуса в стране. Такой консенсус предполагает признание международниками двух важных допущений. Первое заключается в том, что российская наука о МО обязана исходить из приоритета интересов и ценностей страны, а её исследования – помочь выработке более эффективной политики России на международной арене. Второе допущение предполагает важность наличия в рамках сложившегося консенсуса широкого разнообразия интеллектуальных позиций и дискуссий: любой консенсус, как известно, предполагает на навязывание, а формирование согласия в результате многократных обсуждений.

⁸ Развитие российских международных исследований анализировалось во многих работах. См., например [Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2005; Лебедева 2013; Tsygankov 2022; Lagutina, Tsvetkova, Sergunin 2023].

Важную роль в формировании этого консенсуса сыграл МГИМО. После распада СССР дискуссии о месте страны в мире и оптимальных способах отстаивания национальных интересов были особенно острыми, но в целом продуктивными. В институт приглашались и приглашаются преподаватели и учёные с самыми различными взглядами. Идейно-политические споры западников и почвенников, либералов и государственников, имперцев и националистов нашли свое выражение и в стенах МГИМО – во многом благодаря руководству института, осознавшему важность такого плюрализма. При этом изначальная ориентация на формирование российской школы МО способствовала определению конструктивных границ таких дискуссий. За пределами таких границ – забвение интересов собственной страны или вознесение их на вершину, с которой невозможно равноправное взаимодействие и диалог с зарубежными направлениями и школами мысли.

В результате такого развития большинство российских международников в МГИМО и за его пределами пришли к осознанию, что в условиях глобальной нестабильности национальное осмысление мировых процессов и дальнейшее формирование национальных школ – не интеллектуальная роскошь, а насущная необходимость для выживания и развития страны. Различные направления и подходы в рамках российских международных исследований в целом разделяют это понимание. Как отмечалось ранее, такое понимание означает восприятие определённой системы идейно-ценостных допущений. Хотя многие учёные стремятся к получению универсального знания, сегодня стало очевидным и осознание невозможности обретения истин, находящихся вне времени и пространства⁹. Наука руководствуется не только абстрактно-гуманистическими идеалами, но и национальными интереса-

ми. Как писал в свое время С. Хоффманн: «Учёные не любят думать о своей интеллектуальной зависимости от статуса своей страны и амбиций её политической элиты; это подрывает их чувство принадлежности к космополитическому, свободно развивающемуся научному сообществу... И всё же эта связь существует. И иногда она подкрепляется институциональными механизмами» [Hoffmann 1995].

С пониманием этих реалий связан выбор тем для изучения МО в стенах МГИМО и за его пределами. В частности, представители реалистского направления в российских исследованиях заняты поиском ответов на вопросы, связанные с обеспечением политического суверенитета, государственного статуса и безопасности России от внешних угроз. В сфере их внимания находятся проблемы выстраивания военно-политических союзов, отношения с потенциально враждебными державами, сохранение военно-политического баланса на региональном и глобальном уровнях, роль ядерного и обычного вооружения, а также внутренние и внешние аспекты формирования большой стратегии [Богатуров 1997, 2020; Истомин 2017; Шаклеина 2002, 2017]. Представители либерального направления теории МО, сохраняя приверженность развитию России в соответствии с международными нормами и институтами, традиционно рассматривают вопросы об условиях такого соответствия. Они нередко отмечали необходимость для России не только сохранять национальную безопасность и суверенитет, но и развиваться в мирополитических реалиях в тесном экономическом и политическом взаимодействии с другими народами [Барабанов 2002; Давыдов 2002; Мельвиль 2002; Сергеев 2001]. В свою очередь, сторонники конструктивистских подходов подчеркивают роль агент-структурных взаимодействий, влияния идей и других нематериальных факторов на международно-политическое

⁹ Современные позитивисты признают даже, что американское доминирование в этой области имеет тенденцию создавать «слепые пятна» в МО, тем самым негативно влияя на научные исследования. Подробнее см. [Colgan 2019].

поведение государств [Алексеева 2014, 2019; Дегтерёв 2016]. Принципиально важными для исследователей МГИМО являются и ставившиеся различными школами вопросы поддержания миропорядка, развития международных институтов и смены трендов [Шаклеина, Байков 2025]. Значимую роль в развитии образования и науки о МО играют периодически издаваемые коллективами авторов фундаментальные учебники¹⁰.

Эффективность дипломатии требует непрерывного и устойчивого продвижения национальных интересов, что достигается посредством междисциплинарного взаимодействия специалистов в области международных отношений с представителями естественнонаучных дисциплин и реального сектора экономики. В данном контексте представляется значимым стратегическое партнёрство МГИМО с ключевыми отечественными компаниями, выражющееся не только в практическом взаимодействии, но и в концептуальном осмыслении этого процесса. Так, с учреждения Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП), в МГИМО формируется целая сеть базовых кафедр крупных корпораций. На МИЭП это кафедры ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Транснефть», ПАО «ГМК «Норильский никель» и базовая кафедра Газпромбанка. На Факультете международного бизнеса создана базовая кафедра «Ростеха», а в Школе бизнеса и международных компетенций МГИМО функционирует базовая кафедра Министерства сельского хозяйства России «Международные аграрные рынки и внешнеэкономическая деятельность в агропромышленном комплексе». Образовательные программы реализуются в партнёрстве с профильными вузами: по аграрному экспорту – со Ставропольским и Кубанским аграрными университетами, по минерально-сырьевым рынкам – с Московским горным институтом, по искусственноому интеллекту – с МФТИ, по нейротехнологиям – с факультетом психологии МГУ

[Торкунов 2025: 18]. Главная задача – подготовка специалистов, способных анализировать современные технологические тренды, оценивать зарубежные и отечественные технологии и их конкурентоспособность на международных рынках. В МГИМО активно занимаются исследованиями искусственного интеллекта, исходя из убеждения о том, что в этой области также «должно утвердиться понимание того, что без гуманитарных знаний, без ощущения причастности к истории и культуре никакое технологическое лидерство невозможно» [Торкунов 2024]. При этом происходит, говоря словами ректора, «вызревание» МГИМО «в полноценный – и уже не только гуманитарный – университет» [Торкунов 2025: 18].

В российском контексте державность предполагает осознание сложной совокупности географических факторов, определяющих geopolитическое положение страны. Это понятие включает необходимость учитывать особые масштабы и влияние России, а также важность сохранения ею значительного военно-политического и экономического потенциала. Исторически российские национальные интересы были направлены на достижение трёх взаимосвязанных целей: (1) поддержание политико-экономической самодостаточности; (2) укрепление военного потенциала, достаточного для нанесения поражения любой другой великой державе; (3) сохранение культурно-ценостного ареала влияния в Евразии, Восточной Европе и на Балканах. Исходя из этого, исторической целью России являлось обеспечение культурно-политического и экономического присутствия в Европе, а также формирование особых доверительных отношений со странами Востока и сохранение определяющего влияния на евразийском материке.

Цивилизационная открытость миру

Интересы России как глобальной державы, открытой миру, предполагают не только интеграцию достижений Запада и

¹⁰ См., например [Торкунов 1999, 2004; Торкунов, Мальгин 2018].

поддержание державного консенсуса, но и активное взаимодействие со всеми окружающими Россию цивилизациями. Державность и сила – важные условия поддержания такой открытости. Сфера цивилизационного взаимодействия непосредственно затрагивает ценностное измерение российской внешней политики и научного осмысливания МО. Развитие российской школы МО предполагает не только изучение условий и задач реализации интересов страны, но и продвижение её ценностей на международной арене. Если первые во многом определяются возможностями современной международной системы, то вторые сформированы национальной историей и культурой. Российские ценности были традиционно связаны с защитой славянских и православных народов и всех тех, кто исторически сформировал особые отношения с Россией. В результате у русских сложились особые тесные связи и с представителями иных этносов и конфессий. Русская идея по своей природе транснациональна. Она способна преодолевать этнонациональные и иные культурные предрассудки, находя практическое воплощение через сильное государство, ориентированное на достижение справедливости в международных отношениях.

Дискуссия о цивилизационной идентичности России в системе международных отношений имеет давнюю традицию в отечественной науке и получила новый импульс в постсоветский период после публикации известных работ Ф. Фукуямы о «конце истории» и С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций»¹¹. Российское академическое сообщество восприняло эти концепции в целом критически: теория Фукуямы была оценена как чрезмерно западоцентрична и неспособная к признанию многообразия цивилизаций, а концепция Хантингтона – как иску-

ственно противопоставляющая российскую цивилизацию китайской и исламской. Российские исследователи не раз указывали на дестабилизирующий потенциал теории Хантингтона в отношении евразийского региона и мира в целом в результате подрыва хрупкого равновесия и плюрализма цивилизаций. Хотя в России присутствуют сторонники идеи цивилизационной исключительности, большинству российских международников не свойственно сведение сложной диалектики культуры к их априорной враждебности. Не случайно российское сообщество международников отнеслось со значительно большими симпатиями к теории мир-системы И. Валлерстайна, который, хотя и был представителем марксистского течения, исходил из важности активной роли в мировых изменениях всех участников МО¹².

В отечественной академической среде, включая МГИМО, концепции цивилизационной исключительности неоднократно подвергались обоснованной критике. Российские исследователи МО акцентируют внимание на поиске путей межцивилизационного взаимодействия для совместного решения глобальных проблем, как то: политическая и экономическая нестабильность, бедность, пандемии, гонка вооружений, терроризм, изменение климата и другие. Задача видится в установлении легитимного международного порядка и глобального сотрудничества в интересах экономического, социального и культурного процветания всех сообществ. Для достижения этой цели необходимо не только глубокое понимание национальных ценностей, традиций и идей, но и целостное осмысливание глобальных процессов [Акопов 2013; Лебедева, Харкевич 2016; Воскресенский 2020].

Такой подход позволяет рассматривать цивилизации как сложные системы, нахо-

¹¹ Идея цивилизационного конфликта восходит к исторически сложным отношениям России и Европы. Войдя в состав Европы, Россия сохранила самобытность исторических корней и политической системы, что с XIX столетия стало предметом размышлений и способствовало формированию различных школ мысли. Подробнее см. [Tsugankov 2023; Robinson 2025].

¹² См. подборку комментариев на работы учёного в журнале Космополис, зима 2003–2004, №1(7).

дящиеся в постоянном взаимодействии, выходящем за рамки потенциального конфликта. Эта тематика требует всестороннего исследования, особенно в контексте формирования Большой Евразии и развития особых отношений в треугольнике Россия–Китай–Индия. Современные цивилизации находятся в постоянной динамике: их интересы пересекаются и расходятся, они конкурируют и взаимодействуют друг с другом, формируя сложную систему иерархических и диалектических отношений.

В условиях сохраняющегося стремления Запада к глобальному доминированию Россия успешно позиционирует себя как защитник глобального многообразия. Уже в Концепции внешней политики 2016 г. была подчёркнута важность защиты культурной самобытности страны в условиях новых международных вызовов и стремления США к глобальному доминированию¹³. Идея цивилизационного разнообразия нашла своё отражение и в Концепции внешней политики 2023 года, где особое внимание уделяется единству России с государствами Глобального юга в борьбе с доминированием Запада в МО. Впервые в постсоветской истории России в Концепции делается акцент на построении всесторонних связей с незападными странами, отдавая приоритет отношениям со странами Африки, Азии и Ближнего Востока. В документе также предусматривается создание международных институтов за пределами западного мира, включая БРИКС, ШОС, Евразийский экономический союз, Организацию Договора о коллективной безопасности, РИК (Россия, Индия и Китай) и другие. Что касается Африки, в Концепции выражается «солидарность с африканскими государствами в их стремлении к более справедливому поликентричному миру и устраниению

социально-экономического неравенства, которое усиливается в результате изошрённой неоколониальной политики некоторых развитых государств»¹⁴.

В российском академическом сообществе сформировалось устойчивое понимание значимости проблематики национальных и культурно-цивилизационных ценностей для изучения МО [Шестопал 2020; Козловский 2021; Chebankova, Dutkiewicz 2022]. В условиях кризиса современного миропорядка становится особенно актуальным не только укрепление государственного суверенитета, но и поддержание конструктивного диалога с окружающими Россию цивилизациями. Современные международные отношения характеризуются сложным переплетением конфликтных тенденций и растущей взаимозависимости. Развитие цифровых технологий, распространение социальных сетей и искусственного интеллекта способствуют интенсивному обмену информацией и идеями. Этот процесс в сочетании с уникальным геополитическим и геокультурным положением России разрушает дискурсы культурной исключительности и стимулирует поиск стратегий адаптации, диалога и сохранения культурной идентичности и самобытности. Находясь в состоянии конфронтации с Западом, Россия стремится к поддержанию межцивилизационного взаимодействия с незападными странами как в евразийском, так и глобальном масштабах. Вклад страны в разрешение конфликтов и развитие многосторонних форматов регионального и глобального сотрудничества значителен и содержит потенциал для дальнейшей реализации.

Заключение

На протяжении всего сложного постсоветского периода МГИМО развивается в тесном взаимодействии с другими академе-

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 года). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 24.12.2024).

¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 24.12.2024).

мическими и образовательными институтами страны, укрепляя свои флагманские позиции в изучении МО. Успехи Университета стали результатом упорной работы его коллектива и руководства. Особую значимость, на наш взгляд, имеет изначально верная установка, направленная на формирование отечественной школы МО на основе бережного отношения к интеллектуальному наследию предыдущих поколений международников и восприятия лучших зарубежных достижений.

В условиях нарастания глобальных кризисных процессов невозможно оставаться в состоянии академической стагнации. Развитие российской школы МО продиктовано насущной необходимостью обеспечения выживания и развития страны как самостоятельного политического и цивилизационного субъекта. Любая школа МО стремится решить по крайне мере, две основные проблемы – проблему власти и проблему ценностей. Для России это означает необходимость выстраивать научную политику таким образом, чтобы и дальше отстаивать положение великой державы в

мире. Это также означает необходимость опираться на сформированное историей цивилизационное своеобразие страны. Оба этих аспекта способствуют осмыслению вопросов, традиционно разрабатываемых отечественной политической мыслью, и выходят на новый этап понимания глобальных процессов самими русскими. Выявляющие национальную самобытность идеи должны быть сформулированы и эмпирически проверены с полным учётом российских интересов и ценностей.

По справедливому утверждению Ректора МГИМО, «российское университетское сообщество оказывается во всё большей зависимости от глобальной конкурентной среды. В отличие от многих других государств, в том числе стран быстрого развития, у России есть возможность не только выступать реципиентом смыслов и компетенций, но и самой активно влиять на международный интеллектуальный ландшафт. Для этого существуют и школы, и традиции, и относительно консолидированное профессиональное сообщество» [Торкунов 2017: 600].

Список литературы

Аколов С.В. Развитие идеи транснационализма в российской политической философии XX века. С.-Пб: СЗИУ РАНХиГС, 2013. 262 с.

Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. №1(14). С. 4–21.

Алексеева Т.А. Теория международных отношений как философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 608 с.

Антохина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталёв М.А. Основы теории международных отношений: Учеб. пособие. М.: МГИМО, 1980. 94 с.

Барабанов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение: учеб. пособие / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2002. 112 с.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. 353 с.

Богатуров А.Д. Десять лет «парадигмы освоения» // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: НОФМО, 2020. 480 с.

Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: ИСКРАН, 2002. 285 с.

Дегтерёв Д.А. Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // Вестник РУДН. Международные отношения. 2016. Том 16. № 1. С. 141–152.

Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2017. 296 с.

Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 23–37.

Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2025. 520 с.

Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? / Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия. В 4 т. Том 1. Исследования. — М.: РОССПЭН, 2002. С 330–339.

Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2020. 416 с.

Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / Под ред. акад. Н.Н. Иноzemцева. М.: «Аспект Пресс», 2022. 623 с.

Лантина В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006. 447 с.

Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А. П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005. 415 с.

Российское общество: архитектоника цивилизационного развития / Отв. ред. В.В. Козловский. С.-Пб: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.

Сергеев С.М. Экономические центры силы на пороге XXI века / Мир и Россия на пороге XXI века. М.: РОССПЭН, 2001. 575 с.

Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1984. 422 с.

Современные буржуазные теории международных отношений: Критический анализ / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1976. 485 с.

Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 1999. 584 с.

Современные международные отношения и мировая политика: учебник / отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. 990 с.

Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2018. 688 с.

Торкунов А.В. Внешняя политика России. Размышления о внутреннем и международном контексте // Вестник Российской нации. 2008. № 1. С. 147-157.

Торкунов А.В. Научные школы МГИМО-университета в контексте его 70-летия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 5 (38). С. 21-31. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-5-38-21-31

Торкунов А.В. Российские вузы в процессе интернационализации: вызовы и приоритеты // Международные процессы. 2017. № 15(1). С. 6-12. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.2.

Торкунов А.В. По дороге в будущее-2.5. М.: Аспект Пресс, 2017. 648 с.

Торкунов А.В. К 75-летию МГИМО // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №3. С. 7.

Торкунов А.В. Международные исследования: хаос или плюрализм? // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 7–18. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02

Торкунов А.В. «Синергия науки и практики»: МГИМО и отечественная школа дипломатической подготовки // Международная аналитика. 2024. № 15(4). С. 11-20. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-4-11-20

Торкунов А.В. Феномен МГИМО. Последубилейные заметки // Вестник МГИМО-Университета. 2025. № 18(1). С. 7–21. DOI: 10.24833/2071-8160-2025-1-100-7-21

Философия культуры в системе изучения международных отношений. В 2 тт. / под ред. М.В. Силантьевой. М.: МГИМО-Университет, 2020.

Хрусталёв М.А. Системное моделирование международных отношений: Учеб. пособие. М.: МГИМО, 1987. 115 с.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. № 3. С. 33–44.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. Глобальность и самобытность. Русская идея и теория международных отношений в XXI веке. М.: Проспект, 2024. 336 с.

Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / под ред. Л.И. Рейснера, Н.А. Симония. М.: Наука, 1984. 581 с.

Civilizations and World Order / ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge, 2022. 182 p.

Colgan J. American Perspectives and Blind Spots on World Politics // Journal of Global Security Studies. 2019. №4(3). P. 300–309. DOI:10.1093/jogss/ogz031

Hoffmann S. An American Social Science: International Relations. // International Theory: Critical Investigations / ed. by J. Der-Derian. London: Plgrave Macmillan, 1995. 432 p.

Lebedeva M. Russian Studies of International Relations: From the Soviet Past to the Post-Cold-War Present. Stuttgart: ibidem Press, 2019. 200 p.

Robinson P. Russia's World Order: How Civilizationism Explains the Conflict with the West. New-York: Cornell University Press, 2025. 168 p.

The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies / ed. by M. Lagutina, N. Tsvetkova, A. Sergunin. London: Routledge, 2023. 462 p.

Tsygankov A.P. Russian Realism: Defending 'Derzhava' in International Relations. London: Routledge, 2022. 184 p.

Tsygankov A.P. The "Russian Idea" in International Relations. Civilization and National Distinctiveness. London: Routledge, 2023. 190 p.

THE RUSSIAN SCIENCE OF INTERNATIONAL RELATIONS AND THE FLAGSHIP OF MGIMO UNIVERSITY

ANDREY TSYGANKOV

University of California at San Francisco, San Francisco, 94143, USA

PAVEL TSYGANKOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Abstract

The article traces the formation of the Moscow State Institute of International Relations (University) as Russia's leading educational institution and analytical research center. MGIMO's achievements in creating new academic and educational units, training specialists, consolidating leading journals, and attracting top experts in the field of international relations are truly significant. This process gained strong momentum after the end of the Cold War. Owing to the Institute's leadership, sustained attention has always been paid to developing the theoretical foundations of Russian international-political analysis, involving not only subject-area experts in teaching and research but also theorists who shape the broader intellectual foundations of the national school of international relations. Almost immediately after the emergence of post-Soviet Russia, the Institute's leadership—headed by Rector A. V. Torkunov and First Vice-Rector I. G. Tyulin—set a strategic objective to develop new intellectual foundations for Russia's role in the world and to build its own school within IR theory. The article pays particular attention to three interrelated tasks pursued with MGIMO's active involvement that underpin its flagship role in Russian IR scholarship: integrating the achievements of Western scholarship; forming a "great-power" consensus necessary for the development of a national school; and ensuring openness to the world from the standpoint of a country with its own value system. None of these tasks is dogmatic; each requires constant renewal and sustained effort. Recording the progress made is essential to understanding the current stage of development at MGIMO and within contemporary Russian IR scholarship associated with the Institute's activities. A defining feature of the present stage is MGIMO's transformation into a full-fledged world-class university that meets the highest standards in education, research, and expert-analytical work.

Keywords:

MGIMO University; international relations; the Russian school; theory of international relations

References

Akopov S.V. (2013). *Razvitiye idei transnatsionalizma v rossiiskoi politicheskoi filosofii XX veka* [The Development of the Idea of Transnationalism in Russian Political Philosophy of the 20th Century]. Saint Petersburg: SZIU RANKhGS. 262 p.

Antyukhina-Moskovchenko V.I., Zlobin A.A., Khrustalev M.A. (1980). *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Foundations of the Theory of International Relations: Textbook]. Moscow: MGIMO. 94 p.

Khrustalev M.A. (1987). *Sistemnoe modelirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [System Modeling of International Relations: Textbook]. Moscow: MGIMO. 115 p.

Alekseeva T.A. (2014). *Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyi mir* [Thinking Constructivistly: Opening a Polyphonic World]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 1. No. 14. P. 4–21.

Alekseeva T.A. (2019). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii kak filosofiya i nauka* [Theory of International Relations as Philosophy and Science]. Moscow: Aspekt Press. 608 p.

Barabanov O.N. (2002). *Global'noe upravleniye i global'noe sotrudничество* [Global Governance and Global Cooperation]. In: A.V. Torkunov (ed.). *Globalizatsiya: chelovecheskoe izmerenie* [Globalization: The Human Dimension]. Moscow: ROSSPEN. 112 p.

Bogaturov A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Iстория i теория mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945–1995)* [Great Powers in the Pacific: History and Theory of International Relations in East Asia after WWII (1945–1995)]. Moscow: Konvert – МОНФ. 353 p.

Bogaturov A.D. (2000). Desyat' let "paradigmy osvoeniya" [Ten Years of the "Paradigm of Development"]. *Pro et Contra*. Vol. 5. No. 1.

Bogaturov A.D. (2020). *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii* [International Relations and Russia's Foreign Policy]. Moscow: NOFMO. 480 p.

Colgan J. (2019). American Perspectives and Blind Spots on World Politics. *Journal of Global Security Studies*. Vol 4. No. 3. P. 300–309. DOI:10.1093/jogss/ogz031

Chebankova E., Dutkiewicz P. (Eds.). (2022). *Civilizations and World Order*. London: Routledge. 182 p.

Davydov Y.P. (2002). *Norma protiv sily. Problema miroregulirovaniya* [Norm vs. Force: The Problem of World Regulation]. Moscow: ISKRAN. 285 p.

Degterev D.A. (2016). *Rasprostranenie kul'turnykh norm i tsennostei: agentnoe modelirovaniye* [Diffusion of Cultural Norms and Values: Agent-Based Modeling]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 16. No.1. P. 141–152.

Hoffmann S. (1995). An American Social Science: International Relations. In: J. Der-Derian (Ed.). *International Theory: Critical Investigations*. London: Palgrave Macmillan. 432 p.

Inozemtsev N.N. (ed.). (2022). *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Opyt IMEMO v 1970-e gody* [Foundations of International Relations Theory: IMEMO's Experience in the 1970s]. Moscow: Aspekt Press. 623 p.

Istomin I.A. (2017). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The Logic of State Behavior in International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 296 p.

Kulagin V.M. (2000). *Mir v XXI veke: mnogopolyusnyi balans sil ili global'nyi Pax democratica* (Gipoteza "demokraticeskogo mira" v kontekste al'ternativ mirovogo razvitiya) [The World in the 21st Century: Multipolar Balance of Power or Global Pax Democratica (The "Democratic Peace" Hypothesis in the Context of Alternatives of World Development)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 23–37.

Kozlovskii V.V. (Ed.). (2021). *Rossiiskoe obshchestvo: arkitektonika tsivilizatsionnogo razvitiya* [Russian Society: Architecture of Civilizational Development]. Saint Petersburg: FNISTS RAN. 340 p.

Lagutina M., Tsvetkova N., Sergunin A. (Eds.). (2023). *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies*. London: Routledge. 462 p.

Lebedeva M. (2019). *Russian Studies of International Relations: From the Soviet Past to the Post-Cold-War Present*. Stuttgart: ibidem Press. 200 p.

Mel'vil' A.Y. (2002). Liberal'naya vneshnepoliticheskaya al'ternativa dlya Rossii? [A Liberal Foreign Policy Alternative for Russia?]. In: *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991–2002. Khrestomatiya. V 4 t. Tom 1. Issledovaniya* [Foreign Policy and Security of Contemporary Russia, 1991–2002: Reader. In 4 Vols. Vol. 1: Studies]. Moscow: ROSSPEN. P. 330–339.

Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006) *Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: Ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi polovine XXI veka* [Philosophy of Historical Forecasting: Rhythms of History and Prospects for World Development in the First Half of the 21st Century]. Dubna: Feniks +. 446 p.

Reisner L.I., Simonyi N.A. (eds.). (1984). *Evolyutsiya vostochnykh obshchestv: sintez traditsionnogo i sovremenennogo* [Evolution of Eastern Societies: Synthesis of the Traditional and the Modern]. Moscow: Nauka. 581 p.

Sergeev S.M. (2001). *Ekonomicheskie tsentry sily na poroge XXI veka* [Economic Power Centers on the Eve of the 21st Century]. In: *Mir i Rossiya na poroge XXI veka* [The World and Russia on the Eve of the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. 575 p.

Gantman V.I. (Ed.). (1976). *Sovremennye burzhuaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Kriticheskii analiz* [Modern Bourgeois Theories of International Relations: A Critical Analysis]. Moscow: Nauka. 485 p.

Gantman V.I. (Ed.). (1984). *Sistema, struktura i protsess razvitiia sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [The System, Structure, and Process of Development of Contemporary International Relations]. Moscow: Nauka. 422 p.

Shakleina T.A. (2017). *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the USA in World Politics]. Moscow: Aspekt Press. 336 p.

Shakleina T.A., Baykov A.A. (Eds.) (2025) *Megatrendy: osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke: uchebnik* [Megatrends: The Main Trajectories of the Evolution of the World Order in the 21st Century]. Moscow: Aspekt Press. 520 p.

Silant'eva M.V. (Ed.). (2020). *Filosofiya kul'tury v sisteme izucheniya mezhdunarodnykh otnoshenii v 2 tt.* [Philosophy of Culture in International Relations Studies in 2 Vols.]. Moscow: MGIMO Universitet.

Torkunov A.V. (Ed.). (1999). *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya: uchebnik* [Contemporary International Relations: Textbook]. Moscow: ROSSPEN. 584 p.

Torkunov A.V. (Ed.). (2004). *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika: Uchebnik* [Contemporary International Relations and World Politics: Textbook]. Moscow: Prosveshchenie. 990 p.

Torkunov A.V., Malgin A.V. (Eds.). (2018). *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya: uchebnik* [Contemporary International Relations: Textbook]. Moscow: Aspekt Press. 688 p.

Smirnov A. V. (Ed.). (2018–2024). *Rossiiskii proekt tsivilizatsionnogo razvitiya* [The Russian Project of Civilizational Development]. Moscow.

Torkunov A.V. (2008). *Vneshnyaya politika Rossii: razmyshleniya o vnutrennom i mezhdunarodnom kontekste* [Russia's Foreign Policy: Reflections on the Domestic and International Context]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*. No. 1. P. 147–157.

Torkunov A.V. (2014). *Nauchnye shkoly MGIMO-universiteta v kontekste ego 70-letiya* [MGIMO's Scholarly Schools in the Context of Its 70th Anniversary]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 5. No. 38. P. 21–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-5-38-21-31

Torkunov A.V. (2017a). *Rossiiskie vuzy v protsesse internatsionalizatsii: vyzovy i prioritety* [Russian Universities in the Process of Internationalization: Challenges and Priorities]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 1. P. 6–12. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.2

Torkunov A.V. (2017b). *Po dorege v budushchee-2.5* [On the Road to the Future-2.5]. Moscow: Aspekt Press. 648 p.

Torkunov A.V. (2019a). *K 75-letiyu MGIMO* [On MGIMO's 75th Anniversary]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. No. 3. P. 7.

Torkunov A.V. (2019b). *Mezhdunarodnye issledovaniya: khaos ili plyuralizm?* [International Studies: Chaos or Pluralism?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 7–18. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02

Torkunov A.V. (2024). *“Sinergiya nauki i praktiki”: MGIMO i otechestvennaya shkola diplomaticeskoi podgotovki* [Synergy of Science and Practice: MGIMO and Russia's School of Diplomatic Training]. *Mezhdunarodnaya analitika*. Vol. 15. No. 4. P. 11–20. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-4-11-20

Torkunov A.V. (2025). *Fenomen MGIMO. Posleyubileinyye zametki* [The MGIMO Phenomenon: Post-Anniversary Notes]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 18(1), 7–21. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-1-100-7-21>

Tsygankov A.P. (2022). *Russian Realism: Defending “Derzhava” in International Relations*. London: Routledge. 184 p.

Tsygankov A.P. (2023). *The “Russian Idea” in International Relations: Civilization and National Distinctiveness*. London: Routledge. 190 p.

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2005). *Krizis idei “demokraticeskogo mira”* [The Crisis of the Democratic Peace Theory]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 33–44.

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2024). *Global'nost' i samobytnost'. Russkaya ideya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v XXI veke* [Globality and Distinctiveness: The Russian Idea and IR Theory in the 21st Century]. Moscow: Prospect. 336 p.

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (Eds.). (2005). *Rossiiskaya nauka mezhdunarodnykh otnoshenii: novye napravleniya* [Russian IR Scholarship: New Directions]. Moscow: PER SE. 415 p.

Voskresenskii A.D. (Ed.). (2020). *Mirovoe kompleksnoe regionovedenie* [World Comprehensive Area Studies]. Moscow: Magistr. 416 p.

Robinson P. (2025) *Russia's World Order: How Civilizationism Explains the Conflict with the West*. New-York: Cornell University Press. 168 p.

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

(НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ
В 1990-2020-х ГОДАХ)

НИКИТА ЛИПУНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности на примере Финляндии. Логика и движущие силы финской внешней и оборонной политики на протяжении более трёх десятилетий после окончания «холодной войны» оставались неизменными. В их основе лежит концепция республиканского реализма, в рамках которой Финляндия стремится не допустить доминирования какой-либо державы в системе безопасности в Скандинавско-Балтийском регионе и в Европе в целом. Наблюдаемые метаморфозы – от нейтралитета до членства в военном альянсе – представляют собой процесс адаптации к меняющейся ситуации в области глобальной и региональной безопасности и отражают восприятие угроз руководством страны. Эволюцию политики Финляндии определяло соотношение между двумя стратегическими субкультурами – «отношения с Россией» и «интеграция в сообщество западных государств». Можно условно выделить этапы «европеизации» (1990-е – конец 2010-х годов) и «евроатлантизации» (конец 2010-х – 2020-е годы). В евроатлантический период между двумя стратегическими субкультурами прослеживается корреляция: чем больше Финляндия воспринимала политику России как потенциальную угрозу, тем больше она тяготела к крупным западным державам и их институтам. Переход от европеизации к евроатлантизации был вызван разочарованием Финляндии в способности ЕС выступать гарантом её безопасности на фоне общей деградации системы европейской безопасности. На протяжении всего рассматриваемого периода страна делала упор на мощную систему национальной обороны. Случай Финляндии показывает определяющее значение стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности, несмотря на их ограниченные ресурсы и пространство для манёвра. Концепт стратегической культуры представляет собой продуктивную

Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта №20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере Скандинавско-Балтийского региона)». Автор благодарит двух анонимных рецензентов и редакторов журнала за ценные замечания, которые позволили повысить качество работы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.01.2025

Дата принятия к публикации: 13.05.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: n.lipunov@inno.mgimo.ru

эпистемологическую альтернативу неореалистскому подходу при анализе поведенческих моделей малых государств за счет раскрытия институционально-идентитарных оснований их примыкания к крупным государствам и альянсам с целью обеспечения собственной безопасности.

Ключевые слова:

малые государства; стратегическая культура; политика в области безопасности; оборонная политика; внешняя политика; Финляндия; нейтралитет; военное неприсоединение; ЕС; НАТО; США; Россия

Мы, финны, упрямые, и, если нас заставляют что-то делать, мы становимся еще упрямее.

Из интервью президента Финляндии С. Ниинистё Радио Швеции, 20 августа 2023 г.

Финская внешняя политика и политика в области безопасности основаны на ценностном реализме.

Из инаугурационной речи президента Финляндии А. Стубба, 1 марта 2024 г.

Введение

В условиях обострения междержавной конкуренции и роста военно-политической напряженности в XXI веке для многих государств, особенно малых, актуализируются вопросы обеспечения национальной безопасности. Поскольку стратегический выбор малых держав нередко влияет на динамику отношений между более крупными игроками, а в некоторых случаях – как в Скандинавско-Балтийском регионе – определяет всю региональную архитектуру безопасности, их внешнеполитический курс и логика обеспечения безопасности становятся важным предметом изучения специалистов-международников.

В конце XX – первой четверти XXI века политика малых «нейтральных»¹ держав Европы в сфере безопасности очевидно трансформируется в сторону более тесного оборонного сотрудничества под эгидой ЕС и НАТО. Особый интерес в рамках данной темы представляет Финляндия. За три десятилетия после окончания «холодной войны» она прошла путь от нейтралитета

до полноценного членства в военном блоке, что, на первый взгляд, можно расценить как кардинальные, нежели эволюционные перемены. Руководство страны вплоть до весны 2022 г. уклонялось от вступления в НАТО, хотя гипотетически оставляло за собой такую возможность, о чем неоднократно заявляло публично. Можно ли рассматривать трансформацию политики Хельсинки в области безопасности как закономерную и эволюционную? И какую роль в этом процессе сыграла финская стратегическая культура?

Цель настоящего исследования – оценить степень влияния стратегической культуры на формирование политики малых государств в области безопасности на примере Финляндии в 1990–2020-х годах. Наша гипотеза заключается в том, что феномен стратегической культуры присущ не только великим, но и некоторым малым державам, и позволяет выявить глубинную мотивацию их внешнеполитического поведения. Применительно к Финляндии это означает, что логика и движущие силы политики

¹ Речь идет о таких государствах, как Швейцария, Австрия, Ирландия, Швеция и Финляндия. Кавычки используются, поскольку нейтральный статус этих государств имеет (в случае Швеции и Финляндии – имел) различное оформление де-юре и политическую интерпретацию – де-факто.

Хельсинки в области безопасности на протяжении всего рассматриваемого периода оставались неизменными, а видимые метаморфозы внешней и оборонной политики представляются лишь манифестацией стратегической культуры в условиях динамично меняющейся международной среды.

В качестве теоретико-методологической рамки исследования мы будем использовать концепции республиканского реализма как стратегической культуры Финляндии, а также стратегических субкультур. В ходе исследования мы сначала рассмотрим теоретико-методологические подходы к изучению политики малых государств в области безопасности и их стратегической культуры. После этого уделим особое внимание специфике анализа стратегической культуры Финляндии. Затем рассмотрим основные тенденции в финской внешнеполитической и оборонной доктрине и практике в 1990–2020-х годах, чтобы выделить определявшие их субкультуры. На завершающем этапе соотнесем эти процессы с положениями республиканского реализма, чтобы определить, носят ли изменения в политике Хельсинки в области безопасности революционный или эволюционный характер.

Эмпирическим материалом исследования будут выступать официальный дискурс – стратегические и доктринальные документы Финляндии в области внешней и оборонной политики и политики в области безопасности, а также выступления и заявления ведущих финских политиков, в том числе президентов и премьер-министров – и практика – конкретные меры Хельсинки в сфере внешней и оборонной политики – в 1990-2020-х годах.

Стратегическая культура малой державы: теоретико-методологические аспекты

До сих пор нет консенсуса относительно критериев выделения малой державы [Willis 2021: 19], что отчасти связано с априори реляционным характером этого концепта², предопределяющим его семантическое многообразие [Wood 1967: 29]. В отличие от подходов, основанных на одном или нескольких материальных критериях определения малого государства, в целях настоящего исследования мы будем придерживаться «психологического» подхода. Решающее значение в нём имеет самопозиционирование государства в лице его руководства в международных отношениях [Keohane 1969: 295–296] и признание ограниченности своих возможностей для самостоятельного обеспечения собственной безопасности [Rothstein 1968: 23–29]³.

С конца 1950-х и вплоть до середины 1990-х годов под влиянием реализма малые державы воспринимались в международно-политических исследованиях скорее как объекты, нежели субъекты международных отношений. Вместе с тем с конца 1990-х годов в академическом дискурсе наметился сдвиг: всё больше исследователей стали отмечать эпистемологическую ограниченность подхода к политике малых государств, при котором они лишаются субъектности и выступают пассивными «объектами» действий великих держав, и начали уделять внимание их агентности, рассматривая специфику их влияния на мировую политику [Willis 2021: 27–28]. Например, по мнению британского исследователя Тома Лонга, невозможно измерить силу малых держав исключительно в категориях ресурсной базы и потенциала

² То есть его использовании при сравнении «размера» и «мощи» держав. Например, Новую Зеландию можно назвать малой державой относительно Китая, при этом в случае с островными государствами Тихого океана асимметрия уже в пользу Веллингтона.

³ При таком рассмотрении Финляндию можно с уверенностью отнести к малым державам, поскольку таковой её позиционирует высшее политическое руководство. См. президент Финляндии С. Ниинистё: «Я считаю самоценностью тот факт, что, когда мы запускаем [процесс вступления в НАТО – прим. автора], мы делаем это после тщательного рассмотрения, избегая любых конфликтов. Будучи малой страной, мы действительно не можем себе их позволить». Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö in Parliament // President of Finland. 01.03.2024. URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinistö-in-parliament-on-1-march-2024/index.html> (accessed: May 5, 2025).

принуждения, поэтому применительно к ним он предложил выделять производную, коллективную и эндогенную силу [Long 2017: 10]. На основе схожей типологии моши малых держав российский политолог Н.Ю. Кавешников выделил три доступные им стратегии обеспечения национальной безопасности в условиях ограниченности ресурсов: 1) балансирование; 2) получение гарантий безопасности со стороны великой державы; 3) создание издержек, которые делали бы невыгодным получение и поддержание контроля над их территорией [Кавешников 2008: 88].

Многочисленные попытки дать исчерпывающее определение понятия «стратегическая культура» с момента зарождения концепта в конце 1970-х годов не привели к формированию консенсуса по этому вопросу в академическом сообществе. С 1990-х годов оно рассматривается представителями «третьего поколения» исследователей⁴ преимущественно в русле социального конструктивизма.

Вместе с тем феномен стратегической культуры относительно редко анализируется применительно к политике малых государств в области безопасности⁵. Отчасти это обстоятельство связано с «реалистской инерцией» подобных исследований, в рамках которой образ действия малой державы в условиях ограниченного пространства для манёвра воспринимается как сугубо реактивный. Тем не менее некоторые учёные допускают теоретическую

возможность использования близкого по содержанию понятия «большая стратегия» при изучении внешней политики малых государств [Kennedy 1991: 186n18]. Отвечая на неореалистскую критику, исследователи стратегической культуры отмечают в качестве её эпистемологического достоинства высокую объяснительную способность при анализе различного поведения схожих по типу и положению государств, особенно малых [Howlett, Glenn 2005: 135; Bloomfield, Nossal 2007]. Отдельные эксперты даже признают возможность синергии неоклассического реализма и отдельных течений в области стратегических исследований, особенно тех, которые рассматривают стратегическую культуру как эпифеноменальный концепт⁶ или с позиций классического конструктивизма [Glenn 2009: 530–531].

В то же время сущностная неопределенность и, как следствие, семантическая вариативность затрудняют операциализацию этого концепта в эмпирических исследованиях. Не углубляясь в эволюцию подходов к его изучению и их критику, что существенно выходит за рамки рассмотрения темы⁷, в настоящем исследовании мы будем опираться на интерпретивистскую трактовку стратегической культуры, объединяющую материальные и идеационные основания поведения государства как взаимно конституирующие сущности⁸: «социально передаваемые идеи, взгляды и традиции, устоявшиеся типы мышления и пред-

⁴ Речь идет о конструктивистском повороте в исследованиях стратегической культуры, при котором признаётся влияние норм, идей, культуры и идентичности на внешнеполитическое поведение государства и международные отношения в целом. Подробнее см. [Алексеева 2012: 134–135].

⁵ Любопытно, что объектами таких исследований чаще всего становятся малые государства Европы. См., например: [Rölf 2021; Beneš, Karásek 2021; Воротников 2021; Лошаков, Кучук 2022; Белухин, Воротников, Дианина 2022; Чеков 2023; Белухин, Воротников, Дианина 2023]. И гораздо реже – других регионов мира. См., например, [De Castro 2014].

⁶ Эпифеноменальным здесь считается рассмотрение культурных аспектов только в узком контексте стратегии. Подробнее см. [Glenn 2009: 531].

⁷ Подробнее см. [Neumann, Heikka 2005; Bloomfield, Nossal 2007; Bloomfield 2012; Алексеева 2012].

⁸ Такой подход отражает современные научные представления о понятии культуры, которая включает в себя не только идеационные компоненты, но и социальные практики, которые находятся в диалектической взаимосвязи. Подобная трактовка противопоставляется позитивистской, при которой культура и поведение рассматриваются как независимая и зависимая переменные соответственно. Подробнее о разнице между этими подходами применительно к стратегической культуре см. [Neumann, Heikka 2005].

почитательные способы действия, характерные для сообщества безопасности с определённой географической привязкой и уникальным историческим опытом» [Gray 1999: 51–52, 56]. Такое прочтение перекликается с семиотическим подходом к стратегической культуре [Fomin 2023]. Для того чтобы операционализировать концепт в аналитических целях, он предложил рассматривать стратегическую культуру как логономическую систему⁹, которая задает рамки стратегического взаимодействия [в конкретном сообществе безопасности – *прим. автора*]. Семиотический подход «примиряет» дискуссии о соотношении «материального» и «идеационного» с поведением внутри (стратегической) культуры, поскольку исходит из того, что артефакты [«материальное» – *прим. автора*] и паттерны поведения транслируют определенные идеи. Это означает, что стратегическую культуру государства составляют наиболее общие представления об оптимальных путях и способах обеспечения национальной безопасности, транслируемые через документы стратегического и доктринального характера, риторику первых лиц и внешнеполитическую практику. При таком рассмотрении этот концепт способен раскрыть глубинную мотивацию внешнеполитического поведения любой «социализированной» державы, в том числе малой¹⁰.

Для более «объемного» понимания стратегической культуры обратимся к наработкам австралийского исследователя Алана Блумфилда. Проанализировав основные подходы к определению стратегической культуры, он выявил у них два главных

недостатка. *Во-первых*, они предполагают строгую внутреннюю согласованность, которая не допускает ситуативных отклонений или противоречий во внешнеполитическом поведении государства. *Во-вторых*, они чрезмерно фокусируются на вопросе преемственности, что не позволяет адекватно оценить изменения политического курса на продолжительном отрезке времени [Bloomfield 2012: 439–441]. Блумфилд, концептуализирующий данный феномен как *набор представлений государства о «друзьях и врагах»*, предложил выделять внутри него конкурирующие субкультуры – традиции внешнеполитической мысли, которые «конкурируют» за лучшую интерпретацию международного контекста внешней политики государства [Bloomfield 2012: 451–453]. Субкультуры формируются под влиянием географических и культурных особенностей государства и его исторического опыта. В ходе исследования мы будем учитывать эту гетерогенность и динамичность стратегической культуры¹¹.

Финская стратегическая культура

Внешняя политика Финляндии в годы «холодной войны» была направлена на поддержание добрососедских отношений с СССР при сохранении тесных связей с западными странами. Внешнеполитический курс во многом определялся положениями Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом от 1948 года (далее – ДДСВП), по которому, среди прочего, оба государства обязывались «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направлен-

⁹ То есть систему правил (вос)производства смыслов в социуме.

¹⁰ В данном случае под «социализацией» мы понимаем опыт международного взаимодействия в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе применения силы. Полагаем, что в отсутствие такого опыта говорить о формировании стратегической культуры государства преждевременно.

¹¹ Набор стратегических субкультур можно уподобить стратегическому «меню» государства. В конкретных международно-политических обстоятельствах лица, принимающие решения, лишь выбирают порции блюд из этого меню и какое из них будет основным. Таким образом, устойчивость стратегической культуры есть неизменность этого набора субкультур, а изменение соотношений между ними – её эволюция. Радикальное изменение стратегической культуры в таком случае суть появление новых субкультур либо исчезновение старых. На наш взгляд, это возможно лишь в случае существенного изменения статуса государства (например, переходя от малой державы к средней путем увеличения территории, мощи и т.д.).

ных против другой стороны»¹². Фактически речь шла о запрете Финляндии вступать в НАТО. Поскольку ДДСВП не содержал двусторонних положений о коллективной обороне, а лишь обязывал финскую сторону «сражаться для отражения агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства» против неё или СССР через её территорию¹³, финское руководство стало публично декларировать военный нейтралитет¹⁴. В самой Финляндии такой внешнеполитический курс получил название «линия Паасикиви-Кекконена»¹⁵, а на Западе для обозначения модели асимметричных отношений малых государств с великодержавными соседями был введён термин «финляндизация»¹⁶.

После «холодной войны» российские и зарубежные исследователи финской внешней и оборонной политики фокусировались либо на национальных дискурсах в области безопасности и исследовании внешнеполитических взглядов финских политиков [Худолей, Ланко 2019; Ланко 2021; Данилов 2022; Плевако 2022; Forsberg 2023], либо на анализе практических аспектов оборонного взаимодействия с западными странами и институтами, включая участие страны в общей политике ЕС в области безопасности [Haukkala, Ojanen 2011;

Palosaari 2013a; Palosaari 2013b; Воронов 2018; Murphy 2021]. После вступления в НАТО в 2023 г. российские аналитики отмечают закономерный отказ Финляндии от внеблоковой политики и в качестве решающей предпосылки обозначают тесное сотрудничество с западными странами и Альянсом в целом на протяжении всего периода после окончания «холодной войны» [Корунова 2024; Межевич, Ногаев 2024; Федоров 2024]. Тем не менее ни подобная аргументация, ни логика неореализма¹⁷ в полной мере не объясняют, почему Хельсинки в отсутствие прямой военной угрозы отказался от политики нейтралитета именно в 2022 году¹⁸. Кроме того, несмотря на обилие академических и экспертных публикаций, лишь немногие исследователи уделяют внимание финской стратегической культуре и её роли в формировании внешней и оборонной политики страны в эти годы.

Наиболее фундаментальным исследованием этого феномена применительно к Финляндии остаётся работа финского политолога Хенrikки Хейкка [Heikka 2005]. В ней он подробно анализирует историю финской внешнеполитической мысли¹⁹ и характеризует стратегическую культуру Финляндии как «республиканский реализм»²⁰.

¹² Ст. 4 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901033> (дата обращения: 05.05.2025).

¹³ Ст. 1 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901033> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁴ Например, в ноябре 1961 г. У. Кекконен заявил, что финский нейтралитет был сутью его работы и он будет защищать его до последнего дыхания [Agius 2006: 97].

¹⁵ В честь двух послевоенных президентов Финляндии Ю.К. Паасикиви (1946–1956) и У. Кекконена (1956–1982), при которых сформировался и реализовывался этот внешнеполитический курс. О современной внутриполитической дискуссии вокруг «линии» см. [Ланко 2021].

¹⁶ Этот термин предложил министр обороны ФРГ при К. Аденауэре Ф. Й. Штраус для описания внешнеполитической линии Финляндии после Второй мировой войны [Tillotson 1996: 247]. Впоследствии он приобрел на Западе негативную коннотацию.

¹⁷ Переход от балансирования с элементами примыкания к примыканию.

¹⁸ А не ранее – например, после начала кризиса европейской безопасности в 2014 году.

¹⁹ По мнению многих исследователей внешней политики Финляндии, «в финской стратегической культуре мало “культурного”, что подразумевает сложность финского случая для анализа с позиций теории стратегической культуры [Heikka 2005: 92].

²⁰ Под стратегической культурой Хейкка понимает «динамическое взаимодействие большой стратегии как общего дискурса в сфере внешней политики и политики в области безопасности и практиками формулирования доктрин, военно-гражданских отношений и военного обеспечения». Подробнее см. [Neumann, Heikka 2005].

Отмечая, что большинство исследователей воспринимают финскую внешнеполитическую стратегию как прагматичный *realpolitik*, продиктованный географическим положением страны, Хейкка обращает внимание на поверхностность такого подхода с позиции исторического опыта финнов, республиканской теории и «английской школы» международных отношений.

В стратегическом мышлении финны унаследовали западноевропейскую республиканскую традицию, которая восходит к идею содружества католических государств Европы (лат. *Respublica Christiana*). В частности, она предполагает поддержание состояния недоминирования какой-либо державы внутри региональной системы безопасности. В ходе финской истории XVIII–XX веков эта традиция приобрела черты реализма в вопросах внешнеполитического балансирования. Весь XX век после обретения независимости финны маневрировали между Россией и Западом, как правило, тяготея к великим западным державам в противовес восточному соседу²¹. Этому во многом способствовала и культурно-ценностная близость финнов к западным обществам, ведь исторически Финляндия располагалась на окраине римско-католического ареала, а по её восточной границе проходила условная граница между Западом и Востоком [в его европейском понимании – прим. автора; Heikka 2005: 97]. Таким образом, республикан-

ский реализм проявляется в стремлении не допустить доминирования какой-либо державы – в первую очередь России – в Скандинавско-Балтийском регионе и в Европе в целом.

Финский нейтралитет в годы «холодной войны» – вынужденная мера, вопрос прагматизма для сохранения относительной самостоятельности и свободы манёвра [Heikka 2005: 105–108]²². Неосознанным проявлением республиканской стратегической культуры, а именно стремлением обеспечить недоминирование какой-либо державы в Скандинавско-Балтийском регионе, можно считать тайное военное сотрудничество Финляндии и США, которое началось ещё в 1962 г. и, по имеющимся сведениям, велось финским военным командованием втайне и без прямого одобрения президента Урхо Кекконена [Heikka 2005: 107]²³.

Используя концепцию республиканского реализма, Х. Хейкка пришел к выводу, что перемены во внешней и оборонной политике Финляндии на рубеже 1990–2000-х годов, связанные с европеизацией внешней политики при сохранении упора на сильную и самостоятельную территориальную оборону, отражают не смену финской стратегической культуры, а её преемственность. Интерпретация стратегической культуры Финляндии как республиканского реализма наиболее глубоко отражает исторический опыт страны и обладает наибольшим эвристическим

²¹ Хейкка также приводит и более ранние примеры военного сотрудничества с западными державами, но в то время Финляндия ещё не была суверенным государством, поэтому он скорее говорит о ней как о политике высокого уровня, например, административно-территориальной единице.

²² Поддержание добрососедских отношений с СССР – а впоследствии и Россией – было продиктовано не только геостратегическими соображениями, но и практической целесообразностью, поскольку экономическое и приграничное сотрудничество было выгодно самой Финляндии особенно для развития экономики относительно бедных приграничных областей страны. При этом геостратегические мотивы как часть стратегической культуры всё же играли определяющую роль, поэтому после 2022 г. соображения национальной безопасности взяли верх над экономическими интересами.

²³ Примечательно, что само понятие нейтралитета в то время зачастую имело негативную окраску и вызывало у финнов «глубокие и смешанные эмоции» [Васина 2022: 154]. Кроме того, впоследствии стало ясно, что Финляндия никогда не считала себя союзником СССР: в 1995 г. премьер-министр П. Липпонен обосновывал неактуальность вопроса о членстве страны в НАТО тем фактом, что она «не восточноевропейская», отграничив таким образом Суоми от бывших советских союзников [Forsberg 2023: 43].

потенциалом при исследовании политики в области безопасности.

Финский политолог Ханна Смит в качестве теоретической основы использует концепцию стратегических субкультур А. Блумфилда. В случае Финляндии их три: самооборона, западничество, доверие и диалог с Россией [Smith 2018]. Исследуя европейскую интеграцию страны в 1990–2010-х годах, она приходит к выводу, что членство в ЕС изменило не только иерархию субкультур в пользу западничества, но и их содержательное наполнение. Развивая идеи Блумфилда о решающей роли исторического опыта в определении друзей и врагов государства [Bloomfield 2012: 452], Смит отмечает, что история российско-финской границы сформировала у финнов восприятие России в качестве источника угроз, что исторически влияло на содержание и иерархию субкультур [Smith 2018: 91]. Членство в ЕС, по её мнению, также повлияло на характер и вес аргументации относительно вступления в НАТО [Smith 2018: 88].

Вместе с тем работы Х. Хейкка и Х. Смит не отражают ключевые перемены последних лет, прежде всего вступление страны в НАТО в 2023 году. Эти события заставляют нас вернуться к концепции республиканского реализма и оценить её релевантность с целью установить, как изменения во внешней политике и в политике области

безопасности Финляндии в 2020-х годах соотносятся с её стратегической культурой.

Эволюция политики Финляндии в области безопасности в 1990–2020-х годах

Определяющим для политики Финляндии в области безопасности после «холодной войны» было соотношение двух внешнеполитических векторов («стратегических субкультур»): 1) отношения с Россией и восприятие её внешней политики; 2) обусловленные культурно-ценностной близостью отношения с западными государствами²⁴. Такой тезис подтверждается результатами исследования Х. Смит [Smith 2018] и косвенно – Т. Форсберга [Forsberg 2023]²⁵. При этом значение и положение третьей субкультуры – самообороны – на протяжении всего исследуемого периода оставалось константой. Стоит оговориться, что существуют и другие мнения относительно детерминант финской политики в области безопасности после «холодной войны»: например, позиция правящей партии, общественное мнение²⁶ или влияние Швеции²⁷ [Зеленева, Бурухина 2018]. Тем не менее они, как правило, выделяются вне контекста стратегической культуры, поэтому непосредственно соотнести их друг с другом представляется затруднительной задачей.

Анализ внешнеполитической и оборонной доктрины и практики Финляндии

²⁴ В данном случае характеристика «культурно-ценностный» включает в себя и политические аспекты.

²⁵ Проанализировав внутриполитические дискуссии в Финляндии о вступлении в НАТО в 1990–2020-е годы, он выявил, что на протяжении всего этого периода аргументация противников и сторонников членства в блоке оставалась практически неизменной – в 2022 г. лишь изменилось восприятие среды, и доводы в пользу вступления стали более убедительными.

²⁶ Исследование Т. Форсберга показало, что за десятилетия после «холодной войны» в Финляндии сложился замкнутый круг между позициями ведущих партий и общественным мнением по вопросу членства в НАТО. Большая часть населения стабильно выступала против вступления, и политикам приходилось считаться с этим, что приводило к синхронизации их позиций.

²⁷ Шведское неприсоединение – и общественное мнение – действительно влияло и на позицию Финляндии: финские политики неоднократно подчёркивали, что в случае вступления Швеции в НАТО Суоми также необходимо подать заявку. Важную роль здесь играли и сугубо военно-стратегические соображения, ведь без Швеции в НАТО Финляндия фактически оставалась бы эксклавом Альянса на Балтике, что существенно бы снижало стратегическую выгоду от её вступления. Тем не менее весной 2022 г. именно финны выступили с инициативой вступления в НАТО, а шведы присоединились к ним – подробнее рассмотрим этот эпизод далее. Подробнее о шведско-финской связке см. [Корунова 2024].

в 1990–2020-х годах позволил выявить две магистральные тенденции в политике страны в области безопасности: этапы «европеизации» и «евроатлантизации». Первый подразумевает ориентацию в политике в области безопасности преимущественно на Европейский союз и соседей по Скандинавско-Балтийскому региону, второй – на США и НАТО. Обе тенденции присутствуют на протяжении практически всего рассматриваемого отрезка времени, но

проявляются с разной степенью интенсивности. Тем самым можно условно выделить два периода эволюции финской политики в области безопасности после «холодной войны» на основе преобладающей тенденции. Далее мы подробно рассмотрим, как в каждый из периодов менялось соотношение двух основных стратегических субкультур, и сопоставим их с концепцией республиканского реализма. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1
Стратегические субкультуры, влиявшие на эволюцию политики Финляндии в области безопасности
после «холодной войны»

	«Европеизация»		«Евроатлантизация»	
	1990-е годы	2000-е годы	2010-е годы	2020-е годы
Отношения с Россией и восприятие её политики	1992 г. – Договор об основах отношений. 1997 г. – «Северное измерение» ЕС как попытка интеграции России в общеевропейское пространство. 1990-е годы – начало многостороннего сотрудничества по арктическим вопросам («процесс Рованиеми»)	2008 г. – «Пятидневная война» не оказала существенного влияния на двусторонние отношения	2014 г. – восприятие России финским руководством начинает ухудшаться после начала украинского кризиса, Финляндия начинает постепенно сокращать контакты и участвует в антироссийских санкциях ЕС, но диалог на высшем уровне, экономическое, культурное и приграничное сотрудничество сохраняются	2022 г. – после начала СВО в Финляндии происходит секьюритизация России, страна идёт на почти полный разрыв двусторонних связей во всех сферах, а значительная часть населения воспринимает Россию как угрозу безопасности. 2023 г. – Финляндия закрывает всю восточную границу из-за миграционного кризиса, обвиняя в нём Россию
Интеграция в сообщество западных государств	1994 г. – начало официального сотрудничества с НАТО («Партнёрство ради мира»). 1995 г. – вступление в ЕС. 1999 г. – участие в KFOR НАТО	2002 г. – участие в ISAF, учениях НАТО <i>Strong Resolve</i> . 2006 г. – первое участие в учениях НАТО <i>Cold Response</i> . 2008 г. – начало участия в Силах быстрого реагирования НАТО. 2009 г. – Общая политика в области безопасности и обороны ЕС, Североевропейское оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО)	2014 г. – партнёр НАТО с расширенными возможностями, меморандум о поддержке принимающей стороны. 2015 г. – С. Ниинистё: «Финляндия была и останется западной страной». 2016 г. – первое участие в учениях НАТО <i>Trident Juncture</i> . 2018 г. – трёхстороннее соглашение с США и Швецией, участие в PESCO ЕС	2022 г. – заявка на вступление в НАТО (совместно со Швецией). 2023 г. – вступление в НАТО, подписание соглашения об оборонном сотрудничестве с США. 2024 г. – решение о размещении в Юго-Восточной Финляндии командного центра сухопутных сил НАТО в Северной Европе

Источник: составлено автором.

*«Европеизация» финской политики
в области безопасности:
1990-е – середина 2010-х годов*

Несмотря на продление действия ДДСВП на двадцать лет в 1983 году²⁸, после распада СССР возникла необходимость в новом базовом двустороннем соглашении. В 1992 г. Финляндия и Россия заключили договор, который уже не предусматривал даже квазисоюзнических военных обязательств, как ДДСВП, а лишь обязал государства «не использовать или разрешать использовать свою территорию для вооруженной агрессии против другой стороны»²⁹. Это обстоятельство позволило финнам говорить о завершении формального нейтралитета, традиционно понимаемого как отказ от вступления в НАТО.

В 1990-х годах градус военно-политической напряжённости в Европе существенно снизился, и в Финляндии стали всё меньше ощущать «угрозу с Востока», что позволило ей активизировать сотрудничество с западными странами. В этот период Хельсинки стремился глубже интегрироваться в общеевропейские структуры для преодоления «политической изоляции» времён «холодной войны» и – впоследствии – получения гарантий безопасности от западных партнёров [Blank 1996: VII]³⁰. В марте 1992 г. страна подала заявку в ЕС и в 1995 г. вступила в объединение, чему предшествовал консультативный референдум, на котором 56,9% граждан поддержали инициативу. Финляндия присоединилась к его общей внешней политике и

политике в области безопасности (ОВПБ). И хотя ОВПБ тогда только лишь зарождалась, а сам Евросоюз был преимущественно экономическим объединением, членство в нём впоследствии дало финнам основания позиционировать себя уже не нейтральным, а неприсоединившимся (*non-aligned*) государством³¹.

Примерно в то же время, на фоне новой внешнеполитической ориентации страны и изменившейся международно-политической обстановки в Европе, в Финляндии началась внутренняя дискуссия о необходимости вступления в НАТО. В первой половине 1990-х годов Альянс объявил о политике открытых дверей для всех европейских стран, а в 1994 г. запустил программу «Партнёрство ради мира» (ПРМ), направленную на развитие военного сотрудничества со странами вне блока – преимущественно бывшими социалистическими государствами Восточной Европы. Хельсинки присоединился к программе в том же году, что положило начало его официальному взаимодействию с Организацией. В рамках ПРМ с 1995 г. страна участвовала в «Процессе планирования и анализа» (*Planning and Review Process*), который был направлен на повышение функциональной совместимости систем вооружений участников программы с техникой государств-членов НАТО, и достигла этой цели уже к 2001 году [Heikka 2005: 110].

Тем не менее, как было отмечено ранее, во второй половине 1990-х годов вопрос о членстве не стоял на повестке дня руко-

²⁸ См. Протокол от 6 июня 1983 г. к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901033> (дата обращения: 05.05.2025).

²⁹ Ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений от 20 января 1992 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901000> (дата обращения: 05.05.2025).

³⁰ Вопрос о гарантиях безопасности не стоял на повестке дня руководства Финляндии вплоть до 2010-х годов.

³¹ Эта тенденция особенно проявилась после того, как Финляндия начала участвовать в миротворческих операциях ЕС. Характерным представляется эпизод с парламентских слушаний по докладу финского правительства о политике в области безопасности и обороны в 2001 году. Тогда министр обороны заявил, что «Финляндия больше не нейтральная страна, а член политического союза, но в военном отношении неприсоединившийся». На обвинения двух парламентариев в словесной эквилибристике министр возразил: «Это не эквилибристика, а факт» [Palosaari 2013b: 1].

водства страны. Помимо того что стремление в НАТО считалось прерогативой восточноевропейских государств³², на то было ещё три существенные причины. *Во-первых*, в новых международно-политических условиях Финляндия рассматривала невоенные угрозы, находившиеся тогда вне сферы компетенции Альянса, в качестве основных для национальной и европейской безопасности. *Во-вторых*, расширение блока могло быть негативно воспринято Россией, что привело бы к эскалации в Скандинавско-Балтийском и Европейском регионах [Blank 1996: V; Forsberg 2023: 43]³³. Наконец, значительная часть населения выступала против членства в блоке, и финские политики учитывали эти настроения.

В Докладе правительства по вопросам политики в области безопасности 1995 г. – первом после вступления в ЕС – отрицался «дефицит безопасности» страны и отмечалось, что «Финляндия не будет искать новые решения в области обороны», но пересмотрит свой подход, «если международная обстановка изменится существенным образом»³⁴. Именно тогда в финской политике была сформулирована так называемая «опция НАТО». Финляндия оставляла за собой право пересмотреть политику военного неприсоединения, что создавало определённую гибкость и стало элементом внешнеполитической стратегии страны на десятилетия вперед. Эту опцию можно рассматривать даже как инструмент мягкого сдерживания восточного соседа, который финны использовали вплоть до 2022 года, но такое прочтение появилось лишь в 2010-х годах по мере

углубления кризиса европейской безопасности [Forsberg 2023: 46].

В Докладе 1995 г. прослеживается и ценностный характер европейского выбора финнов: отмечалось, что «членство в ЕС прояснило и укрепило статус Финляндии путём её включения в ключевое объединение европейских демократий»³⁵. При этом, по мнению финских политиков того времени, членство в Евросоюзе, наряду с «европейскими ценностями», неприсоединением и независимой обороной, фактически отражало новую идентичность страны, заменив нейтралитет времён «холодной войны» [Palosaari 2013b: 6]. Таким образом, членство в ЕС представлялось для Финляндии статусным маркером, отражающим принадлежность к сообществу западных демократических государств³⁶.

В 1990-х годах складывается новая восточная политика Финляндии. Среди финских политиков, в том числе президента М. Ахтисаари, было популярно мнение, что демократизация постсоветской России позволит укрепить не только безопасность самой Финляндии, но и всей Европы, что нашло отражение и в Докладе 1995 года. По этой причине финны стремились всячески содействовать реформированию восточного соседа и его включению в общеевропейское политическое пространство, в частности, за счёт сближения с ЕС и развития приграничного, а также экономического и энергетического сотрудничества. Именно Финляндия, будучи председателем Совета ЕС, в 1999 г. инициировала программу «Северное измерение» Европейского союза³⁷. Официально она была

³² Любопытно, что в работах по геополитике до Второй Мировой войны Финляндию относили к западноевропейским государствам, а в годы «холодной войны» – к восточноевропейским [Smith 2018: 90].

³³ То же касалось и гипотетического вопроса о членстве в Западноевропейском союзе (ЗЕС).

³⁴ Turvallisuus muuttuvassa maailmassa. Suomen turvallisuuspolitiikan suuntalinjat. Valtioneuvoston selonteko eduskunnalle // Helsinki: Ulkoasiainministeriö. 06.06.1995. Julkaisuja, No. 6. URL: https://www.defmin.fi/files/246/2513_2143_selonteko95_1_.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

³⁵ Security in a changing world: guidelines for Finland's security policy // Report by the Council of State to the Parliament. June 6, 1995. URL: <https://data.nationallibrary.fi/bib/me/W00357483600> (accessed: May 5, 2025).

³⁶ Подробнее о международных институтах как статусных маркерах см. [Истомин et al. 2019].

³⁷ С идеей запуска «Северного измерения» ЕС Финляндия выступила ещё в 1997 году.

нацелена на расширение регионального сотрудничества на севере Европы между Евросоюзом, Россией, Норвегией и Исландией, но многие исследователи рассматривают её ещё и как попытку Финляндии интегрировать Россию в Европу [Haukkala, Ojanen 2010; Etzold, Haukkala 2011: 254; Романов 2020: 192–193].

К более ранним попыткам Хельсинки стабилизировать ситуацию в области европейской безопасности за счёт смещения акцента на её невоенные – в частности, природоохранные – аспекты можно отнести созыв первой многосторонней конференции по вопросам охраны окружающей среды в Арктике в Рованиеми в 1991 году³⁸. Постепенно встречи учёных и дипломатов, в которых участвовали и представители СССР, а впоследствии – России, эволюционировали до постоянных рабочих групп, которые заложили основу для создания Арктического совета в 1996 году.

Несмотря на стабилизацию военно-политической обстановки в Европе в 1990-х годах, Финляндия по-прежнему делала упор на самостоятельную национальную оборону [Heikka 2005; Blank 1996; Pyrkönen 2016]. Она включала в себя систему территориальной обороны, которую финны развивали ещё с 1960-х годов, и всеобщую воинскую повинность, которую страна сохранила в отличие от многих европейских государств³⁹. Наряду с политикой стабильности, реализуемой через ОВПБ, и участием в международном кризисном урегулировании, национальная оборона была зафиксирована в Докладе 1995 г. в качестве одного из компонентов политики в области безопасности и стала константой финской

оборонной доктрины на десятилетия вперед. Риск утраты независимой обороноспособности был тогда одним из контрагументов вступления в НАТО [Forsberg 2023: 43]. Политика Финляндии по выстраиванию индивидуальной, субрегиональной и европейской безопасности в конце 1990-х годов рассматривалась в качестве «модельной» для других малых государств, поскольку она сочетала в себе «самооборону, добрососедскую политику по интеграции России в Европу и европейскую интеграцию самой Финляндии» [Blank 1996: VII].

В 2000-х годах процесс европеизации усилился [Heikka 2005; Haukkala, Ojanen 2010; Palosaari 2013a]. Страна продолжила интеграцию в структуры безопасности ЕС, в частности через участие в миротворческих операциях. Так, с 2006 г. финские вооружённые силы начали выделять военнослужащих для боевых групп ЕС⁴⁰. В 2009 г. со вступлением в силу Лиссабонского договора Финляндия автоматически стала участницей общей политики ЕС в области безопасности и обороны (ЕПБО) и на неё стали распространяться положения о взаимной помощи (*mutual assistance clause*) членов ЕС в случае вооружённого нападения⁴¹. В результате измерение безопасности Евросоюза трансформировало финское понимание военного неприсоединения: размытость положений [учредительных договоров ЕС – прим. автора] об обороне и участие в кризисном урегулировании позволили финскому руководству утверждать, что Финляндия – не член военного союза, а лишь неприсоединившаяся страна, участвующая в миротворчестве [Palosaari 2013a; 2013b].

³⁸ Которая вошла в историю как «Финская инициатива», а последующее развитие формата – «процесс Рованиеми».

³⁹ Marchese M. Mandatory military conscription in Europe: addressing past or present threats? // Finabel European Army Interoperability Centre. 08.06.2023. URL: <https://finabel.org/mandatory-military-conscription-in-europe-addressing-past-or-present-threats/> (accessed: May 5, 2025).

⁴⁰ По сути, сил быстрого реагирования.

⁴¹ Которые ещё далеки от классической коллективной обороны. См. ст. 42 п. 7 Договора о Европейском союзе: «Если какое-либо государство-член [Союза] становится жертвой вооружённой агрессии на своей территории, другие государства-члены обязаны оказывать ему помощь и содействие всеми доступными им средствами в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций. <...>». URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016M042> (accessed: May 5, 2025).

Параллельно Хельсинки углублял практическое сотрудничество с НАТО и участвовал в кризисном урегулировании и военных учениях под эгидой Альянса. Например, в 1999 г. страна направила контингент в состав международных сил под руководством НАТО в Косово («Силы для Косово», *Kosovo Force, KFOR*), а в 2002 г. – для Международных сил содействия безопасности в Афганистане (*International Security Assistance Force, ISAF*). В 2008 г. Хельсинки присоединился к силам быстрого реагирования НАТО. В 2002 г. страна также принимала участие в учениях Организации *Strong Resolve*, а в 2006 г. – *Cold Response*.

Тем не менее в этот период в руководстве Финляндии – президенты М. Койвисто и Т. Халонен⁴² – по-прежнему выступали против членства в Альянсе, что совпадало с мнением большинства финнов, а среди ведущих политических сил «за» выступала лишь либерально-консервативная и проевропейская Национальная коалиционная партия [Särkkä 2019]. При этом дискуссии о необходимости вступления постепенно становились неотъемлемой частью внутриполитической повестки дня⁴³. Членство в Североатлантическом альянсе нередко воспринималось как дополнительный статусный маркер при надлежности к «ядру западных демократий», но эта тенденция стала заметной лишь в начале 2000-х годов [Forsberg 2002]⁴⁴. Скепсис в отношении НАТО усилился после активизации её миротворческой деятельности⁴⁵: финны не видели необходимости «сражаться в отдалённых войнах, которые они не выбирали» [Forsberg 2023: 44]. В результате главной задачей финского руководства становится достижение максимального уровня пар-

тёрства с Организацией без вступления в её структуры.

Кроме того, в конце 2000-х годов в интеграционных процессах стран Северной Европы проявилась оборонная составляющая. Финляндия интенсифицировала сотрудничество с другими северными странами в области обеспечения безопасности, и в 2009 г. присоединилась к Североевропейскому оборонному сотрудничеству (далее – НОРДЕФКО), которое можно отчасти рассматривать как реакцию на события 2008 г. в Грузии.

Отношения с Россией в 2000-е годы развились интенсивно и в духе добрососедства. Финляндия стремилась не предпринимать шагов в военно-политической сфере, которые могли быть восприняты восточным соседом как угроза безопасности, и обходить потенциально острые углы, передавая решение всех сложных вопросов на уровень ЕС [Haukkala, Ojanen 2011]. На фоне развития сотрудничества с Москвой финны фактически становились «лоббистами» инициатив по углублению взаимодействия с Россией в Евросоюзе⁴⁶. Тем не менее это ещё не означало, что Финляндия вообще перестала ощущать потенциальную военную угрозу со стороны Москвы: в официальных оценках рисков того периода – например, в докладах правительства о политике в области безопасности и обороны 1997 и 2001 годов – сохранилась возможность применения военной силы⁴⁷ [Heikka 2005: 94; Etzold, Haukkala 2011: 255], а во всех докладах того периода отмечалась необходимость поддерживать уровень боеготовности вооружённых сил для отражения внезапного нападения. Пятидневная война 2008 г. практически никак не сказалась на двусторонних отно-

⁴² Которая вообще считала своей миссией не допустить членства страны в НАТО [Lehtilä 2012].

⁴³ На президентских выборах 2006 г. членство страны в НАТО стало одной из ключевых тем.

⁴⁴ Подробнее о символическом капитале членства в НАТО см. [Истомин и др. 2019].

⁴⁵ Под влиянием ЕС и НАТО в Финляндии изменился дискурс относительно миротворчества, которое стали называть «кризисным урегулированием», для чего даже потребовалось изменять финское законодательство. Подробнее см. [Palosaari 2013b].

⁴⁶ Одним из таких примеров можно назвать попытки Финляндии добиться безвизового режима с восточными соседями ЕС, в том числе Россией [Salminen, Moshes 2009].

⁴⁷ Хотя «источник» применения силы деликатно не называется прямо.

шениях Финляндии и России и на общественной поддержке НАТО⁴⁸, поскольку воспринималась как далёкая и не имеющая прямых последствий для страны⁴⁹.

Таким образом, в 1990–2000-х годах Хельсинки адаптировал свою политику в области безопасности к новым международно-политическим условиям. Нейтралитет сменился военным неприсоединением, что позволило Финляндии интегрироваться в европейские институты безопасности, не вступая в военные структуры НАТО. Между тем членство в ЕС воспринималось как идентитарно-ценостный выбор при надлежности к сообществу западных государств, что можно рассматривать как проявление республиканизма в финской стратегической культуре. В то же время страна стремилась достичь максимального уровня партнёрства с НАТО, оставаясь вне блока с целью не провоцировать рост военно-политической напряжённости с Россией. В этот период отношения Финляндии с восточным соседом развиваются в духе дружеского соседства, и военные угрозы оцениваются как низкие. Тем не менее после «холодной войны» в финскую политику в области безопасности закладываются две константы: упор на мощную независимую национальную оборону и «опция НАТО». В них, на наш взгляд, проявилась реалистическая составляющая стратегической культуры Финляндии в рассматриваемый период.

**«Евроатлантизация» финской политики в области безопасности:
конец 2010-х – 2020-е годы**

В начале 2010-х годов в финской политике преобладал срединный подход к НАТО, который в 2013 г. ёмко сформулировал

президент С. Ниинистё: «Очень хорошо сидеть на заборе. <...> Нас [оттуда – *прим. автора*] не тянут ни в одну сторону, ни в другую» [Forsberg 2023: 45]. В этот период сама «опция» и внешнеполитическая гибкость, которую она создаёт, всё чаще воспринимались финнами как инструмент сдерживания России.

Тем не менее по мере деградации системы европейской безопасности в Финляндии актуализировался вопрос о гарантиях безопасности со стороны западных партнеров. С 2013 г. эта тема регулярно затрагивалась в докладах правительства по вопросам политики в области безопасности и обороны, где отмечалось, что оборонное сотрудничество [с западными странами и институтами – *прим. автора*] укрепляет безопасность страны, но не подразумевает юридических гарантий безопасности⁵⁰.

После 2014 г. Финляндия чётко артикулировала свою западную идентичность⁵¹, а в финской политике в области безопасности начался процесс евроатлантизации, что проявилось в более тесной интеграции с НАТО. В том же году на Уэльском саммите блока была запущена «Инициатива о функциональной совместимости с партнёрами» (*Partnership Interoperability Initiative, PII*). В рамках этой программы Финляндия получила статус «партнёра с расширенными возможностями» (*Enhanced Opportunities Partner, EOP*), что подразумевало углубление диалога и практического сотрудничества с Альянсом. В сентябре того же года Финляндия подписала с НАТО меморандум о поддержке принимающей стороны, что упростило проведение учений на финской территории, а также уча-

⁴⁸ Которая выросла лишь незначительно и на некоторое время.

⁴⁹ Hänninen J., Rantanen M. Poliitikot: Kaukasian kriisi ei vaikuta Suomen linjaan // Helsingin Sanomat. 13.08.2008.

⁵⁰ См. например: Finnish Security and Defence Policy 2012 – Government Report. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/79443> (accessed: May 5, 2025); Government's Defence Report 2017. URL: https://www.defmin.fi/files/3688/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf (accessed: May 5, 2025).

⁵¹ Президент С. Ниинистё: «Финляндия – часть Запада и останется ею». См. President of the Republic Sauli Niinistö's New Year's Speech // President of Finland. 01.01.2015. URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/president-of-the-republic-sauli-niinistos-new-years-speech-on-1-january-2015/> (accessed: May 5, 2025).

стие страны в кризисном урегулировании под эгидой блока. Во второй половине 2010-х годов военно-тренировочная активность Альянса возросла, в том числе на северо-восточном фланге, и Финляндия всё чаще принимала в ней участие наравне с государствами-членами – например, в учениях *Trident Juncture* в 2016 году.

При этом украинский кризис в то время публично не воспринимался финнами как угроза безопасности, и конфигурация «членство в ЕС + партнерство с НАТО» считалась достаточной. Премьер-министр Ю. Катайнен отмечал, что важно «не изолировать Россию» [Forsberg 2023: 45]. И хотя после 2014 г. Финляндия начинает постепенно сокращать контакты с восточным соседом и присоединяется к антироссийским ограничительным мерам ЕС, политический диалог на высшем уровне, экономическое, энергетическое, приграничное и культурное сотрудничество сохранялось.

Сближение Хельсинки с НАТО после 2014 г. можно объяснить разочарованием в эффективности системы безопасности Евросоюза, даже несмотря на попытки её консолидации после запуска в 2018 году «Постоянного структурированного сотрудничества» по вопросам безопасности и обороны (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*). Финны – а с ними и шведы – считали гарантии безопасности⁵² со стороны Брюсселя недостаточными в меняющихся военно-политических условиях [Воронов 2018: 88]. Помимо НАТО, в этот период Финляндия интенсифицировала сотрудничество в сфере обороны со Шве-

цией и США: в 2018 г. страны подписали трёхсторонний меморандум об оборонном сотрудничестве с прицелом на совместные военные учения, а спустя два месяца северные страны подписали уже двусторонний меморандум. Годом ранее обе страны присоединились к Объединённому экспедиционному корпусу во главе с Британией⁵³.

В 2010-х – начале 2020-х годов, несмотря на сближение с Альянсом, финны по-прежнему выступали против членства: доля сторонников не превышала 30%⁵⁴, что также служило ориентиром и для руководства страны. Вопрос военного неприсоединения (ранее – нейтралитета) и сохранения «линии Паасикиви-Кекконена»⁵⁵ во внешней политике стал частью финской национальной идентичности и воспринимался так не только обществом, но и многими политиками [Aunesluoma, Rainio-Niemi 2016; Ланко 2021].

В политико-стратегическом отношении сохраняла актуальность «российская дилемма»: политика России всё больше воспринималась Финляндией как потенциальная угроза национальной, региональной и европейской безопасности, но риск эскалации удерживал руководство страны от резких внешнеполитических «манёвров», как и в 1990–2000-х годах. Кроме того, Москва неоднократно предупреждала финское руководство о возможных последствиях вступления страны в НАТО⁵⁶.

Главным катализатором нового витка дискуссии о членстве страны в Североатлантическом альянсе стала российская инициатива по гарантиям безопасности со сторо-

⁵² Не юридического, а политического характера.

⁵³ Объединенный экспедиционный корпус (*Joint Expeditionary Force, JEF*) — коалиция стран Скандинавско-Балтийского региона и Нидерландов, созданная по инициативе Британии в 2014 году. См. подробнее: *About the JEF // The Joint Expeditionary Force*. URL: <https://jefnations.org/about-the-jef/> (accessed: May 5, 2025).

⁵⁴ Finns' opinions on foreign and security policy, national defence and security // The Advisory Board for Defence Information. December, 2021. URL: https://www.defmin.fi/files/5275/Finns_opinions_on_foreign_and_security_policy_national_defence_and_security_2021.pdf (accessed: May 5, 2025).

⁵⁵ Под которой фактически понималась интеграция в западное политическое пространство при сохранении добрососедских отношений с Россией.

⁵⁶ См. например: Путин предупредил о последствиях вступления Финляндии в НАТО // Российская газета. 01.07.2016. URL: <https://rg.ru/2016/07/01/putin-predupredil-o-posledstviiyah-vstupleniia-finliandii-v-nato.html> (дата обращения: 05.05.2025).

ны США и НАТО в декабре 2021 года⁵⁷. Она предполагала среди прочего отказ Хельсинки на юридическом уровне от вступления блок, что было воспринято финнами как перспектива нового витка финляндизации и вынужденного нейтрализации. В русле логики республиканского реализма, предполагающего также стремление к отсутствию доминирования какой-либо державы в системе региональной безопасности, финское руководство восприняло российскую инициативу как попытку ограничить самостоятельность страны в определении внешней и оборонной политики⁵⁸. Президент С. Ниинистё недвусмысленно подтвердил эту идею в интервью Радио Швеции летом 2023 года: «Мы, финны, упрямые, и, если нас заставляют что-то делать, мы становимся ещё упрямее»⁵⁹.

Эскалация украинского кризиса в феврале 2022 г. стала для Финляндии переломным моментом в дискуссии о членстве

в НАТО. В первую очередь это проявилось в общественных настроениях, а именно в стремительном росте поддержки идеи вступления в Альянс. Уже через четыре дня после начала российской спецоперации доля сторонников впервые преодолела барьер в 50%⁶⁰, а спустя некоторое время обновила рекорд, достигнув почти 80%⁶¹. Очередной виток конфликта на Украине стал серьёзным шоком как для обычных граждан, так и для внешнеполитического сообщества и руководства страны. Свою роль здесь сыграла и историческая память, связанная с советско-финляндской войной (1939–1940), и антироссийская риторика в западных СМИ, а также позиция Швеции⁶². Последняя, хотя и учитывалась финнами [Forsberg 2023: 46], в 2022 г. сыграла скорее второстепенную роль. Инициатором вступления в НАТО выступила именно Финляндия, а Швеция, где наблюдался почти двукратный рост поддержки членства⁶³, ориентировалась на балтийского соседа⁶⁴.

⁵⁷ О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // МИД России. 17.12.2021. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790809/ (дата обращения: 05.05.2025).

⁵⁸ Руководство Финляндии публично отреагировало на инициативу России уже в новогодних обращениях. Премьер-министр С. Марин: «Мы сохраняем возможность вступления в НАТО. Мы показали, что извлекли уроки из прошлого. Мы не позволим лишить нас пространства для манёвра» (Prime Minister Sanna Marin's New Year's message, 31 December 2021 // Finnish Government. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/10616/prime-minister-sanna-marin-s-new-year-s-message-31-december-2021> (accessed: May 5, 2025)). Президент С. Ниинистё: «Наше пространство для манёвра и свобода выбора также включают возможность военных союзов и вступления в НАТО, если мы так решим» (President of the Republic of Finland Sauli Niinistö's New Year's Speech on 1 January 2022. URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinistos-new-years-speech-on-1-january-2022/> (accessed: May 5, 2025)).

⁵⁹ Niinistö S. Finlands president om den förändrade omvärlden, Nato och vår gemensamma säkerhet // Sveriges Radio. 20.08.2023. URL: <https://sverigesradio.se/avsnitt/sauli-niinisto-sommarpratare-2023> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁰ For first time, Yle poll shows majority support for Finnish Nato application // Yle. 28.02.2022. URL: <https://yle.fi/news/3-12337202> (accessed: May 5, 2025).

⁶¹ Yle poll: Support for Nato membership soars to 76% // Yle. 09.05.2022. URL: <https://yle.fi/a/3-12437506> (accessed: May 5, 2025).

⁶² Подробнее о финских дискуссиях по вопросу вступления в НАТО в тот период см. Липунов Н.С. «Финны не боятся, но постоянно напечку»: почему в Хельсинки не спешат с решением по НАТО? // Евразийские стратегии. 16.03.2022. URL: <http://eurasian-strategies.ru/wp-content/uploads/pdf/insights/finny-ne-bojatsja-no-postojanno-nacheku-pochemu-v-helsinki-ne-speshat-s-resheniem-po-nato.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶³ Opinion on NATO: Record shift between 2021 and 2022 // University of Gothenburg. 07.03.2024. URL: <https://www.gu.se/en/news/opinion-on-nato-record-shift-between-2021-and-2022> (accessed: May 5, 2025).

⁶⁴ Позднее это подтвердил С. Ниинистё в интервью Радио Швеции. В январе 2022 г. он обратил внимание шведского премьера М. Андерссона на российскую инициативу по гарантиям безопасности, а за несколько дней до начала российской спецоперации предупредил министра обороны

Апогеем гражданской обеспокоенности стали две народные законодательные инициативы о проведении референдума о вступлении в НАТО и о подаче заявки без него, которые собрали необходимое число подписей в рекордные сроки⁶⁵. Пока руководство Финляндии тщательно взвешивало все «за» и «против»⁶⁶, президент С. Ниинистё пытался заручиться гарантиями безопасности со стороны США, которые отказались их предоставить официально, пообещав лишь поддержку финской заявки в НАТО⁶⁷, а премьер-министр С. Марин в совместном со шведской коллегой обращении к председателю Европейского совета Ш. Мишелю поспешила напомнить об обязательствах государств-членов ЕС по взаимной помощи в случае вооружённой агрессии⁶⁸. После нескольких недель обсуждений в мае 2022 г. правительство Финляндии представило доклад, в котором констатировало, что самым надёжным решением в области безопасности для страны будет «комбинация сильной национальной обороны и членства в НАТО»⁶⁹.

Через пару дней Хельсинки и Стокгольм совместно подали заявки в Альянс. Ключевым аргументом в пользу членства в НАТО для Финляндии стал вопрос о юридических гарантиях безопасности, которые предусмотрены статьей 5 Североатлантического договора⁷⁰.

Вступив в НАТО 4 апреля 2023 года, Финляндия начала укреплять военные связи с США и 18 декабря 2023 г. подписала двустороннее соглашение об оборонном сотрудничестве, по которому американские вооружённые силы получили расширенный доступ к 15 военным объектам на финской территории⁷¹. В 2024 г. Финляндия объявила о намерении разместить в стране контингент НАТО в рамках программы передового присутствия и командный центр сухопутных сил Альянса в Северной Европе. Для реализации этих инициатив страна подписала два ключевых документа: Соглашение о статусе сил НАТО и Парижский протокол, открывшие военнослужащим союзников дорогу в Финляндию⁷². Несмотря на расширение и углу-

королевства П. Хультквиста, что в Финляндии всерьёз рассмотрят вопрос о членстве в НАТО в случае начала боевых действий. Подробнее см. *Niinistö S. Finlands president om den förändrade omvärlden, Nato och vår gemensamma säkerhet* // Sveriges Radio. 20.08.2023. URL: <https://sverigesradio.se/avsnitt/sauli-niinisto-sommarpratare-2023> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁵ Finnish Nato referendum goes on parliamentary agenda // Yle. 27.02.2022. URL: <https://yle.fi/a/3-12335563> (accessed: May 5, 2025).

⁶⁶ Липунов Н.С. «Финны не боятся, но постоянно начеку»: почему в Хельсинки не спешат с решением по НАТО? // Евразийские стратегии. 16.03.2022. URL: <http://eurasian-strategies.ru/wp-content/uploads/pdf/insights/finny-ne-bojatsja-no-postojanno-nachechu-pochemu-v-helsinki-ne-speshat-s-resheniem-po-nato.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁷ *Niinistö S. Finlands president om den förändrade omvärlden, Nato och vår gemensamma säkerhet* // Sveriges Radio. 20.08.2023. URL: <https://sverigesradio.se/avsnitt/sauli-niinisto-sommarpratare-2023> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁸ Prime Ministers of Finland and Sweden stress role of EU as security provider // Finnish Government. 08.03.2022. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/10616/prime-ministers-of-finland-and-sweden-stress-role-of-eu-as-security-provider> (accessed: May 5, 2025).

⁶⁹ Report on Finland's Accession to the North Atlantic Treaty Organization // Finnish Government. 15.05.2022. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/164093/Gov_rep_EN.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed: May 5, 2025).

⁷⁰ О коллективной обороне.

⁷¹ Аналогичные соглашения у США теперь есть со всеми пятью странами Северной Европы. Переговоры по соглашению, по сообщению МИД Финляндии, начались в августе 2022 г. ещё до вступления страны в альянс, но после подачи заявки. См. Defence Cooperation Agreement with the United States (DCA) // Ministry for Foreign Affairs of Finland. URL: <https://um.fi/defence-cooperation-agreement-with-the-united-states-dca-> (accessed: May 5, 2025).

⁷² Липунов Н.С. НАТО в гостях у Санты // Российский совет по международным делам. 16.09.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-v-gostyakh-u-santy/> (дата обращения: 05.05.2025).

бление сотрудничества с Организацией, упор на самостоятельную национальную оборону остался константой в финской политике в области безопасности.

Финляндия присоединилась к Альянсу без оговорок и самоограничений в отличие от Норвегии и Дании. Новый президент страны А. Стубб, избранный после вступления в НАТО, сразу обозначил, что финны намерены не просто быть пассивным союзником, а активно участвовать в сдерживании России, в том числе ядерном. Вопрос о потенциальном размещении в Финляндии ядерного оружия стал одним из наиболее острых в ходе президентской кампании 2024 года. Стубб тогда допустил, что даже готов пересмотреть действующее законодательство⁷³ и разрешить транзит ядерных боезарядов через территорию страны, «если того потребуют обстоятельства»⁷⁴.

Отношения с Москвой у Хельсинки после эскалации украинского кризиса резко ухудшились и достигли исторического минимума со времён Второй мировой войны: любая связь с ней стала восприниматься как потенциальная угроза. Прекратился политический диалог на высшем и высоком уровнях, было практически свёрнуто экономическое, гуманистарное и приграничное сотрудничество – даже несмотря на ущерб для самих финнов и экономики страны. Кульминацией

стало полное закрытие Финляндией всей восточной границы в ноябре 2023 г. после того, как с российской стороны резко возрос поток мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки⁷⁵. Руководство страны тогда обвинило российскую сторону в конструировании миграционного кризиса в ответ на вступление Финляндии в НАТО⁷⁶. Годом ранее финское правительство приняло решение о строительстве пограничного заграждения на границе с Россией⁷⁷, а в 2025 г. объявило о выходе из Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин⁷⁸.

Лучшим подтверждением – и буквальной артикуляцией – республиканского реализма по можно считать слова А. Стубба из инаугурационной речи 1 марта 2024 года: «Финская внешняя политика и политика в области безопасности основаны на ценностном реализме. Их отправной точкой служит сильный союз с ЕС и НАТО»⁷⁹. При этом под ценностями финский президент подразумевал «западные ценности демократии, верховенства права и прав человека», а под реализмом – мощную национальную обороноспособность.

* * *

Логика и движущие силы финской политики в области безопасности на протяжении более трех десятилетий после

⁷³ Согласно финскому Закону о ядерной энергии запрещены ввоз, производство, хранение и детонация ядерных боезарядов на территории страны.

⁷⁴ Впоследствии, уже находясь в должности президента, А. Стубб отказался от своей предвыборной инициативы. См. President Alexander Stubb rules out deployment of nuclear weapons in Finland. 01.10.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/president-alexander-stubb-rules-out-deployment-of-nuclear-weapons-in-finland/3348389#> (accessed: May 5, 2025).

⁷⁵ Finland shuts more Russia border points, says asylum inflow must stop // Reuters. November 24, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finland-has-closed-all-passenger-border-crossings-with-russia-one-2023-11-24/> (accessed: May 5, 2025).

⁷⁶ Липунов Н.С. Пограничное состояние // Известия. 30.11.2023. URL: <https://iz.ru/1613097/nikita-lipunov/pogranichnoe-sostoyanie> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷⁷ Финляндия решила потратить более \$143 млн на забор на границе с Россией // Forbes. 18.11.2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/481284-finlandia-resila-potratit-bolee-143-mln-na-zabor-na-granice-s-rossieij> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷⁸ Вероятной мотивацией стала возможность минирования границы с Россией. См. Финляндия начала подготовку к выходу из конвенции о запрете противопехотных мин // Интерфакс. 01.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1017689> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷⁹ Inauguration speech by President of the Republic of Finland Alexander Stubb on 1 March 2024. URL: <https://www.presidentti.fi/en/inauguration-speech-by-president-of-the-republic-alexander-stubb-on-1-march-2024/> (accessed: May 5, 2025).

«холодной войны» оставались неизменными. В их основе по-прежнему лежит концепция республиканского реализма, в рамках которой Финляндия стремится не допустить доминирования какой-либо державы в системе безопасности в Скандинавско-Балтийском регионе и в Европе в целом. При этом значительные видимые метаморфозы – от нейтралитета до членства в военном блоке – представляют собой процесс адаптации к меняющейся ситуации в области глобальной и региональной безопасности.

Результаты анализа, представленные в Табл. 1, наглядно иллюстрируют эволюцию подхода Финляндии к безопасности в 1990–2020-х годах. Её определяло соотношение двух стратегических субкультур – отношения с Россией и восприятие её политического курса, а также интеграция в сообщество западных государств. В процессе эволюции финской политики в области безопасности можно условно выделить этапы «европеизации» (1990-е – конец 2010-х годов) – ориентации преимущественно на ЕС и скандинавских соседей – и «евроатлантизации» (конец 2010-х – 2020-е годы) – на США и НАТО.

В евроатлантический период между двумя субкультурами прослеживается корреляция: чем больше Финляндия воспринимала политику России как потенциальную угрозу, тем больше она тяготела к крупным западным державам и их институтам не только в политическом отношении, но и в вопросах безопасности. Переход от «европеизации» к «евроатлантизации» был вызван разочарованием Финляндии в способности ЕС выступать гарантом её безопасности на фоне общей деградации системы европейской безопасности. Кульминацией этого процесса стало вступление

в НАТО через год после эскалации украинского конфликта в 2022 году. Хельсинки воспринимает Альянс как сообщество безопасности, а ЕС – как сообщество ценностей. На протяжении всего рассматриваемого периода страна делала упор на мощную систему национальной обороны.

Анализ финской стратегической культуры может послужить ценным инструментом анализа и прогнозирования внешнеполитического поведения страны. В условиях дальнейшей деградации системы европейской безопасности Финляндия останется одним из наиболее активных членов НАТО, а евроатлантическая ориентация, равно как и упор на сильную систему национальной обороны, останутся константами её политики в области безопасности.

Случай Финляндии показывает определяющее значение стратегической культуры – набора идейно-ценостных установок и практик во внешней и оборонной политике, представляющих результат рефлексии национального исторического опыта – в формировании политики малых государств в области безопасности, несмотря на их ограниченные ресурсы и пространство для манёвра. Применительно к политике малых государств концепт стратегической культуры может использоваться как альтернативная неореализму эпистемологическая рамка.

В качестве возможных направлений для дальнейших исследований можно наметить расширение выборки малых государств для анализа, особенно за счёт незападных, что позволит проверить применимость концепта стратегической культуры к другим малым государствам и выявить условия такой применимости, а также создаст основу для последующих сравнительных исследований.

Список литературы

Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. №5. С. 130–145.
 Белухин Н.Е., Воротников В.В., Дианина С.Ю. Репутация и статус в стратегической культуре Дании // Балтийский регион. 2023. Т. 15. №3. С. 4–28. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1
 Васина А.В. Трансформация политики нейтралитета Швеции и Финляндии в 1945–1991 гг. // Современная научная мысль. 2022. №3. С. 147–156. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-147-156

Воронов К.В. Северный нейтраллизм: исторический финал или трансформация? // Современная Европа. 2018. №1. С. 80–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188099>

Воротников В.В. Национальный исторический миф как элемент стратегических культур государств Балтии: на примере тематики почтовых марок // История. 2021. Т.12. №7 (105). DOI: 10.18254/S207987840016559-3

Данилов Д.А. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623

Зеленева И.В., Бурухина Е.Н. Эволюция политики безопасности Финляндии и НАТО // Вестник Томского государственного университета. 2018. №434. С. 119–124. DOI: 10.17223/15617793/434/15

Истомин И.А., Болгова И.В., Соколов А.П., Аватков В.А. «Знак качества» или «чёрная метка»? НАТО как маркер статуса государств // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №(2(65)). С. 57–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85>

Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6. №3. С. 84–92.

Корунова Е.В. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. №3. С. 53–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97

Ланко Д.А. Финляндизация, нейтралитет или Кеккословакия? Линия Паасикиви–Кекконена в финских дискурсах через 30 лет после холодной войны // Международная аналитика. 2021. Т. 12. №3. С. 139–153. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153>

Лошакарев И.Д., Кучук А.В. Стратегическая культура Польши: вариации и их отражение в официальном дискурсе // Современная Европа. 2022. №4(111). С. 37–49. DOI 10.31857/S0201708322040039

Межевич Н.М., Ногаев И.В. Финляндия в НАТО. Генезис современной ситуации и перспективы ее эволюции // Современная Европа. 2024. №7. С. 134–144. DOI: 10.31857/S020170832 4070118

Плевако Н.С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran220222431

Романов Д.Г. Политика Финляндии в отношении Российской Федерации при президенте М. Ахтисаари (1994–2000): попытка когнитивного анализа // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. №4. С. 171–200. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-171-200>

Федоров Р.А. Изменение подходов в области вопросов безопасности Финляндии после распада Советского Союза // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. №4. С. 87–94. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-4-87-94

Худолей К., Ланко Д. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №3. С. 13–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>

Чеков А.Д. Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15. №1. С. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3

Agius C. The Social Construction of Swedish Neutrality: Challenges to Swedish Identity and Sovereignty. Manchester: Manchester University Press, 2006. 288 р.

Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18. No. 4. P. 51–78. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00680

Belukhin N.E., Vorotnikov V.V., Dianina S.Y. Reputation And Status in Denmark's Strategic Culture. Baltic Region // 2023. Vol. 15. No. 3. P. 4–28. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-1

Beneš J., Karásek T. Small and impressionable? Strategic cultures of the Czech Republic and Slovakia in evolving international contexts // Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking / ed. by T. Weiss, G. Edwards. London; New York: Routledge, 2021. P. 60–77. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>

Blank D.S.J. Finnish Security and European Security Policy // Strategic Studies Institute, US Army War College. 1996. 36 р.

Bloomfield A. Time to Move On: Reconceptualizing the Strategic Culture Debate // Contemporary Security Policy. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 437–461. DOI: 10.1080/13523260.2012.727679

Bloomfield A., Nossal K.R. Towards an Explicative Understanding of Strategic Culture: The Cases of Australia and Canada // Contemporary Security Policy. 2007. Vol. 28. No. 2. P. 286–307. <https://doi.org/10.1080/13523260701489859>

De Castro R.C. Philippine Strategic Culture: Continuity in the Face of Changing Regional Dynamics // Contemporary Security Policy. 2014. Vol. 35. No. 2. P. 249–269. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.927673>

Fomin I. Strategic culture as a meaning-making system: towards a social semiotic account of multimodal cultural constraints in international relations // International Theory. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 351–378. <https://doi.org/10.1017/S175297192300009X>

Forsberg T. Four rounds of the Finnish NATO debate // Nordic Review of International Studies. 2023. No. 1. P. 41–50.

Forsberg T. Nato-kirja. Helsinki: Ajatus, 2002. 327 p.

Glenn J. Realism versus Strategic Culture: Competition and Collaboration? // International Studies Review. 2009. Vol. 11. No. 3. P. 523–551. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00872.x>

Grand Strategies in War and Peace / ed. by P. Kennedy. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. 228 p.

Gray C. Strategic Culture as Context: the First Generation of Theory Strikes Back // Review of International Studies. 1999. Vol. 25. No. 1. P. 49–69. doi:10.1017/S0260210599000492

Haukkala H., Ojanen H. The Europeanization of Finnish foreign policy: pendulum swings in slow motion // National and European Foreign Policy: Towards Europeanization / ed. by C. Hill, R. Wong. London; New York: Routledge, 2011. P. 149–166.

Heikka H. Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40. No. 1. P. 91–119. <https://doi.org/10.1177/0010836705049736>

Howlett D., Glenn J. Epilogue: Nordic Strategic Culture // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40. No. P. 121–140. <https://doi.org/10.1177/0010836705049737>

Keohane R.O. 'Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. 1969. Vol. 23. No. 2. P. 291–310.

Lehtilä H. Tarja Halonen. Paremman maailman puolesta. Helsinki: Tammi, 2012. 251 p.

Long T. Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power // International Studies Review. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1093/isr/viw040>

Murphy S. Friends with Benefits? NATO and the European Neutral/Non-aligned States // Small States and the New Security Environment. The World of Small States. Vol. 7 / ed. by A. M. Brady, B. Thorhallsson. Cham: Springer, 2021. P. 153–171. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51529-4_11

Neumann I.B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice: The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40. No. 1. P. 5–23. DOI: 10.1177/0010836705049731

Palosaari T. Neither neutral nor non-aligned: The Europeanization of Finland's foreign and security policy // Finnish Foreign Policy Papers. 2013. No. 3. 32 p.

Palosaari T. Still a Physician rather than a Judge? The Post-Cold War Foreign and Security Policy of Finland // Swiss Political Science Review. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 357–375. <https://doi.org/10.1111/spsr.12041>

Pyykönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p.

Rolf J.N. Strategic culture and small states: From norm breakers to norm takers to norm shapers // Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking / ed. by T. Weiss, G. Edwards. London; New York: Routledge, 2021. P. 41–59. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>

Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. New York: Colombia University Press, 1968. 331 p.

Salminen M., Moshe A. Practice What You Preach: The Prospects for Visa Freedom in Russia–EU Relations. FIIA Report. No.18. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2009. 61 p.

Smith H. EU-medlem och Rysslands granne: En analys av Finlands strategiska kultur // Nordisk Østforum. 2018. Vol. 32. P. 87–103. DOI: 10.23865/noros.v32.1252

Särkkä I. Nato-retoriikka Suomen turvallisuuspoliittisessa keskustelussa. Helsinki: University of Helsinki, 2019. 298 p.

Tillotson H.M. Finland at peace and war: 1918–1993. Wilby, Norwich: Michael Russell, 1996. 354 p.

Etzold T., Haukkala H. Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // Journal of Contemporary European Studies. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 249–260. DOI: 10.1080/14782804.2011.580913

Willis J. Breaking the paradigm(s): A review of the three waves of international relations small state literature // Pacific Dynamics: Journal of Interdisciplinary Research. 2021. Vol 5. No. 1. P. 18–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.26021/10639>

Wood D.P.J. The Smaller Territories: Some Political Considerations // Problems of Smaller Territories / ed. by B. Benedict. London: The Athlone Press–University of London, 1967. P. 23–35.

THE ROLE OF STRATEGIC CULTURE IN SHAPING THE SECURITY POLICY OF SMALL STATES

(THE CASE OF FINLAND IN THE 1990s-2020s)*

NIKITA LIPUNOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the role of strategic culture in shaping security policies of small states, using Finland as a case study. The logic and driving forces behind Finnish foreign and defence policy have remained constant for more than three decades since the end of the Cold War. They are based on the concept of republican realism, within which Finland seeks the state of non-domination of any single power in the security system in the Nordic-Baltic region and in Europe as a whole. The observed metamorphosis – from neutrality to membership in a military alliance – represents a process of adaptation to the changing global and regional security situation and reflects the country's leadership's threat perception. The evolution of Finland's policy has been determined by the relationship between two strategic subcultures: 'relations with Russia' and 'integration into the community of Western states'. We can roughly divide this into two stages: 'Europeanisation' (1990s – late 2010s) and 'Euro-Atlantisation' (late 2010s – 2020s). During the Euro-Atlantic period, a correlation can be observed between the two strategic subcultures: the more Finland perceived Russia's policy as a potential threat, the more it gravitated towards the major Western powers and their institutions, not only in political terms but also in matters of security. The transition from Europeanisation to Euro-Atlanticism was caused by Finland's disappointment in the EU's ability to guarantee its security against the backdrop of the general deterioration of the European security system. Throughout the period under review, the country maintained strong national defence. The case of Finland demonstrates the decisive importance of strategic culture in shaping security policies of small states, despite their limited resources and room for manoeuvre. The concept of strategic culture represents a productive epistemological alternative to the neorealist approach in analysing the behavioural patterns of small states.

Keywords:

small states; strategic culture; security policy; defence policy; foreign policy; Finland; neutrality; military non-alignment; EU; NATO; USA; Russia

References

Agius C. (2006). *The Social Construction of Swedish Neutrality: Challenges to Swedish Identity and Sovereignty*. Manchester: Manchester University Press. 288 p.

Alekseeva T. (2012). Strategicheskaya kul'tura: evolyutsiya kontseptsii [Strategic culture: evolution of the concept]. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 130–145.

Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. (2016). Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War. *Journal of Cold War Studies*. Vol. 18. No. 4. P. 51–78. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00680

* This research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation as part of project No. 20-78-10159, 'The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: Specifics of Its Influence on Security Policy (The Case of the Scandinavian-Baltic Region)'. The author would like to thank two anonymous reviewers and the journal's editorial team for their valuable comments, which helped to improve the quality of the work.

Belukhin N. E., Vorotnikov V. V., Dianina S. Y. (2023). Reputation And Status in Denmark's Strategic Culture. *Baltic Region*. Vol. 15. No. 3. P. 4–28. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1

Beneš J., Karásek T. (2021). Small and impressionable? Strategic cultures of the Czech Republic and Slovakia in evolving international contexts. In: T. Weiss, G. Edwards (eds) *Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking*. London; New York: Routledge. P. 60–77. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>

Blank D.S.J. (1996). *Finnish Security and European Security Policy*. Strategic Studies Institute, US Army War College. 36 p.

Bloomfield A. (2012). Time to Move On: Reconceptualizing the Strategic Culture Debate. *Contemporary Security Policy*. Vol. 33. No. 3. P. 437–461. DOI: 10.1080/13523260.2012.727679

Bloomfield A., Nossal K.R. (2007). Towards an Explicative Understanding of Strategic Culture: The Cases of Australia and Canada. *Contemporary Security Policy*. Vol. 28. No. 2. P. 286–307. <https://doi.org/10.1080/13523260701489859>

Chekov A.D. (2023). Estonskaya «pribaltiyskost» kak sotsial'nyy konstrukt: smysly i kontekstual'naya spetsifika [Estonian 'Balticness' as a Social Construct: Meanings and Contextual Specifics]. *Baltic Region*. Vol. 15. No. 1. P. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3

Danilov D.A. (2022). Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverej NATO [Finland and Sweden at the NATO doors]. *Sovremennaya Evropa*. No. 2. P. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623

De Castro R.C. (2014). Philippine Strategic Culture: Continuity in the Face of Changing Regional Dynamics. *Contemporary Security Policy*. Vol. 35. No. 2. P. 249–269. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.927673>

Etzold T., Haukkala H. (2011). Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 249–260. DOI: 10.1080/14782804.2011.580913

Fedorov R.A. (2024). Izmenenie podkhodov v oblasti voprosov bezopasnosti Finlyandii posle raspada Sovetskogo Soyuza [Changing approaches to Finnish security issues after the collapse of the Soviet Union]. *History and Modern Perspectives*. Vol. 6. No. 4. P. 87–94. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-4-87-94

Fomin I. (2023). Strategic culture as a meaning-making system: towards a social semiotic account of multimodal cultural constraints in international relations. *International Theory*. Vol. 15. No. 3. P. 351–378. DOI: 10.1017/S175297192300009X

Forsberg T. (2002). *Nato-kirja*. Helsinki: Ajatus. 327 p.

Forsberg T. (2023). Four rounds of the Finnish NATO debate. *Nordic Review of International Studies*. No. 1. P. 41–50.

Glenn J. (2009). Realism versus Strategic Culture: Competition and Collaboration? *International Studies Review*. Vol. 11. No. 3. P. 523–551. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00872.x>

Gray C. (1999). Strategic Culture as Context: the First Generation of Theory Strikes Back. *Review of International Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 49–69. doi:10.1017/S0260210599000492

Haukkala H., Ojanen H. (2011). The Europeanization of Finnish foreign policy: pendulum swings in slow motion. In: C. Hill, R. Wong (eds) *National and European Foreign Policy: Towards Europeanization*. London; New York: Routledge. P. 149–166.

Heikka H. (2005). Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective. *Cooperation and Conflict*. Vol. 40. No. 1. P. 91–119. <https://doi.org/10.1177/0010836705049736>

Howlett D., Glenn J. (2005). Epilogue: Nordic Strategic Culture. *Cooperation and Conflict*. Vol. 40. No. P. 121–140. <https://doi.org/10.1177/0010836705049737>

Istomin I.A., Bolgova I.V., Sokolov A.P., Avatkov V.A. (2019). «Znak kachestva» ili «chernaya metka»? NATO kak marker statusa gosudarstva [A «Badge of Honour» or a «Stamp of Infamy»? NATO As A Marker of Status in International Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2(65). P. 57–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85>

Kaveshnikov N.Yu. (2008). «Malye i vrednye?» ['Small and Naughty?']. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3. P. 84–92.

Kennedy P. (Ed.) (1991). *Grand Strategies in War and Peace*. New Haven, CT: Yale University Press. 228 p.

Keohane R. O. (1969). 'Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*. Vol. 23. No. 2. P. 291–310.

Khudoley K., Lanko D. (2019). Finskaya dilemma bezopasnosti, NATO i faktor Vostochnoy Evropy [Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 3. P. 13–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>

Korunova E. V. (2024). «Reshenie prinyato»: dolgaya istoriya prisoedineniya Shvetsii i Finlyandii k NATO [The Die is Cast: Sweden and Finland's Long Road to NATO]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16. No. 3. P. 53–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97

Lanko D.A. (2021). Finlyandizatsiya, neytralitet ili Kekkoslovakia? Liniya Paasikivi–Kekkonena v finskikh diskursakh cherez 30 let posle kholodnoy voyny [Finlandization, Neutrality, or Kekkoslovakia? Paasikivi–

Kekkonen's Line in Finnish Discourses 30 Years after the End of the Cold War]. *Journal of International Analytics*. Vol. 12. No. 3. P. 139–153. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153>

Lehtilä H. (2012). Tarja Halonen. *Paremman maailman puolesta*. Helsinki: Tammi. 251 p.

Long T. (2017). Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1093/isr/viw040>

Loshkariov I.D., Kuchuk A.V. (2022). Strategicheskaya kul'tura Pol'shi: variatsii i ikh otrazhenie v ofitsial'nom diskurse [Poland's Strategic Culture: Variations and Their Reflection in Official Discourse]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4(111). P. 37–49. DOI: 10.31857/S0201708322040039

Mezhevich N.M., Nogaev I.V. (2024). Finlyandiya v NATO. Genezis sovremennoy situatsii i perspektivy ee evolutsii [Finland in NATO. Genesis of the Current Situation and Prospects for its Evolution]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7. P. 134–144. DOI: 10.31857/S0201708324070118

Murphy S. (2021). Friends with Benefits? NATO and the European Neutral/Non-aligned States. In: A.M. Brady, B. Thorhallsson (eds) *Small States and the New Security Environment. The World of Small States*. Vol. 7. Cham: Springer. P. 153–171. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51529-4_11

Neumann I.B., Heikka H. (2005). Grand Strategy, Strategic Culture, Practice: The Social Roots of Nordic Defence. *Cooperation and Conflict*. Vol. 40. No. 1. P. 5–23. DOI: 10.1177/0010836705049731

Palosaari T. (2013). Neither neutral nor non-aligned: The Europeanization of Finland's foreign and security policy. *Finnish Foreign Policy Papers*. No. 3. 32 p.

Palosaari T. (2013). Still a Physician rather than a Judge? The Post-Cold War Foreign and Security Policy of Finland. *Swiss Political Science Review*. Vol. 19. No. 3. P. 357–375. <https://doi.org/10.1111/spsr.12041>

Plevako N.S. (2022). Shvedskiy i finskiy neytralitet. V proshlom? [Swedish and Finnish neutrality. In the past?]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. No. 2. P. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran220222431

Pykkönen J. (2016). *Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation?* Helsinki: Finnish Institute of International Affairs. 138 p.

Rolf J.N. (2021). Strategic culture and small states: From norm breakers to norm takers to norm shapers. In: T. Weiss, G. Edwards (eds) *Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking*. London; New York: Routledge. P. 41–59. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>

Romanov D. G. (2020). Politika Finlyandii v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii pri prezidente M. Akhtisaari (1994–2000): popytka kognitivnogo analiza [Finland's Policy towards the Russian Federation under M. Ahtisaari (1994–2000): A Cognitive Approach]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 12. No. 4. P. 171–200. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-171-200>

Rothstein R.L. (1968). *Alliances and Small Powers*. New York: Colombia University Press. 331 p.

Salminen M., Moshes A. (2009). *Practice What You Preach: The Prospects for Visa Freedom in Russia–EU Relations*. FIIA Report. No. 18. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs. 61 p.

Särkkä I. (2019). *Nato-retoriikka Suomen turvallisuuspoliittisessa keskustelussa*. Helsinki: University of Helsinki. 298 p.

Smith H. (2018). EU-medlem och Rysslands granne: En analys av Finlands strategiska kultur. *Nordisk Østforum*. Vol. 32. P. 87–103. DOI: 10.23865/noros.v32.1252

Tillotson H.M. (1996). *Finland at peace and war: 1918–1993*. Wilby, Norwich: Michael Russell. 354 p.

Vasina A.V. (2022). Transformatsiya politiki neytraliteta Shvetsii i Finlyandii v 1945–1991 gg. [Transformation of the Policy of Neutrality in Finland and Sweden in 1945–1991]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 3. P. 147–156. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-147-156.

Voronov K. V. (2018). Severnyy neytralizm: istoricheskiy final ili transformatsiya? [Nordic neutralism in the XXI century: Historical Finale or a New Transformation?]. *Sovremennaya Evropa*. No. 1. P. 80–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>

Vorotnikov V.V. (2021). Natsional'nyy istoricheskiy mif kak element strategicheskikh kul'tur gosudarstv Baltii: na primere tematiki pochtovykh marok [National Historical Myth as an Element of the Baltic States' Strategic Cultures: Examining Postage Stamps]. *Istoriya*. Vol. 12. No. 7(105). DOI: 10.18254/S207987840016559-3

Willis J. (2021). Breaking the paradigm(s): A review of the three waves of international relations small state literature. *Pacific Dynamics: Journal of Interdisciplinary Research*. Vol 5. No. 1. P. 18–32. DOI : <http://dx.doi.org/10.26021/10639>

Wood D. P. J. (1967). The Smaller Territories: Some Political Considerations. In: B. Benedict (Ed.) *Problems of Smaller Territories*. London: The Athlone Press–University of London. P. 23–35.

Zelenava I. V., Burukhina Ye. N. (2018). Evolyutsiya politiki bezopasnosti Finlyandii i NATO [Evolution of Finland's and Nato's Security Policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. No. 434. P. 119–124. DOI: 10.17223/15617793/434/15

РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫЕ МЕТАЛЛЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

ЕКАТЕРИНА ЧИМИРИС

Институт Европы РАН, Москва, Россия

АННА КРУПИНА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Институт развития интеграционных процессов ВАВТ, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу стратегий стран Центральной Азии в условиях растущего международного интереса к запасам редкоземельных металлов (РЗМ). Актуальность темы определяется обострением глобальной конкуренции за доступ к критически важным минеральным ресурсам на фоне монопольного положения Китая на рынке РЗМ и усилий США и Евросоюза по диверсификации источников поставок. В то время как Пекин сохраняет контроль над объёмами добычи РЗМ, увеличивая квоты на их производство, государства-члены ЕС стремятся сократить зависимость от китайских поставок, инвестируя в разработку альтернативных месторождений, в том числе в Центральной Азии. Цель исследования – выявить особенности внешнеэкономических стратегий Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, а также оценить субъектность этих стран в условиях конкуренции между ведущими мировыми игроками на рынке РЗМ. Научная новизна заключается в определении и классификации основных стратегий стран Центральной Азии в отношении развития отрасли добычи и переработки РЗМ. Авторы обозначили указанные стратегии: «Равновесие между центрами силы» – Казахстан, Узбекистан; «Открытая шахта для инвесторов» – Киргизия; «Развитие в рамках региона» – Таджикистан. Различие рассмотренных стратегий указывает на отсутствие согласованной региональной политики этих стран в отношении критически важных природных ископаемых. К тому же на современном этапе формируются предпосылки для развития конкуренции и столкновения интересов крупных игроков в регионе за ключевые ресурсы. При этом могут использоваться различные механизмы: внедрение ограничивающих условий («зеленый переход», устойчивое развитие) в соглашения, манипуляции с квотами на добычу, политическое давление. При отсутствии координации между странами Центральной Азии, а также участия региональных интеграционных проектов, усиливается сырьевая зависимость и возрастает риск политico-экономической уязвимости региона.

Ключевые слова:

редкоземельные металлы; Центральная Азия; Европейский Союз; США; Китай

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2025

Дата принятия к публикации: 22.07.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: chimiris@gmail.com

Введение

Исследование глобального рынка редкоземельных металлов (РЗМ) приобретает особую актуальность, в частности, в связи заключением 30 апреля 2025 г. сделки между США и Украиной в отношении полезных ископаемых, в том числе РЗМ¹. Учитывая достаточно слабую позицию Киева, американская сторона, очевидно, смогла «заполучить» доступ к ним на наиболее выгодных для себя условиях. Заинтересованность Вашингтона объясняется в первую очередь тем обстоятельством, что именно редкоземельные металлы становятся ещё одним элементом экономического соперничества между Соединёнными Штатами и Китаем. Последний контролирует большую часть мирового рынка редкоземельных металлов (порядка 80%) и способен оказывать влияние на цепочки создания стоимости товаров, произведённых передовыми американскими компаниями (например, *Apple*, *General Motors*, *Tesla*) [Арапова 2022: 108]. На фоне разворачивающегося конфликта между США и КНР по поводу РЗМ² Европейский союз оказывается в сложной ситуации ввиду необходимости получения доступа к редкоземельным металлам для развития собственных производств, в частности в рамках «зелёного перехода» и развития передовых технологий в области микроэлектроники [Телегина, Халова 2022]. В этой связи Брюссель активно развивает политику сотрудничества со странами Центральной Азии, которые богаты запасами РЗМ. Одновременно Китай стремится закрепить за собой ста-

тус ключевого актора в данном регионе [Соболева, Кривохиж 2020].

Основная цель статьи – проанализировать стратегии стран Центральной Азии на фоне растущего интереса ведущих мировых игроков к запасам редкоземельных металлов. Исследовательская проблема определяется необходимостью выявления и сопоставления внешнеэкономических стратегий государств региона, направленных на управление доступом к критически важным природным ресурсам.

Источниковой базой послужили несколько типов источников. *Во-первых*, статистические данные по запасам редкоземельных металлов. Отметим, что данные по запасам РЗМ в странах СНГ находятся в разрозненном виде, поэтому в некоторых случаях будут приведены несколько источников для оценки запасов РЗМ в России [Vakulchuk, Overland 2021]. Данные по запасам редкоземельных металлов в мире собирают как национальные агентства: *Rare Earths Statistics and Information* от *National Minerals Information Center* регулярно предоставляет наиболее новые данные³, *World Mineral Production 2019–2023* предоставляют данные по добыче минеральных ископаемых⁴. Всероссийский НИИ минерального сырья им. Фёдорова (ВСЕГЕИ) помимо вторичных данных использует экспертизные оценки. Международные источники данных не дают разбивку по странам, только по типам добываемого сырья, а также делают акцент на климатической повестке и возобновляемых источниках энергии (Всемирный банк⁵,

¹ Treasury Announces Agreement to Establish United States-Ukraine Reconstruction Investment Fund // US Department of the Treasury. 2025. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sb0126> (accessed: 02.09.2025).

² Конфликт между США и Китаем в сфере редкоземельных металлов проявляется через использование торговых барьеров и экспортных ограничений. Китай ужесточает контроль над поставками РЗМ, что негативно отражается на ключевых секторах экономики США, включая оборонную промышленность. Соединённые Штаты, в свою очередь, проводят политику повышения тарифов на импорт из Китая и вводят ограничения на экспорт в КНР передовых технологий и оборудования.

³ URL: <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/rare-earths-statistics-and-information> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴ <https://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/world-mineral-statistics/> (дата обращения: 09.09.2025).

⁵ Minerals for Climate Action: The Mineral Intensity of the Clean Energy Transition. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4dd08d0c-ab51-4955-a464-35a95201a5eb> (дата обращения: 09.09.2025).

ОЭСР⁶). В этой связи в рамках данной работы мы будем опираться на данные национальных агентств, учитывая тот факт, что отдельные показатели разнятся и агентства регулярно пересматривают свои прогнозы относительно запасов РЗМ в отдельных странах.

Во-вторых, систематизирована информация из СМИ, аналитических докладов и иных открытых источников. Отметим, что подавляющая часть соглашений стран ЦА с внешними партнерами отсутствуют в открытом доступе, в этом случае авторы статьи обращались к официальным информационным ресурсам.

Методология сравнительного анализа, применяемая в данном исследовании, строится на выявлении и сопоставлении векторов внешней политики стран ЦА в области сотрудничества по РЗМ. В качестве теоретической основы взяты подходы к типологизации стран согласно процессу принятия решений в области внешней политики [Цыганков 2022], а также основных подходов к определению внешнеполитических стратегий [Вавилов 2024]. В настоящем анализе мы сознательно не используем концепт «многовекторности» как чрезмерно широкий и аналитически неопределённый [Чуфрин 2018]. Он может потенциально включать разнообразные подходы к выстраиванию внешней политики. Различия в экономическом и политическом потенциале, разведенных и потенциально доступных запасов РЗМ – все эти факторы накладывают отпечаток на формирование внешнеполитических стратегий стран ЦА, которые стали привлекать внимание внешних игроков в качестве потенциальной «ресурсной базы» для развития новых отраслей и производств. Также уточним, что в статье речь идет о стратегиях в отношении конкретной перспективной отрасли, а не о всеобъемлющих внешнеполитических стратегиях государств ЦА. Выявление и типология

стратегий выполнялись авторами на основе реальных внешнеполитических действий стран ЦА в отношении РЗМ (а именно: заключенных меморандумов и соглашений), а не на основе официально заявленных стратегических планов.

Статья направлена на разрешение следующих исследовательских вопросов. Как формируется переговорная позиция и архитектура соглашений по инвестициям в добычу РЗМ на территории стран Центральной Азии? Какие стратегические подходы применяют государства региона для получения максимальных выгод от своих природных ресурсов? Какие риски несёт складывающаяся модель внешнеэкономического взаимодействия с США, ЕС и Китаем для долгосрочной экономической и политической устойчивости стран Центральной Азии, включая перспективы евразийской интеграции? Статья включает в себя несколько основных разделов: обзор научно-исследовательской литературы по рассматриваемой проблематике, обзор текущего состояния отрасли по добыче РЗМ в мире, обзор состояния отрасли в странах Центральной Азии, а также дискуссионный раздел с анализом стратегий стран ЦА в отношении международного сотрудничества в области добычи РЗМ.

Значение РЗМ в научно-исследовательской литературе

Научную литературу по теме редкоземельных металлов можно разделить на несколько основных групп. В исследованиях общего характера в основном делается акцент на глобальных аспектах функционирования рынка РЗМ и стратегиях ведущих мировых игроков [Nuttall 2021; Maponga, Nsakaza 2025; Ю 2024], влияния РЗМ на формирование глобальных цепочек создания стоимости [Самсонов 2018]. В то же время детальный анализ взаимодействия стран Центральной Азии и Евро-

⁶ Reducing the health risks of the copper, rare earth and cobalt industries. https://www.oecd.org/en/publications/reducing-the-health-risks-of-the-copper-rare-earth-and-cobalt-industries_88ce1db4-en.html (дата обращения: 09.09.2025).

пейского союза в данной сфере находится лишь на начальном этапе развития [Vakulchuk, Overland 2021].

Одна из групп исследований сосредоточена на глобальной роли РЗМ в мировой экономике с особым акцентом на доминировании Китая на рынке и использовании РЗМ в качестве инструмента стратегического давления на другие страны [Kaltantzakos 2018; Wang et al 2015; Мастепанов, Томберг 2018]. В условиях нарастающей международной конкуренции цены на редкоземельные металлы сохраняют тенденцию к росту.

Второй блок литературы посвящён борьбе за контроль над РЗМ, где рассматривается влияние политической и экономической конкуренции между США, ЕС и Китаем. Внимание уделяется внешнеэкономическим стратегиям, направленным на обеспечение доступа к критически важным ресурсам, в том числе через инвестиции и дипломатические отношения с развивающимися странами, обладающими запасами РЗМ [Fan, Omura, Roca 2023; Pitron 2022; Жильцов 2024 (b)].

В отдельную группу собраны труды относительно позиций стран Центральной Азии, рассматривающих РЗМ как важный ресурс для привлечения внешних инвестиций и укрепления своего положения на международной арене [Жильцов 2024(a); Газетов 2025; Горяинова 2024]. В 2020-х годах Центральная Азия приобретает всё большую значимость как энергетический партнёр Европейского союза: в рамках совместной «дорожной карты» по углублению сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии⁷, помимо развития политического диалога, экономического развития и инвестиций, включает в себя пункты, касающиеся энергетики и сотрудничества по вопросам редкоземельных металлов. В 2025 г. ЕС и страны Цен-

тральной Азии выпустили совместную декларацию о критически важных ресурсах, в которой обозначили цели по удержанию мира и безопасности в регионе для обеспечения стабильности добычи и поставок сырья, а также обозначили рамки двустороннего и многостороннего сотрудничества в области логистики, инфраструктуры и т.п.⁸

Необходимо выделить блок публикаций, посвященных экономической стратегии Европейского союза. В рамках данного направления исследований авторы рассматривают подходы к формированию экономического содержания стратегической автономии Европейского союза [Сидорова, Сидоров 2023]. Во многом достижение автономии связано с доступом к энергетическим ресурсам [Котов 2024; Кавешников 2015; Мургаш 2018], необходимым полезным ископаемым, устойчивости глобальных цепочек создания стоимости, в том числе в связи с геополитическими изменениями в мире [Гриняев 2025: 83]. Детальный анализ регулярно обновляемых списков критически важного сырья ЕС показывает, что ЕС зависит от поставщиков со всего мира. При этом в прогнозах отмечается, что потребность в РЗМ со стороны объединенной Европы может возрасти в десять раз к 2050 году [Кондратьев 2022: 98]. Обеспечение ЕС критически важным сырьем связано с серией специальных инструментов, включающих торговые и стратегические соглашения, партнерства и продвижение европейских стандартов в мире [Попова 2025]. Развитие отношений со странами Центральной Азии логично вытекает из стратегии ЕС по диверсификации поставок критически важных ресурсов, в том числе РЗМ [Белов 2020].

В существующих исследованиях остаются пробелы. Например, значительное внимание уделяется анализу стратегических

⁷ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia. Luxembourg, 23 October 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/Joint%20Roadmap%20for%20Deepening%20Ties%20between%20the%20EU%20and%20Central%20Asia_en.pdf (дата обращения: 08.09.2025).

⁸ Joint Declaration following the First European Union-Central Asia Summit. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hr/statement_25_980 (дата обращения: 09.09.2025).

интересов и геоэкономической конкуренции внешних субъектов — прежде всего стран Запада и Китая — в отношении Центральной Азии. При этом недостаточно рассмотрены позиции самих стран региона как самостоятельных участников международного взаимодействия. Обладание запасами редкоземельных металлов потенциально позволяет этим государствам формировать собственные внешнеэкономические стратегии, включая возможность предоставления или ограничения доступа к разработке и экспорту РЗМ.

В этом контексте научная новизна представленного исследования заключается в переходе от глобального уровня анализа к рассмотрению региональной конфигурации интересов с акцентом на субъектность центральноазиатских государств. В работе предлагается системный и сравнительный анализ политики Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в отношении международного сотрудничества в сфере РЗМ, а также особенностей их стратегий и подходов. Тем самым страны региона рассматриваются не как объекты конкуренции внешних сил, а как самостоятельные игроки, выстраивающие внешнеполитические приоритеты в условиях глобального спроса на критически важные ресурсы.

Обзор текущего состояния отрасли добычи РЗМ

Согласно исследованию «Развитие отдельных высокотехнологичных направлений. Белая книга», подготовленному Высшей школой экономики, редкоземельные металлы (РЗМ)⁹ — это индивидуальные редкоземельные химические элементы с низким содержанием примесей в метал-

лической форме или в виде оксидов¹⁰. Объем рынка РЗМ в 2024 г. был оценён в 3,95 млрд долл. США; по прогнозам, в 2025 году его объём составит 4,15 млрд долл. США, а к 2030 году достигнет 6,28 млрд долл., демонстрируя среднегодовой темп роста на уровне 8,6% в период с 2025 по 2030 годы¹¹.

По мере научно-технологического прогресса мировой спрос на РЗМ продолжает увеличиваться. Особенно актуальным становится вопрос о возможных сценариях такого роста, а также о достаточности существующей редкоземельной продукции для удовлетворения нужд международного рынка. Ключевыми факторами, способствующими расширению рынка РЗМ, являются технологические потребности промышленности и процессы, связанные с переходом к экологически устойчивой экономике. Высокотехнологичные компании, занимающиеся производством таких изделий, как смартфоны, компьютеры, микрочипы и электромобили, предъявляют высокий спрос на редкоземельные элементы. Дополнительный импульс развитию данного сегмента придаёт переход к энергосберегающим технологиям, включая производство солнечных батарей и ветряных турбин. Важную роль играют и стратегические интересы в оборонной сфере, поскольку РЗМ необходимы для создания военного оборудования, включая радары, авиационные двигатели и системы наведения. Кроме того, значительное влияние на спрос оказывает развитие инфраструктуры в странах с развивающейся экономикой, где редкоземельные металлы используются в различных отраслях промышленности [Zhou B., Li Z., Chen C. 2017; Zhang 2022].

⁹ 15 лантаноидов (с атомными номерами от 57 до 71 в периодической системе: лантан, церий, празеодим, неодим, прометий, самарий, европий, гадолиний, тербий, диспрозий, голмий, эрбий, тулий, иттербий, лютесций), а также скандий и иттрий.

¹⁰ «Белая книга» высоких технологий в России и зарубежом // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2022. URL: https://rm-rzm.ru/images/belyaia_kniga_2022.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

¹¹ Rare Earth Elements Market Size, Share & Trends Analysis Report // Grand View Research. 2025. URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/rare-earth-elements-market> (accessed: 02.09.2025).

Рост спроса на РЗМ также связан с «зелёным переходом» Европейского союза. Согласно «Зелёному пакту для Европы» 2019 года, ЕС планирует уменьшить на 55% выбросы парниковых газов к 2030 году, а к 2050 г. – достичь нулевого уровня выбросов¹². Необходимость реализации «зелёного перехода» также зафиксирована в Законе о важнейших видах сырья от 23 мая 2024 года¹³. В документе отмечается необходимость создания общей структуры Союза, которая обеспечит доступ к надежным и устойчивым поставкам критически важного сырья; создание Европейского совета по критически важным сырьевым материалам и определение контрольных показателей для стабильных поставок материалов¹⁴. Основными потребителями такого сырья, в том числе РЗМ, выступают ведущие европейские промышленные концерны, такие как *Volkswagen*¹⁵, *Stellantis*¹⁶ и *Airbus*¹⁷.

Для энергетического перехода необходима добыча лития, который является ключевым компонентом литий-ионных акку-

муляторов, широко используемых в электромобилях и системах хранения энергии¹⁸. Евросоюз стремится диверсифицировать источники поставок лития, заключая соглашения с различными странами. Например, в феврале 2025 г. вступило в силу торговое соглашение с Чили, направленное на обеспечение стабильных поставок в том числе и этого металла¹⁹. Внутри Европы также предпринимаются усилия по его добыче. В июле 2024 г. ЕС подписал с Сербией меморандум о взаимопонимании в области критически важных ресурсов, в том числе РЗМ²⁰. Основным проектом в рамках этого соглашения должна стать добыча лития в долине Ядар, что вызвало неоднозначную реакцию в сербском обществе, проект пока далек от начала реализации²¹.

РЗМ являются трудноизвлекаемыми полезными ископаемыми, добыча которых сопряжена со значительными технологическими, финансовыми и экологическими затратами, что требует инвестиций в разведку месторождений и разработку эффективных методов их извлечения. Государ-

¹² The European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed: 17.03.2025).

¹³ Critical Raw Materials Act // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/sectors/raw-materials/areas-specific-interest/critical-raw-materials/critical-raw-materials-act_en (accessed: 17.03.2025).

¹⁴ См. там же.

¹⁵ Volkswagen Group: Fourth Responsible Raw Materials Report // Volkswagen Group. 2024. URL: <https://www.volkswagen-group.com/en/press-releases/volkswagen-group-fourth-responsible-raw-materials-report-published-18393> (accessed: 02.09.2025).

¹⁶ Vigilance Plan 2023 // Stellantis. 2023. URL: <https://www.stellantis.com/content/dam/stellantis-corporate/sustainability/csr-disclosure/stellantis/2023/Stellantis-2023-Vigilance-Plan-EN.pdf> (accessed: 02.09.2025).

¹⁷ Airbus calls for a metals stockpile policy in EU // Argus Media. 2022. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news-and-insights/latest-market-news/2334654-airbus-calls-for-a-metals-stockpile-policy-in-eu> (accessed: 02.09.2025).

¹⁸ How Lithium Is Powering the Renewable Energy Revolution // Lithium Harvest. 2025. URL: <https://lithiumharvest.com/knowledge/green-energy-transition/how-lithium-is-powering-the-renewable-energy-revolution> (accessed: 02.09.2025).

¹⁹ Interim Agreement on Trade between the European Union and the Republic of Chile. URL: <https://circabc.europa.eu/ui/group/09242a36-a438-40fd-a7af-fe32e36cbd0e/library/7668ad45-b14f-4ef6-823d-8899fbac72d2/details?download=true> (дата обращения: 09.09.2025).

²⁰ Memorandum of understanding Between the European Union and the republic of Serbia of a strategic partnership on sustainable raw materials, battery value chains and electric vehicles with signatures. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/document/6fe0e605-9299-45c3-b846-2efb85585251_en (accessed: 02.09.2025).

²¹ The EU's Raw Materials Diplomacy: Serbia as a Test Case. SWP. 12.03.2025. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/the-eus-raw-materials-diplomacy-serbia-as-a-test-case> (дата обращения: 09.09.2025).

ства, обладающие значительными запасами редкоземельных металлов, включая Китай, Латинскую Америку и Центральную Азию, имеют возможность формировать собственную политику в сфере добычи и экспорта ресурсов, в том числе посредством установления квот, влияющих на мировую рыночную конъюнктуру.

КНР фактически является монополистом, контролируя большую долю рынка редкоземельных металлов. Два—три раза в год правительство Китая устанавливает квоты на добычу и производство РЗМ²², при этом в последнее время Пекин стабильно их увеличивает. В 2023 г. объём выпущенных квот составил 255 000 тонн, в 2024 г. — 270 000 тонн²³. Таким образом Китай стремится контролировать добычу ресурсов, критически важных для развития высокотехнологичных и цифровых производств. Лидерство страны в производстве и переработке РЗМ вызывает обеспокоенность у западных стран²⁴.

В условиях конкуренции США стремятся увеличить добычу и переработку РЗМ на своей территории. В 2020 г. они инвестировали 29 млн долларов в техасскую компанию *Urban Mining Company*²⁵, которая занимается производством редкоземельных магнитов из электронных отходов. Кроме того, возобновило свою деятельность месторождение *Mountain Pass* в Калифорнии.

Добыча РЗМ в 2020 г. на этом месторождении составила 38 тыс. тонн, что соответствует 16% мировой добычи. Доказанные и прогнозируемые ресурсы месторождения оцениваются некоторыми экспертами в 18,4 млн тонн²⁶.

Одновременно Соединённые Штаты располагают значительными ресурсами лития и предпринимают меры по их освоению. К примеру, в октябре 2024 г. в Неваде была одобрена разработка крупного литиевого месторождения, несмотря на протесты со стороны экологов²⁷. Согласно данным Геологической службы США, на территории Арканзаса выявлены запасы лития, потенциально достаточные для покрытия глобального спроса на аккумуляторы для электромобилей. По предварительным оценкам, в юго-западной части штата может содержаться от 5 до 19 млн тонн этого металла²⁸.

Помимо освоения собственных ресурсов, в феврале 2025 г. президент США Дональд Трамп выразил заинтересованность в приобретении украинских редкоземельных металлов в обмен на финансовую помощь Вашингтона, предложив Киеву сделку объёмом в 500 млрд долларов, предусматривающую доступ к 50% доходов от запасов природных ресурсов страны. В январе 2025 г. американская сторона заявила о возможности присоединения

²² China issues first batch of rare earths quotas for 2024 // Fastmarkets. 07.02.2024. URL: <https://www.fastmarkets.com/insights/china-issues-first-batch-of-rare-earths-quotas-for-2024> (accessed: 18.03.2025).

²³ Rare-earth mining output quotas hit new high // Global Times. 21.08.2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202408/1318443.shtml#:~:text=Two%20Chinese%20ministries%20on%20Tuesday,yearly%20total%20reaching%20255%20000%20tons> (accessed: 18.03.2025).

²⁴ Western nations join forces to break China's grip on critical minerals // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com/content/2984ae03-df15-420b-89cc-9ad8337014a9> (accessed: 19.03.2025).

²⁵ «Белая книга» высоких технологий в России и зарубежом. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2022. URL: https://rm-rzm.ru/images/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

²⁶ Mountain Pass: America's Once and Future Rare Earth King // Geology for Investors. 01.02.2023. URL: <https://www.geologyforinvestors.com/mountain-pass-americas-once-and-future-rare-earth-king/> (accessed: 19.03.2025).

²⁷ U.S. approves massive lithium mine in Nevada, overriding protests // The Washington Post. 24.10.2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2024/10/24/lithium-mine-nevada-tiehms-buckwheat/> (accessed: 19.03.2025).

²⁸ Arkansas has enough lithium for the world's EVs — but getting to it is the problem // The verge. 22.10.2024. URL: <https://www.theverge.com/2024/10/22/24276615/ev-car-battery-lithium-reserves-arkansas> (accessed: 21.03.2025).

Гренландии, которая обладает запасами РЗМ в размере около 40 млн тонн. Однако это идея осталась заявлением политического характера, без реальной движущей силы.

Европейский союз также проявляет интерес к редкоземельным металлам Гренландии, что было закреплено подписанием Договора о стратегическом партнёрстве по устойчивым цепочкам формирования стоимости сырья в 2023 году²⁹. В том же году общий объём импорта редкоземельных элементов в ЕС составил 18 тыс. тонн на сумму 123,6 млн евро. Наибольшая доля импорта приходилась на Китай, который поставил 7 тыс. тонн, что эквивалентно 39% от общего объёма импорта³⁰.

Запасы редкоземельных металлов в России по разным данным оцениваются как значительные (табл. 1). Согласно данным Геологической службы США, в 2023 г. запасы РЗМ в Российской Федерации составляли 10 млн тонн, в 2024 году прогноз по запасам России с точки зрения США снизился до 3,5 млн тонн³¹. В то же время 2022 г. аналогичная оценка для России составляла 21 млн тонн³². Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья оценивает текущие запасы РЗМ в 28,7 млн тонн по данным на 2023 год³³. Отметим, что различия в прогнозах и оценках запасов РЗМ национальных агентств и ведомств связаны с раз-

личиями в методиках оценки (в США опираются на данные по доказанным запасам, а в России используют также прогнозную методику). Кроме того, оценки США могут не включать месторождения, в которых еще не наложен процесс разработки. Наконец, снижение оценок запасов России со стороны США может быть вызвано геополитическими причинами и стремлением снизить рейтинги России в качестве потенциального экспортёра РЗМ.

В России ведётся работа по освоению стратегических месторождений, содержащих редкоземельные металлы. Разработка ключевого Томторского месторождения предусмотрена Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года³⁴. В Стратегии развития Арктической зоны России до 2035 года³⁵ Томторское месторождение рассматривается как одно из крупнейших в мире по запасам редкоземельных металлов и ниобия, обеспечивающее ресурсную базу для высокотехнологичных отраслей. Его освоение предполагает создание современного горно-обогатительного комплекса в Республике Саха (Якутия) и развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры региона.

Таким образом, мировая отрасль редкоземельных металлов развивается под влиянием роста технологических потребно-

²⁹ EU and Greenland sign strategic partnership on sustainable raw materials value chains // European Commission. 30.11.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6166 (accessed: 21.03.2025).

³⁰ Trade in rare earth elements decreased in 2023 // Eurostat. 12.11.2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/wddn-20241112-1> (accessed: 21.03.2025).

³¹ Mineral Commodity Summaries 2025: Rare Earths // U.S. Geological Survey. 31.01.2025. URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2025/mcs2025-rare-earths.pdf> (accessed: 25.09.2025).

³² Ibid.

³³ Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2023 году. URL: <https://vims-geo.ru/media/documents/%D0%9A%D0%BD%D0%88%D0%B3%D0%BD%D0%93%D0%94-2023.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).

³⁴ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 21.03.2025). С. 27.

³⁵ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033?index=29> (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 1
Данные о добыче и запасах редкоземельных металлов по странам (2022–2024)

Страна	Добыча в 2022 г., тыс. тонн	Добыча в 2023 г., тыс. тонн	Добыча в 2024 г., тыс. тонн	Запасы, млн тонн
Китай	210	255	270	44 (164 млн тонн по оценке РФ)
Вьетнам	1,2	0,3	0,3	3,5
Бразилия	0,08	0,08	0,02	21
Россия	2,6	2,5	2,5	3,8 (28,7 млн тонн по оценке РФ)
Индия	2,9	2,9	2,9	6,9
Австралия	18	18	13	5,7 (28,8 млн тонн по оценке РФ)
США	42	41	45	1,9 (14 млн тонн, по оценке РФ)
Гренландия	–	–	–	1,5
Танзания	–	–	–	0,89
Канада	–	–	–	0,83
ЮАР	–	–	–	0,86
Таиланд	7,1	7,1	13	0,004
Мадагаскар	0,96	2,1	2	данные недоступны
Малайзия	0,08	0,3	0,13	данные недоступны
Мьянма	12	38	31	данные недоступны
Бирма	–	43	31	данные недоступны
Нигерия	–	7,2	13	данные недоступны

Примечание: в таблице указаны данные США, а также приведены данные России в случае расхождения).

Источники: Mineral Commodity Summaries 2025: Rare Earths // U.S. Geological Survey. 31.01.2025. URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2025/mcs2025-rare-earths.pdf> (accessed: 25.09.2025); Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2023 году. URL: <https://vims-geo.ru/media/documents/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%93%D0%94-2023.pdf> (дата обращения: 09.09.2025)

стей, «зелёного перехода» и стратегических интересов государств. Доминирование Китая усиливает зависимость рынка и побуждает США, ЕС и Россию к активизации политики по освоению собственных ресурсов и диверсификации поставок. Однако высокая капиталоёмкость, экологические ограничения и geopolитические факторы делают сектор уязвимым и требуют долгосрочных комплексных решений.

Редкоземельные металлы в Центральной Азии

В данном разделе представлен обзор открытых данных по запасам РЗМ в странах Центральной Азии, а также обозначе-

ны планы и стратегические договоренности стран региона с внешними партнерами. Приведенная систематизация фактов, собранных на основе открытых источников данных, призвана показать текущее состояние отрасли и межгосударственных отношений в этой области в регионе. Далее на основе обозначенных фактов будет проведен сравнительный анализ внешнеполитических и экономических стратегий стран Центральной Азии в отношении РЗМ.

Центральноазиатский регион обладает значительными запасами РЗМ, что обуславливает возрастающий интерес со стороны других государств, рассматривающих данные месторождения в качестве альтер-

нативы Китаю для снижения зависимости от его поставок. Согласно данным Геологической службы США, на территории стран Центральной Азии выявлено 384 месторождения, из которых 160 расположены в Казахстане, 75 – в Киргизии, 60 – в Таджикистане, 2 – в Туркмении и 87 – в Узбекистане³⁶.

Казахстан добывает 19 из 34 критически важных редкоземельных элементов³⁷. Особое внимание привлекает участок Куйректыколь, где запасы оцениваются примерно в 800 тыс. тонн, а предполагаемые ресурсы достигают 935,4 тыс. тонн, включая церий и лантаноиды. Геологоразведочные работы в этой области ведутся частными компаниями, такими как *HMS Bergbau* (зарегистрирована в Берлине) и *Cove Kaz Capital Group LLC* (часть международной инвестиционной группы *Cove Capital LLC*, зарегистрирована в США)³⁸. Последняя является владельцем казахстанской *KAZ Critical Minerals*³⁹. Многие казахстанские ресурсы отдаются под управление иностранных компаний, что, с одной стороны, привлекает внешние инвестиции в страну; с другой – увеличивает зависимость от иностранных инвесторов.

Вашингтон уже на протяжении нескольких лет активно развивает сотрудничество

во с Астаной в области редкоземельных металлов. В 2022 г. состоялось первое заседание Рабочей группы по торгово-экономическому взаимодействию между двумя странами, посвящённое вопросам освоения и добычи этих стратегически важных ресурсов⁴⁰. Следующим шагом стало подписание в 2023 г. меморандума, в котором Казахстан и США выразили намерение укреплять долгосрочное партнёрство в сфере геологоразведки⁴¹.

Великобритания также активно работает с Казахстаном. В апреле 2023 г. стороны подписали Меморандум о стратегическом партнёрстве в области минерального сырья⁴², заложив основу для взаимодействия в добыче и переработке критически важных полезных ископаемых. Затем последовало подписание в марте 2024 г. Дорожной карты⁴³, предоставляемой Соединённому Королевству права на разведку и добычу редкоземельных металлов на территории Казахстана.

Астана также расширяет сотрудничество в сфере РЗМ с Францией: стороны подписали 1 ноября 2023 г. декларацию о намерениях. Документ предусматривает развитие двустороннего сотрудничества в сфере стратегически значимых минеральных ресурсов, включая редкоземельные эле-

³⁶ Rare Earth Element Occurrence Database of the Tien Shan Region, Central Asia // Department of the Interior. 2024. URL: <https://catalog.data.gov/dataset/rare-earth-element-occurrence-database-of-the-tien-shan-region-central-asia> (accessed: 22.03.2025).

³⁷ Казахстан стремится занять позицию ведущего торгового хаба Евразии – Токаев // Sputnik Казахстан. 01.04.2025. URL: <https://ru.sputnik.kz/20250401/kazakhstan-stremitsya-zanyat-pozitsiyu-veduscheego-torgovogo-khaba-evrazii---tokaev-52118457.html> (дата обращения: 03.04.2025).

³⁸ В Казахстане обнаружили крупное месторождение редкоземельных металлов // Kyzylorda-news.kz. 03.12.2024. URL: <https://kyzylorda-news.kz/ru/obshchestvo/v-kazahstane-obnaruzhili-krupnoe-mestorozhdenie-redkzemelnyh-metallov-03-12-2024> (дата обращения: 22.03.2025).

³⁹ Контроль над ресурсами: геологоразведкой редких металлов в Казахстане займется США // Eurasia Today. 25.07.2024. URL: <https://eurasiatoday.ru/kontrol-nad-resursami-geologorazvedkoj-redkih-metallov-v-kazahstane-zajmetsya-ssha/> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Казахстан и США подписали меморандум в области геологического изучения недр // Казтаг. 01.03.2023. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/kazakhstan-i-ssha-podpisali-memorandum-v-oblasci-geologicheskogo-izucheniya-nedr> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴² Казахстан и Великобритания подписали меморандум о партнёрстве в области минерального сырья // Казтаг. 18.03.2023. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/kazakhstan-i-velikobritaniya-podpisali-memorandum-o-partnerstve-v-oblasci-mineralnogo-syrya> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴³ Казахстан предоставил право добычи своих редкоземельных металлов Великобритании // Eurasia Daily. 13.03.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/03/13/kazakhstan-predostavil-pravo-dobychi-svoih-redkzemelnyh-metallov-velikobritaniy> (дата обращения: 22.03.2025).

менты, титан, медь, магний и скандий⁴⁴. В продолжение указанных шагов 5 ноября 2024 г. Казахстан и Пятерая Республика подписали дорожную карту, направленную на обеспечение стабильных поставок критически важных ресурсов и материалов для нужд французской и европейской промышленности⁴⁵.

Политика Астаны фокусируется на привлечении иностранных инвестиций через предоставление доступа к собственным минерально-сырьевым ресурсам. Страна способна поставлять 19 элементов, включённых в перечень 50 критически важных минералов, составленный США, а также 21 минерал из списка 34 стратегически значимых ископаемых, утверждённого Европейским союзом⁴⁶.

Со стороны Брюсселя предпринимаются попытки наладить совместное освоение месторождений редкоземельных металлов со странами региона. В частности, на саммите «Центральная Азия – Европейский союз» 3–4 апреля 2025 г. председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен встретилась с президентом Казахстана Касымом-Жомартом Токаевым для обсуждения сотрудничества в сфере РЗМ⁴⁷. На мероприятии была выдвинута инициатива по созданию в Астане регионального центра по редкоземельным металлам,

в задачи которого входил бы сбор и обработка информации о месторождениях и возможностях их разработки⁴⁸.

Интерес к стратегически важным минеральным ресурсам в регионе проявляют не только западные страны, но и государства Азии. Например, Корейский институт геологических наук и минеральных ресурсов (*KIGAM*) в марте 2024 г. обнаружил литиевое месторождение в восточной части Казахстана. По оценкам специалистов, рыночная стоимость запасов лития может составить около 15,7 млрд долларов. Южнокорейская сторона выразила заинтересованность в разработке месторождения⁴⁹. В мае 2024 г. Казахстан и Сингапур договорились о сотрудничестве в сфере добычи и экспорта РЗМ⁵⁰.

На момент 2024 г. казахстанский экспорт РЗМ увеличился в четыре раза по сравнению с показателями 2020 года. В 2024 г. Казахстан стал членом Партнёрства по безопасности полезных ископаемых для более активного вовлечения в работу по обеспечению безопасности глобальной цепочки поставок критических минералов и металлов. Согласно Комплексному плану развития отрасли редких и редкоземельных металлов на 2024–2028 годы, инвестиции в отрасль РЗМ в Казахстане должны составить около 5,3 млрд долларов⁵¹.

⁴⁴ Казахстан и Франция подписали совместную Декларацию по стратегическим минералам // Sputnik Казахстан. 01.11.2023. URL: <https://ru.sputnik.kz/20231101/kazakhstan-i-frantsiya-podpisali-sovmestnyu-deklaratsiyu-po-strategicheskim-mineralam-39818647.html> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Редкие металлы Казахстана манят зарубежных инвесторов // Sputnik Казахстан. 12.03.2025. URL: <https://ru.sputnik.kz/20250312/redkie-metally-kazakhstana-manyat-zarubezhnykh-investorov-51568304.html> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴⁷ ЕС обсудил с Казахстаном месторождения редкоземельных металлов // Лента. Ру. 03.04.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/04/03/es-obsudil-s-kazahstanom-mestorozhdenie-redkozemelnyh-metallov/> (дата обращения: 07.04.2025).

⁴⁸ Токаев предложил создать в Астане исследовательский центр по редкоземельным металлам // Интерфакс. 04.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1018246> (дата обращения: 07.04.2025).

⁴⁹ Кореицы хотят добывать литий в ВКО, а что получит Казахстан? // Orda. 15.03.2024. URL: <https://orda.kz/korejcy-hotyat-dobyvat-litij-v-vko-a-ctho-poluchit-kazakhstan-383834/> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵⁰ Горнодобывающая отрасль Казахстана // AIFC. Июнь 2024. URL: https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/07/gornodobyyayushchaya-otrasl-kazahstana-eksportorientirovannye-metally-rus_compressed-1.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

⁵¹ Там же.

Киргизия также обладает значительными запасами редкоземельных и редких металлов. По данным Министерства природных ресурсов, экологии и технического надзора Киргизской Республики, на территории страны выявлено не менее 35 месторождений, расположенных в 15 районах. Наибольшее их количество сосредоточено в Таласском, Баткенском, Ак-Суйском, Жети-Огузском и Токтогульском районах⁵².

В целях эффективного использования минерально-сырьевой базы и привлечения инвестиций в горнодобывающий сектор руководство страны предпринимает шаги по развитию стратегически важных месторождений. В частности, указом⁵³ главы государства два месторождения – Кызыл-Омпол и Кутессай-II – были включены в перечень национальных экономических проектов в сфере недропользования. Месторождение Кутессай-II, расположенное в Кеминском районе, по официальным данным, содержит запасы руды в объёме 51,5 тыс. тонн с возможной корректировкой до 75 тыс. тонн после дополнительной разведки. В руде присутствуют такие элементы, как бериллий, молибден, свинец, висмут, а также оксиды РЗМ⁵⁴.

Китай в феврале 2025 г. завершил переговоры с Министерством природных ресурсов, экологии и технического надзора Киргизии. Результатом стало соглашение о разработке месторождения Кутессай китайской компанией (название не указывается).

Министр природных ресурсов, экологии и технического надзора Киргизии Медер Машиев подчеркнул, что у Киргизии недостаточно необходимых технологий для самостоятельной добычи всех ресурсов, тогда как КНР является мировым лидером в этой области⁵⁵.

Сингапурская компания *Neon Mining* в феврале 2021 г. заключила соглашение с канадской горнодобывающей компанией *Stans Energy Corp* с целью расширения сектора добычи редкоземельных минералов в Киргизии⁵⁶. В апреле 2024 г. Министерства иностранных дел Киргизии и Британии подписали программу сотрудничества на 2024–2026 годы, что открывает новые возможности для обмена опытом и привлечения инвестиций в отрасль⁵⁷.

В марте 2025 г. состоялась встреча Чрезвычайного и Полномочного Посла Киргизии Аиды Исмаиловой с исполнительным вице-президентом южнокорейской компании *SK Hynix* Джун Чоем. В ходе встречи обсуждались перспективы сотрудничества в области устойчивых цепочек поставок редкоземельных металлов, необходимых для производства полупроводников. Посол подчеркнула наличие значительных запасов редкоземельных металлов в стране и предложила рассмотреть совместную разработку и добычу этих ресурсов. Представители *SK Hynix* выразили заинтересованность в сотрудничестве, отметив стратегическую важность надёжных поставок

⁵² Карта месторождений редкоземельных и редких металлов Кыргызстана // *Tazabek*. 2024. URL: <https://www.tazabek.kg/news:2089987> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵³ Указ Президента Киргизской Республики от 22 января 2024 г. № УП 5 «О реализации Национального проекта по добыче полиметаллов и редкоземельных элементов для динамичного развития экономики Кыргызской Республики» // Министерство юстиции Киргизской Республики. URL: cbd.minjust.gov.kg/5-10529/edition/2108/ru (дата обращения 02.09.2025).

⁵⁴ Как разработка месторождений в Кыргызстане влияет на экономику страны // Российская газета. 04.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/04/novyj-favorit-kutessaj-ii.html> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵⁵ Китайская компания будет добывать в Кыргызстане редкоземельные металлы // 24.kg. 21.01.2025. URL: https://24.kg/vlast/317448_kitayskaya_kompaniya_budet_dobyivat_vnbspskyirgyizstane_redkzemelnyie_metally/ (дата обращения: 24.03.2025).

⁵⁶ Их импортозамещение: как Запад пытается потеснить Китай с рынка редких металлов // *Forbes*. 23.12.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/527545-ih-importozamesenie-kak-zapad-putaets-potesnit-kitaj-s-rynska-redkih-metallov> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵⁷ Киргизия и Великобритания подписали программу сотрудничества до 2026 года // Интерфакс. 23.04.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/957222> (дата обращения: 25.03.2025).

сырья для производства микрочипов⁵⁸. Аналитический центр Институт Лоуи обозначил, что Китай занимает лидирующие позиции в сфере разработки редкоземельных месторождений в Киргизии и Таджикистане, контролируя большинство участков добычи⁵⁹.

Основные запасы РЗМ **Таджикистана** сосредоточены в горных массивах Карамазор и Алтын-Топкан на юго-западных склонах Тянь-Шаня недалеко от границы с Узбекистаном. Особенность политики Душанбе заключается в стремлении наладить сотрудничество по РЗМ с государствами-соседями, а не только с внешними игроками. Примером тому служит подписание меморандума о взаимопонимании между компанией «Таджикские редкие металлы» («ТаджРедМет») и казахстанским национальным оператором «Казатомпром»⁶⁰. Этот документ, заключённый 22 августа 2024 г. в ходе официального визита президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в Таджикистан, заложил основы для расширения двустороннего взаимодействия в горнодобывающей отрасли. В рамках сотрудничества предусмотрены совместные проекты по разведке, добыче и переработке урана, редких и редкоземельных металлов, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), внедрение инновационных технологий, а также программы подготовки кадров⁶¹.

Российская сторона демонстрирует интерес к углублению взаимодействия с Таджикистаном в области добычи редкоземельных металлов. В марте 2025 г. состоялся официальный визит президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Москву, где обсуждались перспективы двустороннего сотрудничества в сфере энергетики, включая проекты по разработке месторождений редкоземельных металлов. Дополнительный импульс указанным процессам придало подписание соглашения о разграничении границы с Киргизией, что способствовало укреплению военно-политической стабильности в Центральноазиатском регионе⁶².

В **Узбекистане** редкоземельные металлы найдены в районах Алмалыка, Айтами и Хандизы. Месторождения меди, молибдена, рения, селена и теллура расположены в этих же районах, а также в Бабайтаге. Графит обнаружен в месторождениях Тасказган и Айтим, кварц – в районах Акбуира и Ташбулак. Кадмий и селен сосредоточены на месторождении Учкулач, а на месторождениях Дауташ и Тахтакарача встречается марганец⁶³. Для их разработки страна также привлекает зарубежные инвестиции.

Одним из ключевых партнёров Ташкента в области РЗМ является Республика Корея. При поддержке ведущих южнокорейских исследовательских институтов на базе бывшего Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов был создан Центр

⁵⁸ Кыргызстан обсуждает поставки редкоземельных металлов для производства чипов // Caravan info. 15.03.2025. URL: <https://caravan-info.pro/kyrgyzstan-obsuzhaet-postavki-redkozemelnyh-metallov-dlya-proizvodstva-chipov/> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵⁹ США и ЕС нацелились на редкоземельные ресурсы Центральной Азии // Eurasianet. 15.03.2025. URL: <https://russian.eurasianet.org/usa-i-es-naцелились-на-редкоземельные-ресурсы-центральной-азии> (дата обращения: 25.03.2025).

⁶⁰ Церемония подписания новых документов о сотрудничестве между Таджикистаном и Казахстаном // Президент Республики Таджикистан. 2024. URL: <https://www.president.tj/event/news/46940> (дата обращения 02.09.2025).

⁶¹ Казахстан будет помогать Таджикистану добывать уран и редкоземельные металлы // Eurasia Today. 28.08.2024. URL: <https://eurasiatoday.ru/kazakhstan-budet-pomogat-tadzhikistanu-dobyvat-uran-i-redkozemelnye-metally/> (дата обращения: 26.03.2025).

⁶² Россия предлагает Таджикистану инвестпроекты в энергетике и добыче редкоземельных металлов // Независимая газета. 16.03.2025. URL: https://www.ng.ru/cis/2025-03-16/5_9213_russia.html (дата обращения: 28.03.2025).

⁶³ Узбекистан раскрывает потенциал редкоземельных металлов для зеленой экономики // Министерство высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан. 18.03.2025. URL: <https://gov.uz/ru/edu/news/view/40980> (дата обращения: 28.03.2025).

по изучению редкоземельных металлов⁶⁴. Данный центр представляет собой важную площадку для обмена знаниями и передовыми технологиями. В декабре 2024 г. состоялась встреча председателя правления АО «Узбекский комбинат технологических металлов» Фархада Абдуллаева с послом Республики Корея в Узбекистане Вон Доёном, в ходе которой обсуждались перспективы реализации совместных проектов в области редкоземельных металлов⁶⁵.

В апреле 2024 г. президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев поставил задачу разработать проекты на сумму 500 млн долларов в сфере РЗМ. Центральное место в данном процессе занимают международное сотрудничество и иностранные инвестиции в научные разработки. Важным шагом на этом пути стало заключение меморандумов о взаимопонимании с ЕС от 5 апреля 2024 г.⁶⁶ и США от 17 сентября 2024 г. в области критически важного сырья⁶⁷.

В феврале 2025 г. Узбекистан и Малайзия договорились об углублении сотрудничества в стратегически значимых отраслях, включая освоение и переработку критически важных минеральных ресурсов, а также развитие производственных мощностей в сфере микроэлектроники. В рамках подписанных соглашений с рядом ведущих малайзийских промышленных компаний

предусмотрена реализация совместных проектов по выпуску высокочистого моно-кристаллического и поликристаллического кремния, а также ультрачистого графита, находящего применение в полупроводниковой промышленности, ядерной энергетике и аэрокосмическом секторе. Кроме того, предусмотрено внедрение специализированной программы подготовки кадров, направленной на формирование профессиональных компетенций узбекских специалистов в области производства полупроводниковых материалов⁶⁸, что свидетельствует о стремлении сторон к созданию устойчивой научно-производственной базы и технологическому обмену.

В рамках презентации для президента Узбекистана Шавката Мирзиёева 7 марта 2025 г. были озвучены планы по реализации 76 проектов общей стоимостью 2,6 млрд долларов, охватывающих добычу и переработку 28 редких минералов⁶⁹. По состоянию на 2025 г. на территории Узбекистана выявлено более 30 видов металлов, но их разработку ранее было затруднительно проводить в связи с нехваткой инвестиций⁷⁰.

Таким образом, страны Центральной Азии усиливают роль в глобальной цепочке поставок РЗМ, сочетая привлечение инвестиций с развитием собственного потенциала. Такой подход формирует сложную структуру международных отношений, где

⁶⁴ В Узбекистане создан единственный в Центральной Азии Центр по изучению редкоземельных металлов // Podrobno.uz. 2019. URL: <https://podrobno.uz/cat/economic/v-uzbekistane-sozdan-edinstvennyy-v-tsentralnoy/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁶⁵ Узбекистан и Южная Корея договорились сотрудничать в сфере редких металлов // Хабар. 2024. URL: <https://xabar.uz/ru/iqtisodiyot/sotrudnichat-v-sfere-redkix-metallov> (дата обращения 03.09.2025).

⁶⁶ ЕС устанавливает стратегическое партнерство с Узбекистаном в области критического сырья // Делегация Европейского союза в Узбекистане. 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/eu-establishes-strategic-partnership-uzbekistan-critical-raw-materials_en?s=233 (дата обращения: 03.09.2025).

⁶⁷ Uzbekistan and USA sign memorandum of understanding in the field of minerals // The Governmental portal of the Republic of Uzbekistan. 2024. URL: <https://gov.uz/en/mingeo/news/view/21761> (дата обращения: 03.09.2025).

⁶⁸ Узбекистан договорился с Малайзией о проектах в сфере критически важных ресурсов // Газета.uz. 06.02.2025. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/02/06/critical-raw-materials/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁶⁹ Узбекистан активизирует добычу редких металлов // Eurasianet. 11.03.2025. URL: <https://russian.eurasianet.org/узбекистан-активизирует-добычу-редких-металлов> (дата обращения: 28.03.2025).

⁷⁰ См. там же.

ресурсы используются как инструмент внешнеполитического маневрирования и потенциального экономического роста. Это усиливает интерес к региону со стороны конкурирующих центров силы: стран Запада, Китая, Юго-Восточной Азии и России (в том числе в рамках евразийских интеграционных проектов).

Обсуждение

На основе рассмотренных соглашений и проектов авторы провели сравнительный анализ внешнеполитического курса стран Центральной Азии в отношении международного сотрудничества в области развития отрасли РЗМ, а также выделили их основные внешнеполитические стратегии в области РЗМ (см. табл. 2).

Для Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана сфера РЗМ и критически важных минеральных ресурсов представляет важный аспект их внешнеэкономической политики. Указанные государства показывают высокий интерес к привлечению иностранных инвестиций в данной области, поскольку зачастую своих технологий и имеющихся ресурсов не хватает для разработки месторождений.

Внешнеполитическая стратегия Казахстана в контексте РЗМ характеризуется наращиванием сотрудничества преимущественно с западными странами, при этом существуют договорённости в этой области и с восточными партнёрами, включая Китай, Республику Корею и Сингапур. Ориентацию Киргизии и Узбекистана можно назвать более сбалансированной: обе страны стремятся развивать отношения как с западными, так и с восточными странами. Хотя Ташкент подписал ряд Меморандумов о взаимопонимании с ЕС, США и с Британией в области критически важного сырья в 2024 году, соглашения о конкретных практических инициативах заключаются с восточными партнёрами (Республикой Корея, Малайзией). Киргизская сторона работает с частными компаниями Канады, Сингапура и Китая, а также поддерживает контакты с Лондоном в рамках программы сотрудничества. Казахстан

и Киргизия, будучи государствами-членами ЕАЭС, не так активно сотрудничают с остальными членами этого интеграционного объединения в области редкоземельных металлов. Узбекистан является государством-наблюдателем ЕАЭС и также не проявляет широкого интереса к сотрудничеству с членами ЕАЭС по линии РЗМ. В то же время Таджикистан, хотя и не входит в ЕАЭС, в своей политике учитывает региональное сотрудничество в рамках Союза, ориентируясь на партнёрство с соседними государствами, такими как Казахстан и Россия. Помимо этого, развиваются проекты при участии китайских компаний.

Между тем государства Центральной Азии демонстрируют и различия в определении приоритетных сфер сотрудничества в области РЗМ. Казахстан ориентирован на привлечение зарубежных партнёров с целью разведки месторождений и добычи материалов для как можно более широкого экспорта РЗМ. Таджикистан и Узбекистан, помимо добычи РЗМ, большое внимание уделяют привлечению зарубежных технологий и разработок наращиванию технологической базы и проведению НИОКР. Киргизия, несмотря на схожий фокус на разведку и добычу РЗМ, в меньшей степени акцентирует внимание на научные исследования.

Казахстан и Узбекистан заключили наибольшее количество меморандумов и дорожных карт с глобальными игроками на рынке РЗМ. Киргизия заключает преимущественно проектные соглашения на уровне компаний. Таджикистан в большей степени ориентирован на двусторонние межгосударственные соглашения или межкорпоративные партнёрства в рамках постсоветского пространства.

Типология внешнеполитических стратегий стран ЦА в отношении РЗМ формировалась на основе нескольких принципов: 1) выявлены основные векторы развития сотрудничества стран ЦА; 2) проведена оценка региональной структуры выявленных векторов: постсоветское пространство и евразийские интеграционные проекты, внешний контур стран Запад и/или Восто-

Таблица 2
Сравнение подходов стран Центральной Азии к сотрудничеству с внешними игроками в сфере РЗМ

Параметр	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
Количество месторождений/принятые решения	160	75	60	87
Подписанные соглашения/принятые решения	<ul style="list-style-type: none"> – Меморандум в области геологического изучения центр США (2023) – Меморандум о стратегическом партнерстве в области минерального сырья (2023), Дорожная карта (2024) – Декларация о намерениях по сотрудничеству в области стратегических минералов (2023), Дорожная карта по критически важным ресурсам и материалам (2024) с Францией 	<ul style="list-style-type: none"> – Соглашение между Сингапурской Neon Mining и канадской Stans Energy Сорт о добыче РЗМ в Киргизии (2021) – Программа сотрудничества на 2024–2026 годы (2024) – Соглашение о разработке месторождения Кутессай китайской компании для добычи РЗМ (2025) 	<ul style="list-style-type: none"> – Меморандум о взаимопонимании между казахстанской «ТалжРейМет» и казахстанским национальным оператором «Казатомпром» (2024) 	<ul style="list-style-type: none"> – Создан Центр по изучению редкоземельных металлов Республики Корея – Меморандум о взаимопонимании с ЕС, США и Великобританией в области критически важного сырья (2024). – Соглашения о совместных проектах в сфере критически важных минералов с Малайзией (2025)
Основные сферы сотрудничества	<ul style="list-style-type: none"> – Разведка и добыча РЗМ – Привлечение инвестиций – Экспорт РЗМ – Проведение НИОКР. 	<ul style="list-style-type: none"> – Разведка и добыча РЗМ – Привлечение инвестиций 	<ul style="list-style-type: none"> – Разведка и добыча РЗМ – Привлечение инвестиций – Проведение НИОКР 	<ul style="list-style-type: none"> – Добыча и переработка РЗМ – Проведение НИОКР
Ключевые партнёры	Великобритания, Германия, Республика Корея, Сингапур, США, Франция	Великобритания, Сингапур, Китай	Казахстан, Китай, Россия	Великобритания, ЕС, Малайзия, Республика Корея, США
Членство в ЕАЭС	да	да	нет	нет
Ориентация сотрудничества	Преимущественно западные страны, отдельные контакты с восточными странами	Сотрудничество с западными и восточными странами	Сотрудничество с государствами-членами ЕАЭС и Китаем	Сотрудничество с западными и восточными странами

Источник: составлено авторами на основе открытых источников.

ка; 3) проведено сравнение приоритетных форм деятельности в связи с РЗМ: разработка и добыча, переработка, научные исследования и т.п. Результатом анализа стало выявление нескольких стратегий:

1. «Равновесие между центрами силы» – Казахстан, Узбекистан.
2. «Открытая шахта для инвесторов» – Киргизия
3. «Развитие в рамках региона» – Таджикистан.

Стратегия Казахстана и Узбекистана во многом обусловлена тем, что страны являются наиболее сильными экономиками региона и могут позволить себе формировать системы сдержек и противовесов, подбирая наиболее выгодные партнерства в отношении собственных ресурсов. Киргизия, как одна из наиболее слабых и малых экономик региона в значительной мере нуждается в инвестициях, в том числе в области добычи РЗМ – именно этим обусловлен выбор указанной стратегии. Таджикистан, будучи достаточно закрытой страной в политической сфере, находится на начальных этапах развития полноценного международного сотрудничества, в связи с этим на первом этапе стремится укрепить свои позиции в регионе евразийской и постсоветской экономической интеграции.

Тексты подписанных государствами Центральной Азии соглашений и меморандумов, как правило, не публикуются в открытом доступе. Вместе с тем, согласно информации из официальных заявлений и СМИ, ключевым содержанием этих документов является привлечение иностранных инвестиций и технологий для разведки, добычи и переработки редкоземельных металлов. Отдельное внимание уделяется образовательным и кадровым инициативам, направленным на подготовку специалистов для развития отрасли.

Проведённый обзор заключенных соглашений и меморандумов свидетельствует о последовательном интересе внешних игроков к обеспечению доступа к стратегически важным ресурсам региона. При этом возникает ряд рисков для экономической и

политической устойчивости принимающих стран. В условиях слабых институтов регулирования и отсутствия прозрачных механизмов контроля существует высокая вероятность закрепления роли стран Центральной Азии исключительно как поставщиков сырья без участия в более доходных этапах переработки и коммерциализации. Если формы международного сотрудничества не предусматривают локализацию производства, трансфер технологий и участие национального капитала, то подобное положение усиливает зависимость от иностранных компаний и снижает долгосрочные выгоды для стран региона.

В отношении перспектив РЗМ для евразийской экономической интеграции отметим, что ЕАЭС на данном этапе ограничивается профильными конференциями и обсуждениями перспектив развития, без выработки общей позиции или стратегии. Отсутствует и общее видение развития отрасли на уровне региона Центральной Азии: каждая из стран формирует собственную повестку, политику и переговорную позицию. Данная ситуация формирует конкуренцию между ведущими экономическими мира, заинтересованными в получении редкоземельных элементов для собственной промышленности. В современных условиях существует риск закрепления зависимого статуса региона в глобальных цепочках поставок, где Центральная Азия выступает преимущественно в роли источника ресурсов, а не полноправного участника производственно-технологических экосистем. Ни одна из стран Центральной Азии на текущем этапе не располагает достаточным объёмом собственных ресурсов – технологических, экономических и кадровых – для полноценного развития отрасли редкоземельных металлов. Тем самым возникает устойчивая зависимость от внешней поддержки, что побуждает государства региона к активному привлечению иностранных инвесторов и партнеров по разработке месторождений.

Таким образом, можно сделать ряд выводов и прогнозов относительно развития ситуации с учетом выявленных стратеги-

гий стран региона. *Во-первых*, условия соглашений и меморандумов о взаимопонимании и стратегическом партнерстве могут накладывать определенные ограничения на дальнейшие решения стран в области развития добычи РЗМ. Большинство меморандумов носят «зонтичный» необязательный характер. При этом соглашения между странами ЦА и Европейским союзом закрепляют принципы прозрачности экспортных мер и недопущения торговых искажений, что фактически означает невозможность введения торговых ограничений в одностороннем порядке без процедуры обсуждений.

Во-вторых, ЕС и его государства-члены могут навязывать стандарты, связанные с «зеленым переходом» и устойчивым развитием, закрепленным в Регламенте ЕС о критически важных сырьевых материалах⁷¹. В частности, в документе обозначены требования к происхождению сырья: поставщики должны подтверждать соблюдение норм охраны окружающей среды, условий труда и прозрачности цепочек поставок. Также создан Европейский совет по критически важному сырью, который будет оценивать соответствие поставщиков «устойчивым» стандартам и разрабатывать контрольные показатели, тем самым ограничивая доступ нежелательных поставщиков.

В-третьих, отдельные соглашения содержат положения об обмене сырья на технологии и включение в глобальные цепочки создания стоимости. В частности, такое положение закреплено в Дорожной карте, подписанной Казахстаном и Британией. Такой сценарий развития может положительно сказаться на отрасли страны-донора природных ресурсов, так как страна-партнер будет обязана обеспечить трансфер технологий и локализацию производства. Однако при этом нужно учитывать риск наращивания политического давления со стороны стран Запада с тре-

бованиями проведения политических реформ и т.п.

В-четвертых, наибольшие риски связаны с ограничениями по квотам, которые может наложить Китай на экспорт РЗМ. Даже если добыча ведется в странах Центральной Азии, значительная часть контрактов отправляется в КНР для обогащения и последующего экспорта. Поэтому любое сокращение китайских квот или введение ограничений оказывает «цепной эффект» для производителей из Центральной Азии, которые зависят от китайских перерабатывающих мощностей и рынка сбыта. Именно поэтому страны региона стараются заключать меморандумы и «дорожные карты» с ЕС, США, Кореей и другими партнёрами: они ищут альтернативные каналы переработки и экспорта, чтобы снизить критическую зависимость от Китая.

Подобная конфигурация усиливает риск превращения Центральной Азии в арену геоэкономического соперничества, где интересы внешних субъектов могут вступать в прямое противоречие, а государства региона терять автономию в принятии стратегических решений. При этом более активное участие региональных интеграционных проектов – ЕАЭС, СНГ – в развитии отрасли РЗМ могло бы снизить возможные негативные эффекты от указанных рисков.

Страны Центральной Азии по-разному расставляют приоритеты, выбирая партнёров для сотрудничества по линии редкоземельных металлов, что обусловлено их внешнеполитическими и экономическими интересами, а также степенью развития необходимой для данной сферы инфраструктуры. Рассматриваемые государства диверсифицируют свои внешнеэкономические связи, но их ориентация на западных или восточных партнёров варьируется.

⁷¹ Critical Raw Materials Act. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/sectors/raw-materials/areas-specific-interest/critical-raw-materials/critical-raw-materials-act_en (дата обращения: 10.09.2025).

В рамках данной статьи был сделан обзор текущего положения мирового рынка редкоземельных элементов, а также показаны сложности, связанные с данными и прогнозами в этой области. В обще-мировой системе запасы РЗМ в странах Центральной Азии находятся на начальной стадии разведки и, в связи с этим, представляют интерес со стороны ЕС, США и отдельных стран Юго-Восточной Азии в контексте диверсификации поставок и противодействия практически монопольному положению Китая на этом рынке.

В рамках дискуссии были выделены три основные внешнеполитические стратегии стран Центральной Азии в отношении развития партнерств по вопросу добычи и переработки РЗМ: «Равновесие между центрами силы» – Казахстан, Узбекистан; «Открытая шахта для инвесторов» – Киргизия; «Развитие в рамках региона» – Таджикистан. Во многом выбор стратегии обусловлен текущим экономическим и политическим положением страны в регионе.

В выводах были показаны основные возможные последствия и риски, связанные с развитием сотрудничества в Центральной Азии по вопросу редкоземельных элементов. С одной стороны, они связаны с практически монопольным положением Китая, с другой – с условиями и ограничениями, которые накладывают на страны ЦА сотрудничество с ЕС и отдельными странами.

Дальнейшее продвижение исследования предполагает углублённый анализ того, как изменения в мировой политике и экономике влияют на выбор внешнеполитических и экономических партнёров странами региона, а также оценку долгосрочных эффектов диверсификации их внешнеэкономических связей. При этом особую значимость приобретает изучение роли инновационных технологий и межгосударственного научно-технического сотрудничества в укреплении конкурентных позиций Центральной Азии на глобальном рынке редкоземельных ресурсов.

Список литературы

Арапова Е.Я. Торговая война США и Китая: экономические и правовые эффекты // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. №1–2. С. 98–115. DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115

Белов В.Б. Обеспечение Евросоюза критически важными сырьевыми ресурсами // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. № 102. С. 49–54. DOI: 10.15211/eufacts420204954

Вавилов А.Н. Внешнеполитическая стратегия: основные подходы к определению понятия и его научный потенциал // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 6. С. 105–113. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-105-113. EDN: DXYUBT

Газетов В.И. Проникновение США и ЕС на рынки стратегического сырья Центральной Азии / В.И. Газетов, В.И. Хоменко // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2025. № 1(108). С. 34–46. EDN YTBSTT.

Горяинова Л.В. Глобальный рынок редкоземельных металлов: особенности, проблемы, место Центральной Азии // Экономика центральноазиатских республик в условиях глобализации и трансформации: Материалы международной научно-практической конференции, Фергана, 30 мая 2024 года. Фергана, 2024. С. 27–30. EDN SNLSSD

Гриняев С.Н. О текущей политике Европейского союза в отношении критически значимого сырья // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. Выпуск I. № 10. С. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics11020258287> EDN: <https://www.elibrary.ru/OWAXDO>

Жильцов С.С. Политика Великобритании в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. №. 2. С. 104–111. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111>

Жильцов С. С. Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. №. 1. С. 8–19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-8-19>

Кавешников Н. «Невозможная триада» энергобезопасности Европейского Союза // Международные процессы. 2015. № 13(4). С. 74–85. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.4.43.5>

Кондратьев В.Б. Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС // Горная промышленность. 2022;(4):94–102. <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2022-4-94-102>

Котов А.В. Обеспечение сырьевого суверенитета как проблемное поле экономической политики европейского союза // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. №4.

Мастепанов А., Томберг И. Китай диктует энергетическую политику XXI века. Международные процессы. 2018. № 16(3). С. 6–38. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.1>

Мургаш Р. Газовый рынок ЕС и отношения между Москвой и Брюсселем // Международные процессы. 2018. №16(3). С. 202–213. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.12>

Полова И.М. Инструменты политики ЕС для обеспечения интересов по поставкам критически важного сырья// Современная Европа, 2025, № 2, с. 164–174. DOI: 10.31857/S0201708325020147

Самсонов Н.Ю. Глобальные цепочки поставок редкоземельных и редких металлов как высокотехнологичного сырья в рамках международной кооперации // Пространственная экономика. 2018. №93. С. 43-66. DOI: 10.14530/se.2018.3.043-066

Сидорова Е., Сидоров А. Стратегическая автономия Европейского Союза в экономике: концепция и проблемы реализации // Международные процессы. 2023;21(3):119-142. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7>

Соболева Е., Кривохиж С. Лидерство в многополярном мире: политика Китая в Центральной Азии // Международные процессы. 2020. Т. 18. №1. С. 119–134. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.7

Телегина Е.А., Халова Г.О. Геоэкономические и геополитические вызовы энергетического перехода. Последствия для мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. №6. С. 26–34. DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-6-26-34

Цыганков П.А. Внешняя политика государства: особенности, процессы и факторы, влияющие на принятие решений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. №2. С. 7–29.

Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты. // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 9-22. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-1-9-22>

Fan J.H., Omura A., Roca E. Geopolitics and rare earth metals // European Journal of Political Economy. 2023. Vol. 78. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102356

Kalantzakos S. China and the geopolitics of rare earths. Oxford: Oxford University Press, 2018. 235 p.

Maponga O., Nsakaza K. Sustainable exploitation of rare earth minerals in Southern Africa: Exploring the linkages // The Extractive Industries and Society. 2025. Vol. 24. DOI: 10.1016/j.exis.2025.101754.

Nuttall M. Greenland and the geopolitics of critical minerals // One Earth. 2021. Vol. 4. Issue 12. P. 1674–1675, DOI: 10.1016/j.oneear.2021.12.001.

Pitron G. The geopolitics of the rare-metals race // The Washington Quarterly. 2022. Vol. 45. No. 1. P. 135–150. DOI: 10.1080/0163660X.2022.2059146

Vakulchuk R., Overland I. Central Asia is a missing link in analyses of critical materials for the global clean energy transition // One Earth. 2021. Vol. 4, Issue 12. P. 1678–1692. DOI: 10.1016/j.oneear.2021.11.012.

Wang X., Lei Y., Ge J., Wu S. Production forecast of China's rare earths based on the Generalized Weng model and policy recommendations // Resources Policy. 2015. Vol. 43. P. 11–18. DOI: 10.1016/j.resourpol.2014.11.002

Yü D.S. Geo-economics of China's rare earths production: Concurrent green transition and environmental vulnerability // The Extractive Industries and Society. 2024. Vol. 18. P. 101–466, DOI: 10.1016/j.exis.2024.101466.

Zhang S. Study on Economic Significance of Rare Earth Mineral Resources Development Based on Goal Programming and Few-Shot Learning. Comput Intell Neurosci. 2022 May 9. P. 7002249. DOI: 10.1155/2022/7002249

Zhou B., Li Z., Chen C. Global Potential of Rare Earth Resources and Rare Earth Demand from Clean Technologies. Minerals 2017, 7, 203. <https://doi.org/10.3390/min7110203>

RARE EARTH METALS IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

GLOBAL COMPETITION AND STRATEGIES FOR COOPERATION DEVELOPMENT

EKATERINA CHIMIRIS

Institute of Europe of the RAS, Moscow, 125009, Russia

ANNA KRUPINA

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, 191060, Russia;

Institute of Integration Process Development, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, 117312, Russia

Abstract

This article is devoted to the analysis of the strategies pursued by the Central Asian states in the context of growing international interest in their reserves of rare earth metals (REMs). The relevance of the topic is determined by the intensifying global competition for access to critical mineral resources against the backdrop of China's monopolistic position in the REM market and the simultaneous efforts of the United States and the European Union to diversify their sources of supply. While Beijing maintains control over REM production volumes by expanding quotas, EU member states are seeking to reduce their dependence on Chinese supplies through investment in the development of alternative deposits, including those located in Central Asia.

The aim of the study is to identify the specific features of the foreign economic strategies of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan, as well as to assess the agency of these states under conditions of competition among the leading global players in the REM market. The scientific novelty of the work lies in defining and classifying the principal strategies of the Central Asian countries with respect to the development of the REM mining and processing sector. The authors identify the following strategies: "Balancing between centers of power" (Kazakhstan, Uzbekistan); "An open mine for investors" (Kyrgyzstan); and "Development within the regional framework" (Tajikistan).

The differences among these strategies highlight the absence of a coordinated regional policy with regard to critical mineral resources. At the same time, the current stage is characterized by the emergence of preconditions for intensifying competition and clashes of interest among major external actors over access to key regional resources. Various mechanisms may be employed in this process, including the introduction of restrictive provisions ("green transition," sustainable development) into agreements, manipulation of production quotas, and political pressure. In the absence of coordination among the Central Asian states, as well as without recourse to regional integration frameworks, the region's dependence on raw material exports is likely to deepen, thereby increasing its political and economic vulnerability.

Keywords:

Rare Earth Metals; Central Asia; European Union; USA; China

References

Arapova E.Ya. (2022). Torgovaya voina SShA i Kitaya: ekonomicheskie i pravovye effekty [The US–China Trade War: Economic and Legal Effects]. Srovnitel'naya politika [Comparative Politics]. Vol. 13. No. 1–2. P. 98–115. DOI: 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115.

Belov V.B. (2020). Obespechenie Evrosoyuza kriticheski vazhnymi sy'revymi resursami [Securing Critical Raw Materials for the European Union]. Evropeiskii soyuz: fakty i kommentarii [European Union: Facts and Comments]. No. 102. P. 49–54. DOI: 10.15211/eufacts420204954.

Vavilov A.N. (2024). Vneshnopoliticheskaya strategiya: osnovnye podkhody k opredeleniyu pomyatiya i ego nauchnyi potentsial [Foreign Policy Strategy: Main Approaches to the Concept and Its Scientific Potential]. Sotsial'no-politicheskie nauki [Socio-Political Sciences]. Vol. 14. No. 6. P. 105–113. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-105-113.

Gazetov V.I., Khomenko V.I. (2025). Proniknenie SShA i ES na rynki strategicheskogo sry'a Tsentral'noi Azii [Penetration of the US and EU into the Strategic Raw Materials Markets of Central Asia]. POISK: Politika. Obschestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura [SEARCH: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture]. No. 1(108). P. 34–46.

Goryainova L.V. (2024). Global'nyi rynok redkozemel'nykh metallov: osobennosti, problemy, mesto Tsentral'noi Azii [The Global Rare Earth Metals Market: Features, Problems, and the Place of Central Asia]. In: Ekonomika tsentral'no-aziatskikh respublik v usloviyakh globalizatsii i transformatsii: Materialy mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Fergana, 30 maya 2024 g. Fergana. P. 27–30.

Grinyaev S.N. (2025). O tekushchey politike Evropeiskogo soyuza v otnoshenii kriticheskikh zhachimogo sry'a [On the Current Policy of the European Union Regarding Critical Raw Materials]. Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical Notes of the Institute of Europe RAS]. Issue I. No. 10. P. 82–87. DOI: 10.15211/analytics11020258287.

Zhiltssov S.S. (2024). Politika Velikobritanii v Tsentral'noi Azii [The Policy of the United Kingdom in Central Asia]. Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Issues]. Vol. 11. No. 2. P. 104–111. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111.

Zhiltssov S.S. (2024). Politika Zapada v Tsentral'noi Azii: rol' redkozemel'nykh metallov [Western Policy in Central Asia: The Role of Rare Earth Metals]. Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Issues]. Vol. 11. No. 1. P. 8–19. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-1-8-19.

Kaveshnikov N. (2015). «Nevosmognaya triada» energobezopasnosti Evropeiskogo soyuza [The “Impossible Trinity” of the European Union's Energy Security]. Mezdunarodnye protsessy [International Trends]. Vol. 13. No. 4. P. 74–85. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.5.

Kondrat'ev V.B. (2022). Rol' kriticheskikh vazhnykh sry'evykh materialov v usloviyakh ekonomicheskoi neopredelennosti: opyt ES [The Role of Critical Raw Materials under Economic Uncertainty: The EU Experience]. Gornaya promyshlennost' [Mining Industry]. No. 4. P. 94–102. DOI: 10.30686/1609-9192-2022-4-94-102.

Kotov A.V. (2024). Obespechenie sry'evogo suvereniteta kak problemnoe pole ekonomicheskoi politiki Evropeiskogo soyuza [Ensuring Raw Material Sovereignty as a Problematic Field of the European Union's Economic Policy]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. No. 4.

Mastepanov A., Tomberg I. (2018). Kitai diktuet energeticheskuyu politiku XXI veka [China Dictates the Energy Policy of the 21st Century]. Mezdunarodnye protsessy [International Trends]. Vol. 16. No. 3. P. 6–38. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.1.

Murgash R. (2018). Gazovyi rynok ES i otnosheniya mezdhu Moskvoi i Bryusselem [The EU Gas Market and Relations between Moscow and Brussels]. Mezdunarodnye protsessy [International Trends]. Vol. 16. No. 3. P. 202–213. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.12.

Popova I.M. (2025). Instrumenty politiki ES dlya obespecheniya interesov po postavkam kriticheskikh vazhnykh sry'ya [EU Policy Instruments to Safeguard Interests in the Supply of Critical Raw Materials]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. No. 2. P. 164–174. DOI: 10.31857/S0201708325020147.

Samsonov N.Yu. (2018). Global'nye tsepochki postavok redkozemel'nykh i redkikh metallov kak vysokotekhnologicheskogo sry'a v ramkakh mezdunarodnoi kooperatsii [Global Supply Chains of Rare and Rare Earth Metals as High-Tech Raw Materials in International Cooperation]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]. No. 3. P. 43–66. DOI: 10.14530/se.2018.3.043-066.

Sidorova E., Sidorov A. (2023). Strategicheskaya avtonomiya Evropeiskogo soyuza v ekonomike: kontsepsiya i problemy realizatsii [Strategic Autonomy of the European Union in the Economy: The Concept and Problems of Implementation]. Mezdunarodnye protsessy [International Trends]. Vol. 21. No. 3. P. 119–142. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.7.

Soboleva E., Krivokhizh S. (2020). Liderstvo v mnogopolyarnom mire: politika Kitaya v Tsentral'noi Azii [Leadership in a Multipolar World: China's Policy in Central Asia]. Mezdunarodnye protsessy [International Trends]. Vol. 18. No. 1. P. 119–134. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.7.

Telegina E.A., Khalova G.O. (2022). Geoekonomicheskie i geopoliticheskie vyzovy energeticheskogo perekhoda. Posledstviya dlya mirovoi ekonomiki [Geo-Economic and Geopolitical Challenges of the Energy Transition: Implications for the Global Economy]. Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. Vol. 66. No. 6. P. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-26-34.

Tsygankov P.A. (2022). Vneshnyaya politika gosudarstva: osobennosti, protsess i faktory, vliyayushchie na prinyatie reshenii [The Foreign Policy of the State: Features, Process, and Factors Influencing

Decision-Making]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science]. No. 2. P. 7–29.

Chufrin G. (2018). *Vneshnopoliticheskaya strategiya postsovetskikh stran: teoreticheskie aspekty* [Foreign Policy Strategy of Post-Soviet States: Theoretical Aspects]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia]. No. 1. P. 9–22. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-1-9-22.

Fan J. H., Omura A., Roca E. Geopolitics and rare earth metals // European Journal of Political Economy. 2023. Vol. 78. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102356

Kalantzakos S. China and the geopolitics of rare earths. Oxford: Oxford University Press, 2018. 235 p.

Maponga O., Nsakaza K. Sustainable exploitation of rare earth minerals in Southern Africa: Exploring the linkages // The Extractive Industries and Society. 2025. Vol. 24. DOI: 10.1016/j.exis.2025.101754.

Nuttall M. Greenland and the geopolitics of critical minerals // One Earth. 2021. Vol. 4. Issue 12. P. 1674–1675, DOI: 10.1016/j.oneear.2021.12.001.

Pitron G. The geopolitics of the rare-metals race // The Washington Quarterly. 2022. Vol. 45. No. 1. P. 135–150. DOI: 10.1080/0163660X.2022.2059146

Vakulchuk R., Overland I. Central Asia is a missing link in analyses of critical materials for the global clean energy transition // One Earth. 2021. Vol. 4, Issue 12. P. 1678–1692. DOI: 10.1016/j.oneear.2021.11.012.

Wang X., Lei Y., Ge J., Wu S. Production forecast of China's rare earths based on the Generalized Weng model and policy recommendations // Resources Policy. 2015. Vol. 43. P. 11–18. DOI: 10.1016/j.resourpol.2014.11.002

Yü D.S. Geo-economics of China's rare earths production: Concurrent green transition and environmental vulnerability // The Extractive Industries and Society. 2024. Vol. 18. P. 101–466, DOI: 10.1016/j.exis.2024.101466.

Zhang S. Study on Economic Significance of Rare Earth Mineral Resources Development Based on Goal Programming and Few-Shot Learning. Comput Intell Neurosci. 2022 May 9. P. 7002249. DOI: 10.1155/2022/7002249

Zhou B., Li Z., Chen C. Global Potential of Rare Earth Resources and Rare Earth Demand from Clean Technologies. Minerals 2017, 7, 203. <https://doi.org/10.3390/min7110203>

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ДЕРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НА БАЛТИКЕ И В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НАВСТРЕЧУ ЕДИНОМУ РЕГИОНУ БЕЗОПАСНОСТИ?

ВЛАДИСЛАВ ВОРОТНИКОВ
ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ
ДЕНИС НЕСТЕРОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Через призму теории региональных комплексов безопасности, а также с опорой на отечественные исследования региональной безопасности анализируется трансформация балтийского и черноморского регионов в контексте ухудшения отношений России и Запада после 2014 года. Эта трансформация рассматривается как сочетание двух разнонаправленных тенденций: регионализации и дерегионализации. Теоретическая новизна работы состоит в уточнении результатов исследований региональной безопасности, проведённых представителями Копенгагенской школы и теории РКБ, с учётом изменений военно-политической обстановки в Европе. В результате критически пересмотрено положение прибалтийских республик и Турции в восточноевропейской системе безопасности, а также обращено внимание на формирование институционализированных связей в сфере безопасности между балтийскими и черноморскими государствами. Рассмотрены тенденции, способствующие складыванию единого Балто-Черноморского региона безопасности, а также факторы, сдерживающие этот процесс. В этой связи анализируются подходы ключевых игроков к региональному строительству в Балтийском и Черноморском регионах, а также трансформация региональных институтов, что в перспективе может означать формирование в Балто-Черноморском субрегионе полноценной системы безопасности.

Ключевые слова:

Копенгагенская школа; безопасность; украинский кризис; региональный комплекс безопасности; регион безопасности; Балтийский регион; Черноморский регион

Введение

Эскалация украинского кризиса и вступление Финляндии и Швеции в НАТО привели к трансформации системы военно-политических отношений на востоке Европы. Эти изменения обусловили прио-

ритетное значение для безопасности России процессов в Балтийском и Черноморском субрегионах Европы, где военно-политическое противостояние России и Запада проявляется в наиболее острой форме.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2024

Дата принятия к публикации: 03.10.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Существующие исследования предлагают разнообразные подходы к анализу вопросов безопасности в Балтийском и Черноморском регионах. Проблемы безопасности в Балтийском регионе через призму теории секьюритизации рассматривались в работах Р. Кальюранд и М. Мялксоо [Kaljurand, Mälksoo 2010]. Сотрудничество между скандинавскими и балтийскими государствами в сфере безопасности в 1989–2004 годы подробно проанализировано Н.Е. Белухиным и В.В. Воротниковым [Белухин, Воротников 2024]. Вопросам безопасности в Черноморском регионе посвящены работы О.М. Тупота [Тупота 2015], а также А.А. Ирхина и О.А. Москаленко [Ирхин, Москаленко 2021]. Взгляд на Причерноморье с позиций Копенгагенской школы представлен в работе А. Барриньи [Barrinha 2013]. Концептуальное осмысление феномена Балто-Черноморья предложено в работах М.В. Ильина [Ильин 2009], В.Л. Цымбурского [Цымбурский 1998], П. Синовец и А. Максименко [Sinovets, Maksymenko 2020]. Однако до настоящего момента не предпринимались попытки сопоставить и связать трансформацию среды безопасности на пространствах Балтики и Причерноморья в контексте кризиса в отношениях России и Запада после 2014 г. и особенно – после февраля 2022 года. Предлагаемое исследование направлено на поиск ответа на вопрос о динамике и соотношении изменений среды безопасности в Балтийском и Черноморском регионах.

Авторы выдвигают гипотезу, согласно которой после 2014 г. кризис институтов сотрудничества в Балтийском и Черноморском регионах подталкивает их к слиянию и поляризации в контексте противостояния России и Запада.

Статья состоит из введения, раздела «Методология», основной части (четырёх разделов) и заключения. В методологическом разделе описывается исследователь-

ский подход, выбранный для достижения обозначенной цели работы, подчёркивается разрыв между концептуально-теоретической базой и сложившимися после 2014 г. международными реалиями. В первом разделе основной части описывается усиление кооперативных тенденций в Балтийском и Черноморском регионах в 1991–2014 гг., формирование уникальной субрегиональной повестки дня в области безопасности, нашедшей институциональное выражение. Во втором – параллельный процесс оформления разделительных линий в каждом из рассматриваемых регионов и тенденции к дерегионализации в тот же период. В третьем обращено внимание на возобладание конфликтности над сотрудничеством в Балтийском и Черноморском регионах после 2014 г., что привело к разрушению способствовавших регионализации институтов. В последнем, четвёртом, разделе основной части авторы указывают на тенденции, свидетельствующие о слиянии двух субрегионов, однако обращают внимание и на явления, которые этот процесс сдерживают. В заключении обобщены основные выводы каждого раздела, подчёркнуто значение описанных процессов для безопасности России.

Методология

Выбранный исследовательский подход соответствует логике теории региональных комплексов безопасности (РКБ), предложенной Б. Бузаном и О. Уэвером. РКБ – это «совокупность акторов, проблемы безопасности (процессы секьюритизации и/или десекьюритизации) которых связаны настолько тесно, что их нельзя анализировать или разрешать отдельно друг от друга» [Buzan 1983: 106; Buzan, Wæver 2003: 44]. Однако предложенные в 2003 г. границы западноевропейского РКБ в значительной мере соответствовали реалиям конца XX века: в частности, к категорииperi-

¹ Бузан и Уэвер используют термин *insulator* [Buzan, Wæver 2003: 41]. А.Д. Воскресенский для описания пространств «изолирующих динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах» предложил применять понятие «буферное пространство» [Воскресенский 2019: 675–695]. Однако сами Бузан и Уэвер разграничивают понятия *insulator* и *buffer*: первое описывает

ферийных пространств¹, не входящих ни в западноевропейский, ни в постсоветский РКБ, были отнесены Латвия, Литва, Эстония и Турция [Buzan, Wæver 2003: xxvii].

События, последовавшие за публикацией работы авторов, значительно изменили конфигурацию европейской системы безопасности. Это, в свою очередь, требует актуализации границ РКБ и переосмысления роли в них отдельных государств. Например, уже в 2010 г. Т.В. Юрьева обращала внимание на «субрегионализацию европейского региона безопасности», то есть на формирование специализированных форматов межгосударственного сотрудничества в отдельных субрегионах Европы для взаимодействия по конкретным вопросам безопасности [Юрьева 2010: 128]. Данное исследование направлено на развитие этой идеи.

В основе РКБ лежит международно-политический регион, под которым понимается «комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных и/или иных связей, в котором регулярность и плотность этих связей достигла величины, когда существование комплекса уже требует регулирования этих отношений как самих по себе, так и его связей с непосредственно затрагиваемыми государствами, а также его взаимосвязей с международными и/или глобальными институтами» [Косолапов 2010: 31]. При выделении абстрактного концепта «регион» необходимо опираться на реальные признаки процесса регионализации, который подразумевает повышение плотности и регулярности упомянутых связей. Последние могут находить выражение в деятельности организаций и институтов, которые «формируют у участников ощущение общности их интересов и спо-

собствуют созданию общей идентичности» [Aydin 2005: 58]. Границы региона в таком случае определяются границами региональных институтов.

В этой связи создание и/или активизация региональных форматов межгосударственного взаимодействия может рассматриваться как один из индикаторов процессов регионализации – наряду с повышением частоты упоминания региона в официальных декларациях и экспертно-аналитических текстах [Байков 2010: 65; Paasi 2011: 10–11; Hettne, Söderbaum 2000: 457; Fawcett 2004: 431]. Проявление этих тенденций на более низовом уровне свидетельствует о субрегионализации². Согласно теории Б. Бузана и О. Уэвера, соответствующие тенденции могут приводить к формированию субкомплексов региональной безопасности – «РКБ внутри РКБ»³. В свою очередь, обратные процессы могут свидетельствовать о дерегионализации. В обоих случаях ключевым субъектом структурирования пространства является государство. Для достижения цели исследования в работе будет проанализирована трансформация региональных институтов безопасности в Балтийском и Черноморском регионах в 1991–2025 гг., а также концептуальные документы сторон, отражающие подходы к региональному строительству.

При этом в соответствии с моделью, предложенной А. Пааси, образование региона рассматривается как результат четырёх процессов: территориального оформления; символического оформления; институционализации и складывания региональной идентичности [Paasi 2011: 12–13]. Следует также принять во внимание замечание Б. Хеттне и Ф. Сёдербаума, которые, схожим образом разделяя регионализацию на

пространство, находящееся на периферии комплексов безопасности, второе – пространство в самом центре секьюритизации и конфронтации. Авторы же данной работы, не посягая на окончательное разрешение терминологической неопределённости, в качестве эквивалента термину *insulator* здесь и далее используют понятие периферийное пространство.

² При этом в зависимости от выбранной аналитической оптики и исследовательской задачи один и тот же регион может рассматриваться и как субрегион, и как регион.

³ «Субкомплексы представляют собой отдельные паттерны взаимозависимости в сфере безопасности, которые всё же являются элементом более широкого паттерна, определяющего РКБ в целом». Применительно к европейскому РКБ примером такого субкомплекса являются Балканы. Подробнее см. [Buzan, Wæver 2003: 51–52, 62].

элементы⁴, предостерегают от интерпретации этих составляющих в качестве последовательных этапов – эти элементы могут оформляться одновременно [Söderbaum, Hettne 1998: 7].

Субрегионализация безопасности:

Балтика и Причерноморье после 1991 года

В 2003 г. Б. Бузан и О. Уэвер исходили из того, что в Балтике граничат два РКБ – западноевропейский и постсоветский, а разделительная линия между ними унаследована из биполярной эпохи. Однако уже в 1990-е годы процесс субрегионализации в балтийском ареале европейского РКБ получил новый импульс [Воротников et al. 2019: 55–60]. Расширение многостороннего сотрудничества позволило исследователям говорить об «эйфории регионализма» в Балтийском субрегионе [Wittmann 2022: 3]⁵. При этом институционализация взаимодействия проходила с участием России⁶. Сформировалась также двусторонняя договорно-правовая база сотрудничества России и государств региона⁷. У субрегионализации было и дискурсивное выражение; на концептуальном уровне как отдельный регион Балтика упоминалась в совместном заявлении участников первого саммита СГБМ (1996)⁸ и в Стокгольмской декларации о росте и развитии в регионе Балтийского моря 1996 года⁹.

В свою очередь, для Причерноморья после 1991 г. проблематика «жёсткой» безопасности сохранила актуальность (углублению внутрирегиональной кооперации препятствовало наличие этнических про-

воречий и территориальных споров), хотя вероятность прямого военного конфликта между ведущими игроками оставалась низкой. Как и для Балтики, 1990-е годы стали для Причерноморья временем институционализации в сфере безопасности и экономического сотрудничества: были созданы Организация черноморского экономического сотрудничества (1992), Черноморский банк торговли и развития (1997) и ГУ(У)АМ (1997). В регионе также возникла сеть двусторонних соглашений о свободной торговле [Tolga Bölkbası, Ertugal 2012: 10–11].

Проводником субрегионализации здесь тоже были объединяющие все причерноморские государства институты сотрудничества, чья деятельность была направлена на решение специфических проблем субрегиона. Регулирование же «жёсткого» измерения безопасности осуществлялось сторонами либо на двусторонней основе, либо в рамках институтов, чья зона ответственности была шире (ОБСЕ, ОДКБ, НАТО, ЕС).

Таким образом, объективные изменения международной реальности выразились в изменении подходов государств к структурированию регионального пространства. Вследствие трансформации повестки регионального сотрудничества вокруг Балтийского и Чёрного морей произошло стремительное образование сети институтов для взаимодействия по исключительно субрегиональной проблематике «жёсткой» и «мягкой» безопасности, которая представляла собой промежуточный уровень между национальной и общеевропейской безо-

⁴ Их подход к регионализации включает только «пространственный», «институциональный» и «идентитарный» элементы.

⁵ В 1990 г. была создана «Коалиция чистая Балтика», в 1991 – Союз балтийских городов и Балтийская ассоциация, в 1992 – Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и NB8, в 1994 – Балтийский совет министров.

⁶ Россия с 1992 г. участвовала в СГБМ, с 1997 – в Северном измерении, с 1998 – в формате Еврорегион «Балтика».

⁷ Например, Соглашения о сотрудничестве в области рыбного хозяйства с Латвией (1992), Швецией (1992), Финляндией (1994), Эстонией (1994), Польшей (1995) и Литвой (1999).

⁸ 1st Baltic Sea States Summit, Visby, 3-4 May, 1996. URL: www.cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/1996-1st-Baltic-Sea-States-Summit-Presidency-Declaration.pdf (accessed: 02.08.2024).

⁹ Annual Report from the Committee of Senior Officials, The 4th Year of the Council's Activity 1995-1996, 2-3 July 1996. URL: https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/04/CBSS_AnnualReport_1995-96.pdf (accessed: 20.10.2025).

пасностью. Это позволяет сделать вывод о формировании балтийского и черноморского субкомплексов региональной безопасности на границе европейского и постсоветского РКБ.

Дерегионализация и разделительные линии на Балтике и в Причерноморье в 1991–2014 годы

Кооперативным тенденциям сопутствовали конфронтационные мотивы: динамика отношений в субрегионах зависела от системных факторов, прежде всего – от разногласий между Россией и Западом по проблемам «жёсткой» безопасности.

Вступление Швеции и Финляндии в ЕС (1995), а также Латвии, Литвы и Эстонии – в ЕС и НАТО (2004) привело к появлению разделительных линий в системе балтийских институтов. Эта тенденция отразилась и в оценках европейских аналитиков о «европеизации» региона и превращении Балтийского моря во «внутреннее море ЕС» [Kern 2011: 27]. При этом даже в тот период истории регионального строительства, когда кооперативное начало явно преобладало, признаки секьюритизации в отношении России в регионе сохранялись и ярче всего это выражались во внешнеполитической риторике политиков Латвии, Литвы и Эстонии [Jaeger 2000: 24–31].

Включение Европейского союза в число участников обновлённой в 2006 г. програм-

мы «Северное измерение» вместе с Норвегией, Исландией и Россией отразил тенденции на формирование внутри региона «блоковости» и искусственного расширения его границ¹⁰. Так, соглашение о сотрудничестве в области рыболовства и сохранения живых морских ресурсов в Балтийском море в 2009 г. Москва также заключала уже с Брюсселем¹¹. После расширения 2004 г. сотрудничество в рамках Балтийской сети еврорегионов также стало строиться по модели «ЕС и его восточные соседи»¹².

При этом Балтийский регион, не упоминавшийся ни в Стратегии безопасности ЕС 2003 года¹³, ни в Глобальной стратегии 2016 года¹⁴, был всё же обособленным объектом в первой макрорегиональной Стратегии ЕС для региона Балтийского моря, работа над которой началась в 2007 году: сфера её приложения ограничивалась территорией ЕС и не могла включать территорию России. В европейском аналитическом сообществе также появилась точка зрения о том, что «[балтийский] ареал следует рассматривать как европейский субрегион, а не как отдельный регион» [Hubel 2004: 283].

Институционализация гетерогенности в системе регионального сотрудничества вызвала озабоченность Москвы¹⁵. Среди региональных институтов Россия традиционно отдавала приоритет зонтичной структуре СГБМ как наиболее эффективному

¹⁰ Участие в работе «Северного измерения» принимали также представители Европейского инвестиционного банка – финансово-кредитного учреждения ЕС. См.: *Henriksson M. The New Northern Dimension Policy // Rannsóknamiðstöð Háskóla Íslands á Akureyri*. URL: https://www.rha.is/static/files/NRF/OpenAssemblies/Oulu2006/third-theme_henriksson.pdf. Р. 118. (accessed: 04.08.2024).

¹¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области рыболовства и сохранения живых морских ресурсов в Балтийском море // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902182268> (дата обращения: 02.08.2024).

¹² См., например: *Kick-Off Conference for the Baltic Euroregional Network // The Nordic Council of Ministers' Office in Latvia. 06.09.2005*. URL: <https://norden.lv/en/whats-new/news/100719-tiks-radita-platforma-eiroregionu-sadarbibai-baltijas-juras-valstis/> (accessed: 04.08.2024).

¹³ Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ, 2009. С. 7.

¹⁴ *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 04.08.2024).

¹⁵ *Herolf G. Cooperation in the North – Multilateralism or Mess? Mercury E-paper. No. 7. 2010*. URL: http://mercury.uni-koeln.de/fileadmin/user_upload/E-paper_no7_r2010.pdf. Р. 19. (accessed: 20.10.2025).

формату, что нашло отражение в Концепциях внешней политики 2013 и 2016 годов¹⁶. Линия на формирование в регионе инклюзивного «пространства стабильности и безопасности» с участием всех балтийских государств последовательно проводилась российской дипломатией с конца 1990-х годов [Воронов 2003: 73].

Таким образом, в балтийском ареале происходило столкновение двух вариантов регионального строительства, предложенных Брюсселем и Москвой. В этих условиях Латвия, Литва и Эстония, солидаризируясь с западноевропейским подходом к региональному взаимодействию, утратили статус периферийных странств (*insulators*), характерный для них в 1990-е годы, что позволило исследователям уже в 2002 г. рассматривать использование понятия «буфер» в отношении Балтии как необоснованное [Maciejewski 2002: 468–484]. Из-за вступления трёх республик в НАТО и ЕС на смену разделятельной линии между постсоветским и западноевропейским РКБ, выделенными Б. Бузаном и О. Уэвером в 2003 году, пришла разделятельная линия внутри нового балтийского субкомплекса, определившая его полярную структуру, которая проявилась при нарастании конфликтности в отношениях России и НАТО.

В Причерноморье, несмотря на стремительное развитие региональной коопérationи после 1991 года, ведущие игроки

по-разному видели будущее регионального строительства, что стало проявляться уже в 2000-е годы. США, будучи внерегиональным актором, в 1990–2000-е годы исходили из расширительной трактовки границ Черноморского региона¹⁷. В этой связи в аналитическом сообществе и официальных зарубежных дискурсах приобрёл популярность термин «Большое Причерноморье» (*wider Black Sea region*), подчёркивающий наличие связи между динамикой безопасности в Причерноморье и соседних регионах.

«Расширяя» границы региона, Вашингтон рассматривал НАТО в качестве основного инструмента обеспечения стабильности в Причерноморье. Так, в 2006 г. США предложили включить Чёрное море в зону проведения средиземноморской операции НАТО «Активные усилия», однако инициатива столкнулась с сопротивлением Москвы и Анкары.

После расширения ЕС в 2007 г. в черноморском ареале стали проявляться признаки столкновения европейского и российского подходов к региональному строительству, аналогичные тем, что наблюдались в балтийском субрегионе после расширения ЕС в 2004 году. Черноморский регион, с одной стороны, являлся международным регионом безопасности, участником которого являлась Россия, а с другой – стал субрегионом Европейского союза, который в 2007 г. приобрёл статус «черномор-

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 02.08.2024); Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312?marker=656010> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁷ Углубляя дипломатическую вовлечённость в региональные процессы, Вашингтон поощрял деятельность ГУАМ и сопутствующих расширенных форматов, в том числе с участием нечерноморских государств. Например, в 2005 г. в качестве наблюдателя на кишинёвской встрече глав Азербайджана, Грузии, Литвы, Молдавии, Румынии и Украины присутствовал специальный представитель США по Нагорному Карабаху и конфликтам в Евразии. На саммите было принято совместное заявление «Развитие демократии от Балтийского к Черному морю» – в нём также динамика безопасности в Причерноморье увязывалась с положением в соседних регионах. См.: *Building Democracy from the Baltic to the Black Sea. Joint Statement by the Heads of State of Azerbaijan, Georgia, Lithuania, Moldova, Romania and Ukraine*. 27.04.2005. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/f/14476.pdf> (accessed: 04.08.2024). Соответствующим образом развивалось сотрудничество в рамках поощряемого Вашингтоном формата «Содружество демократического выбора», который на ценностно-идеологической основе объединил как черноморские, так и балтийские государства.

ской державы» [Aydin 2004: 3] и стал постоянным наблюдателем при ОЧЭС¹⁸. ЕС стал рассматривать Причерноморье не только в качестве пограничного пространства, но и в качестве объекта «внутренней» региональной политики¹⁹. Вследствие этого в европейском аналитическом сообществе также стало проявляться восприятие Чёрного моря в качестве «юго-восточного угла Европы» [Åtland 2021: 305; Aydin 2005].

Региональные инициативы ЕС, такие как «Черноморская синергия» и «Восточное партнёрство», были направлены на углубление сотрудничества со странами региона и «мягкое» создание благоприятной внешней среды для развития интеграционного проекта. Однако если в случае «Черноморской синергии» речь шла о сотрудничестве Брюсселя с региональными институтами в Причерноморье с участием России в качестве члена ОЧЭС, то «Восточное партнёрство» предполагало развитие двустороннего взаимодействия с участниками программы без вовлечения России [Гаврилова 2020: 417]. Не предполагала участия России и выдвинутая Румынией инициатива организации Черноморского форума диалога и партнёрства²⁰.

Шаги Брюсселя в направлении «интернационализации» регионального взаимодействия были поддержаны некоторыми представителями аналитического сообщества, призвавшими к проведению региональной политики «по балтийскому образцу» [Aliboni 2006; Rusu 2011]. Однако такой подход, обладая безусловными преимуществами для стран-членов ЕС, стал одним из драйверов формирования блоковой структуры как Балтийского, так и Черноморского субрегионов безопасности. Реализуя

этот подход, ЕС в 2011 г. принял Стратегию в отношении черноморского региона²¹.

Создание Брюсселем эксклюзивных форматов регионального сотрудничества вызвало негативную реакцию Москвы и Анкары. Главным отличием подходов России и Турции, с одной стороны, и США и ЕС – с другой, к структурированию регионального пространства было стремление первых к выстраиванию взаимодействия по проблемам черноморской безопасности в пределах региона в узком смысле, то есть исключительно между прибрежными государствами. В частности, в 2006 г. Россия и Турция наложили вето на предложение США включить Чёрное море в зону реализации программы НАТО «Активные усилия».

Россия с опасением воспринимала вовлечение США и ЕС в процессы формирования региональной архитектуры, выступая за развитие связей между прибрежными странами. В числе её инициатив были создание Черноморского электроэнергетического кольца, установление регулярного пассажирского и паромного сообщения между портами. Кроме того, Москва скептически относилась к участию западных стран в процессе урегулирования региональных конфликтов. Расхождения в позициях также проявились в отношении политического кризиса в Украине в 2004 году.

Тем не менее возражения России не останавливали США от попыток укрепить влияние в Причерноморье. Косвенно этому способствовало стремление Вашингтона к расширению НАТО. Основными кандидатами на вступление ещё с начала 2000-х годов были Грузия и Украина. В апреле 2008 г. в декларации по итогам саммита в Бухаресте указывалось: «Сегодня мы пришли к согла-

¹⁸ BSEC-EU Cooperation. URL: <https://www.bsec-organization.org/areas-of-cooperation/bsec-eu-cooperation> (accessed: 01.10.2025).

¹⁹ См., например: Directive 2008/56/EC of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 establishing a framework for community action in the field of marine environmental policy (Marine Strategy Framework Directive) // Official Journal of the European Union. 2008. P. L164/19.

²⁰ В единственном саммите летом 2006 г. приняли участие Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Румыния и Украина, а Болгария и Турция выступили в качестве наблюдателей.

²¹ European Parliament resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea // European Parliament. 20.01.2011. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0025_EN.html (accessed: 04.08.2024).

шению о том, что эти страны станут членами НАТО²². Решение о начале вступления Грузии и Украины в североатлантический блок в 2008 г. не было принято лишь ввиду твёрдой позиции Франции и Германии. Но уже тогда всё более явно стало проявляться стремление Вашингтона к размыканию региональных границ. В этой связи Россия стремилась перехватить инициативу в обсуждении проблем европейской безопасности, включая Балтику и Причерноморье. В 2008 г. президент Д.А. Медведев выступил с концепцией Договора о европейской безопасности, которая предполагала «неделимость» европейской безопасности²³. Однако эта инициатива не нашла поддержки среди европейских государств.

Институциональные инициативы Турции, в свою очередь, также были направлены на укрепление безопасности в Чёрном море силами прибрежных государств и противостояние негосударственным угрозам. В 1998 г. по инициативе Анкары начались переговоры о создании многосторонней корабельной группы для поддержания безопасности на море. В 2001 г. Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия (*BLACKSEAFOR*) начала работу в составе Болгарии, Грузии, России, Румынии, Турции и Украины. Деятельность института была направлена на проведение противоминных, гуманитарных, поисковых и спасательных операций, а также защиту окружающей среды²⁴.

В 2004 г. Турция предложила создать новый формат сотрудничества ВМС прибрежных стран региона – «Черноморская гармония» – для повышения оперативной совместимости ВМС черноморских государств в борьбе с негосударственными угрозами и незаконным мореплаванием.

В 2006 г. к нему присоединилась Россия, в 2007 – Украина, в 2008 – Румыния. В 2008 г. на фоне нестабильности в Южной Осетии Анкара предложила создать «Платформу по сотрудничеству и стабильности на Кавказе» с участием Грузии, Армении, Азербайджана и России для разрешения региональных противоречий. Как видно, турецкие инициативы не предполагали участия внерегиональных игроков и фактически являлись ответом на укрепление позиций США в регионе. В августе 2008 г., во время проведения Россией миротворческой операции по принуждению Грузии к миру, Турция, следуя положениям Конвенции Монтрё, закрыла проливы для американских кораблей.

Следовательно, структурирование регионального пространства в Причерноморье после 1991 г. осуществлялось под влиянием двух внерегиональных центров силы (США, ЕС) и двух региональных (Россия, Турция). Последняя в 2003 г. была отнесена Б. Бузаном и О. Уэвером к категории «периферийных пространств» между РКБ Западной Европы, Персидского Залива и постсоветского пространства [Buzan, Wæver 2003: xvi]. Однако при выделении черноморского субкомплекса описанные выше усилия Анкары по созданию и продвижению новых форматов регионального сотрудничества позволяют рассматривать её в качестве одного из региональных центров силы, который оказывает формирующее влияние не только на соотношение сил в Причерноморье, но и на вектор регионализации.

Таким образом, конфронтационные тенденции в черноморском субкомплексе региональной безопасности определялись разностью подходов ключевых игроков к региональной консолидации, в то время как

²² Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте, обнародовано главами государств и правительств, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Бухаресте 3 апреля 2008 года. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 17.08.2025).

²³ Медведев Д.А. Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии, 5 июня 2008 года, Берлин // Президент России. 05.06.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/320/> (дата обращения: 17.08.2025).

²⁴ BLACKSEAFOR // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa> (accessed: 03.08.2024).

потенциал сотрудничества реализовывался посредством взаимодействия по специфическим проблемам безопасности, которое в 1990–2000-е годы способствовало развитию регионализации в Причерноморье. На Балтике же продолжению многостороннего взаимодействия также сопутствовало институциональное закрепление «разделятельных линий» в регионе: инкорпорация повестки сотрудничества в политику Евросоюза и НАТО, в то время как инклюзивным форматам кооперации с участием России западные государства стали уделять второстепенное внимание. Как видно, в обоих ареалах признаки столкновения подходов ведущих игроков к региональному строительству стали проявляться до 2014 г.

Дерегионализация на Балтике и в Причерноморье после 2014 г.

Следствием начала украинского кризиса в 2014 г. стало нарастание политических разногласий между государствами в Балтийском и Черноморском регионах. Это, в свою очередь, способствовало приоритезации конфронтационной модели и снижению интенсивности сотрудничества по специфическим региональным вопросам по причине его политической обусловленности. Эрозия региональных институтов привела к фрагментации и поляризации балтийского и черноморского субкомплексов.

После 2014 г. столкновение европейского и российского вариантов регионализма в Балтийском регионе стало более явным. Страны Запада в лучшем случае исходили из намерения расширять региональное сотрудничество друг с другом в рамках институтов НАТО и ЕС, а в худшем – рассматривали «российскую угрозу» в качестве одного из консолидирующих факторов для создания региональной архитектуры без участия Москвы.

Осенью 2014 г. на Уэльском саммите НАТО Великобритания приступила к реали-

зации инициативы по созданию Совместных экспедиционных сил (*Joint Expeditionary Force*). Участие в проекте приняли все государства Балтийского региона, кроме России²⁵. В 2018 г. все страны Балтии, за исключением России, присоединились к Европейской инициативе вмешательства (*EI2*), созданной под эгидой Франции. Её деятельность направлена на сближение военных доктрин государств-участников, координацию военного планирования и обмен разведывательной информацией²⁶. Помимо этого, в принятой в 2018 г. участниками *NORDEFCO* программе *Vision 2025* также не предусматривалось выстраивание кооперативных связей с Россией по вопросам региональной безопасности.

Другим проектом в балтийском регионе без российского участия стал газопровод *Baltic Pipe*, запущенный осенью 2022 года. Без участия Москвы реализовывался и трансрегиональный инфраструктурный проект *Rail Baltica/Rail Baltica II*, хотя Москва стояла у его истоков в 1994 году. После вступления Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС в 2004 г. Россия оказалась вне поля реализации этой инициативы, которая после 2014 г. приобрела ярко выраженный политический, а затем и военно-технический характер [Воротников 2016: 30].

После 2022 г. участие России в деятельности региональных институтов прекратилось полностью. Таким образом, конфронтационная дихотомия «Россия – Запад» возобладала над специфическими проблемами сотрудничества в Балтийском регионе, которые лежали в основе регионализации в 1990-е годы. Вследствие этого наметилась тенденция к разрушению инклюзивных многосторонних институтов и дерегионализации: Россия стала «вненинституциональным игроком» [Воротников et al. 2019: 53] в регионе, однако сохранила влияние на динамику безопасности в Балтике в силу своей географии.

²⁵ Швеция и Финляндия присоединились к нему в 2017 году.

²⁶ Boffey D. Nine EU states sign off on joint military intervention force // The Guardian. 25.06.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/25/nine-eu-states-to-sign-off-on-joint-military-intervention-force> (accessed: 20.10.2025).

Украинский кризис 2014 г. также спровоцировал сворачивание процессов регионализации в Причерноморье: институты многостороннего сотрудничества с участием России либо прекратили функционировать, либо утратили практическую значимость. Причиной стало преобладание конфронтационной составляющей нерегионального противостояния России и западных стран над кооперативным потенциалом сотрудничества по специфическим проблемам черноморской безопасности. Три нейтральных государства – Грузия, Молдавия и Украина – заключили Соглашения об ассоциации с ЕС, подтвердив свой курс на сближение с «евроатлантическим» полюсом черноморского субкомплекса. Также укреплялось сотрудничество между Украиной и государствами-членами НАТО на двусторонней основе. В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. утверждалось, что «затяжные конфликты в Большом Причерноморье представляют вызов для самих основ европейской системы безопасности»²⁷. Таким образом, концептуально было закреплено расширительное толкование границ Черноморского региона и рассмотрение его в качестве части европейского пространства, а не самодостаточного целого. В этой связи Брюссель стремится к инструментализации региональных институтов – прежде всего ОЧЭС – для реализации собственных целей. После 2022 г. ЕС фактически заморозил сотрудничество с ОЧЭС из-за членства в ней России²⁸. Москва, в свою очередь, прекратила выплачивать взносы в ПАЧЭС.

Солидарная с США и ЕС позиция Турции в отношении российско-украинского кризиса также способствовала дальнейшей поляризации черноморского региона безопасности. Это соответствующим

образом отразилось и на восприятии Турции в Москве²⁹. Анкара активизировала военно-политическое сотрудничество с Киевом, а также прекратила реализацию внутрирегионального проекта *BLACKSEAFOR* с участием России. Вследствие этого после 2014 года, на фоне эрозии региональных институтов, черноморский субкомплекс также приобрёл устойчивую bipolarную структуру «Россия/Абхазия/Южная Осетия – НАТО/ЕС».

Таким образом, обострение военно-политических разногласий между Россией и странами Запада после 2014 г. привело к разрушению региональных связей в сфере невоенной безопасности, определявших целостность балтийского и черноморского субкомплексов: «общеверопейские» конфронтационные мотивы возобладали над специфически региональными кооперативными.

Навстречу Балто-Черноморскому региону безопасности?

В условиях усилившимся тенденций дерегионализации интенсивность сотрудничества в сфере безопасности между балтийскими и черноморскими государствами, за исключением Москвы и Минска, значительно возросла после 2022 года. В результате вступления Швеции и Финляндии в НАТО впервые сформировалась устойчивая система институционализованных обязательств (гарантированная пятой статьёй Вашингтонского договора 1949 года) в сфере «жёсткой» безопасности между всеми государствами Балтийского региона (кроме России), Турцией и Польшей, географически связывающей Балтику и Причерноморье. Активно развивается их сотрудничество и в сфере невоенной безопасности.

²⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. Р. 33.

²⁸ Редакция сайта ТАСС. Генсек ОЧЭС заявил, что ЕС не хочет сотрудничать с организацией из-за членства РФ // ТАСС. 16.03.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20249939> (дата обращения: 20.10.2025).

²⁹ См., например: Редакция сайта ТАСС. Генштаб: Черноморский флот России может уничтожить десант противника еще в портах // ТАСС. 14.09.2016. URL: <https://tass.ru/voennaia-politika/3619937> (дата обращения: 20.10.2025).

После февраля 2022 г. усилилось также влияние балтийских государств на баланс сил в Причерноморье. Дания, Польша, Норвегия и Финляндия – в числе лидеров по объёму помощи Украине³⁰. Дания, при соединившись к PESCO в 2023 году, также стала стороной созданной по инициативе Великобритании в 2023 г. Коалиции военно-морского потенциала (*Maritime Capability Coalition*³¹), а истребители Финляндии приняли участие в патрулировании воздушного пространства над Болгарией и Румынией в июне 2024 года³². В ходе вступления в НАТО Швеция и Финляндия возобновили экспорт вооружений в Турцию, приостановленный в 2019 году³³.

В 2022 г. Великобритания, Польша и Украина подписали Трёхсторонний меморандум о сотрудничестве в сфере энергетики и кибербезопасности. Проявлением тенденции к формированию Балто-Черноморского региона безопасности является и желание Анкары присоединиться к проекту «Военная мобильность» под эгидой *PESCO*, а также приглашение Украины принять участие в учениях Совместных экспедиционных сил в качестве наблюдателя³⁴.

Движению в сторону складывания единого региона безопасности, помимо развития межрегиональных институтов, способствует тотальная секьюритизация, в которой Россия выступает референтным объектом

угрозы. Это, в свою очередь, ведёт к формированию общей идентичности безопасности. В этой связи аналитики *RUSI* считают, что создание в Черноморском регионе «сети военно-политического сотрудничества с акцентом на акваторию Черного моря» должно стать целью «стратегии ЕС и НАТО по сдерживанию России» [Melvin, Seskuria 2022: 3]. К аналогичному выводу приходят аналитики Фонда Р. Шумана, указывая, что «со вступлением Швеции и Финляндии в НАТО границы Европы приобрели теперь очертания дуги от Северного полярного круга до Персидского залива» [Magdin 2022: 3]³⁵. Таким образом, границы Европы интерпретируются ими в категориях безопасности – как границы между безопасным и небезопасным пространством, – а не в классических географических, исторических или культурных категориях.

В терминах Б. Бузана и О.Уэвера формирование межрегиональных связей и активизация сотрудничества между балтийскими и черноморскими государствами может рассматриваться как проявление тенденции к образованию единого Балто-Черноморского субкомплекса региональной безопасности. Однако говорить о формировании уникальной региональной идентичности в Балто-Черноморье (описанная выше идентичность безопасности является лишь её частью) было бы преждевременно,

³⁰ A Database of Military, Financial & Humanitarian Aid. Ukraine Support Tracker // Kiel Institute. 14.10.2025. URL: <https://www.kielinstitut.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (accessed: 20.10.2025). Дания поставила Украине противокорабельные ракеты Harpoon, Норвегия предоставила военную, финансовую и гуманитарную помощь в рамках программы Nansen Support Programme for Ukraine.

³¹ Danish Military Support for Ukraine // Danish Ministry of Defence. URL: <https://www.fmn.dk/en/topics/operations/ongoing-operations/danish-military-support-for-ukraine/> (accessed: 20.10.2025).

³² Finnish Jets Land in Romania for First Participation in NATO Air Shielding Mission // NATO. URL: https://ac.nato.int/archive/2024/FIN_arrival_MK_AirShielding (accessed: 04.08.2024).

³³ Sweden resumes arms exports to Turkey after NATO membership bid // National Post. 30.09.2022. URL: <https://nationalpost.com/pmn/news-pmn/sweden-resumes-arms-exports-to-turkey-after-nato-membership-bid> (accessed: 20.03.2024); Soylu R. Finland permits first defence export to Turkey since 2019 // Middle East Eye. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-finland-permits-first-defence-export> (accessed: 20.03.2024).

³⁴ Johnson S., Ringstrom A. Ukraine Invited to Observe North Europe Defence Alliance Exercises // Reuters. 13.10.2023. URL: <https://jp.reuters.com/article/ukraine-invited-to-observe-north-europe-defence-alliance-exercises-idUSL8N3BjZJ/> (accessed: 20.10.2025).

³⁵ Magdin R. The Black Sea, the Spectre of a New Iron Curtain? Foundation Robert Schumann. Policy Paper No. 638, July 2022. P. 3. URL: <https://server.www.robert-schuman.eu/storage/en/doc/questions-d-europe/qe-638-en.pdf> (accessed: 20.10.2025).

поскольку она должна иметь не только оборонное, но также экономическое и культурное измерение [Hettne 1993: 221].

К сдерживающим факторам относятся и традиции внеблоковости в финском и шведском обществах, сохраняющиеся несмотря на отказ от этого статуса, а также самостоятельная позиция Турции. Анкара выступила в качестве посредника во время украинского конфликта, предоставив площадку для российско-украинских переговоров в 2022, 2023 и 2025 годах и двусторонних обменов военнопленными в 2022–2023 годах. Кроме того, Анкара, следуя Конвенции Монtré, закрыла черноморские проливы для прохода военных судов США к побережью Украины после 2022 года, а также с тревогой относится к превращению порта Александруполя в военно-транспортный хаб НАТО³⁶. Турция также пытается уклоняться от присоединения к антироссийским санкциям.

Следовательно, ввиду того, что после 2022 г. между балтийскими и причерноморскими государствами установились новые связи в сфере безопасности (институциональный компонент), основанные в том числе на восприятии России в качестве общей угрозы (идентитарный компонент), перспектива формирования Балто-Черноморского субрегиона безопасности является одним из сценариев развития системы европейской безопасности. Его реализация во многом зависит от позиции Турции и степени дальнейшей вовлечённости Швеции и Финляндии в новые, помимо НАТО, институциональные форматы военного сотрудничества, связывающие Балтику и Причерноморье.

Заключение

Распад СССР придал импульс региональному строительству на Балтике и в Причерноморье. Благодаря политической воле

субъектов сформировались многосторонние институты, нацеленные на решение проблем каждого субрегиона безопасности, и, как следствие, на восточной границе европейского РКБ возникли балтийский и черноморский субкомплексы с уникальной для каждого региона кооперативной повесткой. Участие России в институциональной структуре каждого из них способствовало размытию границы между европейским и постсоветским РКБ.

В 1991–2014 годы главным мотивом регионализации в Балтийском регионе была заинтересованность субъектов в решении прежде всего уникальных проблем этого пространства в сферах экологической, экономической и социальной безопасности, а также регионального развития. В то же время конфликтационные мотивы были связаны со столкновением российского и европейского подходов к региональному взаимодействию. При этом присоединение прибалтийских республик к НАТО и ЕС лишило их статуса периферийных пространств между европейским и постсоветским РКБ.

Аналогично, столкновение подходов к региональному строительству прослеживалось и в Причерноморье – противоречия были схожи с теми, которые имели место в балтийском ареале после расширения ЕС в 2004 году: с одной стороны, Черноморский регион был международным регионом безопасности, частью которого являлась и Россия, с другой – стал субрегионом Европейского союза, который в 2007 г. приобрёл статус «черноморской державы»³⁷.

После 2014 г. в обоих ареалах началась дерегионализация: конфликтационные тенденции возобладали над региональными кооперативными. Политическая обусловленность сотрудничества с Россией привела к эрозии институтов, формировавших субкомплексы безопасности, и способствовала углублению в них разделительных линий.

³⁶ Yusufoglu Y. Turkish Thrace vs. Alexandroupolis: A New Page in the Turkey-Greece Energy Competition // Politics Today. 10.11.2022. URL: <https://politicstoday.org/turkish-thrace-vs-alexandroupolis-a-new-page-in-the-turkey-greece-energy-competition/> (accessed: 20.10.2025).

³⁷ Aydin M. Europe's next shore: the Black Sea region after EU enlargement (Occasional Paper No. 53). EU Institute of Security Studies. 2004. P. 3. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/occ53.pdf> (accessed: 20.10.2025).

В условиях отката регионализации на основе конфронтационной повестки «сдерживания» России было интенсифицировано военно-политическое сотрудничество балтийских и черноморских государств. После 2022 г. усилились тенденции формирования Балто-Черноморского региона безопасности вдоль границ России и Белоруссии. Они представляют угрозу безопас-

ности Союзного государства России и Белоруссии, поскольку предполагают институциональное закрепление разделительной линии между европейским и постсоветским РКБ и фактическую невозможность решения специфических проблем региональной безопасности на Балтике и в Причерноморье без Москвы и Минска.

Список литературы

Байков А.А. Библиография сравнительной интеграции в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1(22). С. 58–73.

Белухин Н.Е., Воротников В.В. Уроки балтийского направления внешней политики стран Северной Европы в 1989–2004 гг.: актуальные параллели // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. № 3. С. 46–71. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-3-15-2.

Воронов К.В. Балтийская политика России: через стабильность к добрососедству // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 9. С. 67–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-9-67-78

Воротников В.В. Современное состояние и перспективы реализации проекта Rail Baltica // Международная аналитика. 2016. № 2. С. 27–36. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-2-27-36

Воротников В.В., Чеков А.Д., Якутова У.В. Проекты регионального строительства в Балтийском регионе: наследие межвоенной эпохи и современная динамика // Международная аналитика. 2019. № 1–2. С. 52–64. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-52-64

Воскресенский А.Д. Регионализм как парадигма мироустройства // Современная политическая наука. Методология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 675–695.

Гаврилова С.М. Черноморское направление политики Евросоюза и интересы России // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4. С. 414–428. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-414-428

Жильцов С.С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 2. С. 149–164. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-2-149-164

Ильин М.В. Геохронополитика Балто-Черноморья // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1(4). С. 49–57. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-49-57

Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516

Косолапов Н.А. Международный регион и его политическое пространство // Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 23–37.

Тупота О.М. Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991–2013 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 4. С. 137–150.

Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI – XX веках) // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 52–73.

Юрьева Т.В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6(15). С. 126–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-126-133

Aliboni R. Globalization and the Wider Black Sea Area: Interaction with the European Union, Eastern Mediterranean and the Middle East // Southeast European and Black Sea Studies. 2006. Vol. 6. No. 2. P. 157–168. DOI: 10.1080/14683850600694221

Åtland K. Redrawing borders, reshaping orders: Russia's quest for dominance in the Black Sea region // European Security. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 305–324. DOI: 10.1080/09662839.2021.1872546

Aydin M. Europe's new region: The Black Sea in the wider Europe neighbourhood // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 257–283. DOI: 10.1080/14683850500122943

Aydin M. Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions // Perceptions. 2005. Vol. 10. No. 3. P. 57–83.

Barrinha A. The Ambitious Insulator: Revisiting Turkey's Position in Regional Security Complex Theory // *Mediterranean Politics*. 2013. Vol. 19(2). P. 165–182.

Buzan B. People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983. 262 p.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 596 p.

Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 429–446. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x

Hettne B. Neo-Mercantilism: The Pursuit of Regionness // *Cooperation and Conflict*. 1993. Vol. 28. No. 3. P. 211–32.

Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. No. 5(3). P. 457–472. DOI: 10.1080/713687778

Hubel H. The Baltic Sea Subregion after Dual Enlargement // *Cooperation and Conflict*. 2004. Vol. 39. No. 3. P. 283–298. <https://doi.org/10.1177/0010836704045204>

Jæger Ø. Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States // *Peace and Conflict Studies*. 2000. Vol. 7. No. 2. P. 18–36. DOI: 10.46743/1082-7307/2000.1009

Kaljurand R., Mälksoo M. From De-Securitisation to Re-Securitisation. Sub-Regional Multilateralism around the Baltic Sea. Analysis. International Center for Defence Studies. 2009.

Kern K. Governance For Sustainable Development in the Baltic Sea Region // *Journal of Baltic Studies*, 2011. Vol. 42. No. 1. P. 21–35. DOI: 10.1080/01629778.2011.538517

Maciejewski W. The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies. Uppsala: The Baltic University Press, 2002. 676 p.

Melvin N., Seskuri N. A New Security Order in the Black Sea. The Role of Georgia. London: RUSI, 2022. 20 p.

Paasi A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 14. P. 9–16. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.011

Rusu D. Regionalization in the Black Sea Area: A Comparative Study // *Romanian Journal of European Affairs*. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 47–65.

Sinovets P., Maksymenko I. The Baltic–Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect // *Baltic–Black Sea Regionalisms. Patchworks and Networks at Europe's Eastern Margins* / ed. by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 75–86.

Söderbaum F., Hettne B. The New Regionalism Approach // *Politeia*. 1998. Vol. 17. P. 6–21.

REGIONALISATION AND DEREGIONALISATION IN THE BALTIC AND THE BLACK SEA SUBREGIONS

TOWARDS A UNITED SECURITY REGION?

VLADISLAV VOROTNIKOV

EVGENI PANKOV

DENIS NESTEROV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article dwells on the transformation of the Baltic and Black Sea security regions. It looks at these processes through the prism of the Regional security complex theory (RSCT) and Russian regional security studies of (Tatiana V. Yuryeva) and puts the issue in the context of the deteriorating relations

The research was financed by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/>

between Russia and the West after 2014. The transformation of the two security regions is considered as a combination of two opposing trends: regionalization and deregionalization. The theoretical novelty of the study lies in the fact that the findings of the Copenhagen School of IR theory and RSC theory are refined taking into account the changes that occurred after the publication of Buzan and Weaver's *Regions and Powers: The Structure of International Security* (2003). As a result, the positions of the Baltic states and Turkey are critically revised, and attention is drawn to the formation of new institutionalized ties between the Baltic and Black Sea states in the field of security. The article examines trends that contribute to the formation of a unified Baltic–Black Sea security region, as well as factors that hinder this process. In this regard, the approaches of key players to region-building in the Baltic and Black Sea areas are analyzed, as the transformation of regional institutions is seen as the main indicator of regionalization and deregionalization. The study also uses the periodization method and comparative approach and critically analyses doctrinal sources.

Keywords:

Copenhagen school, security, Ukrainian crisis, regional security complex, security region, Baltic region, Black Sea region

References

Aliboni R. (2006) Globalization and the Wider Black Sea Area: Interaction with the European Union, Eastern Mediterranean and the Middle East. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 157–168. DOI: 10.1080/14683850600694221

Aydin M. (2005) Europe's new region: The Black Sea in the wider Europe neighbourhood. *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 5. No. 2. P. 257–283. DOI: 10.1080/14683850500122943

Aydin M. (2005) Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions. *Perceptions*. Vol. 10. No. 3. P. 57–83.

Barrinha A. (2013) The Ambitious Insulator: Revisiting Turkey's Position in Regional Security Complex Theory. *Mediterranean Politics*. Vol. 19(2). P. 165–182.

Baykov A.A. (2010) Bibliografiya sravnitel'noy integratsii v 2000-kh godakh [Bibliography of Comparative Integration in the 2000s]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. Vol. 8. № 1(22). P. 58–73.

Belukhin N.E., Vorotnikov V.V. (2024) Uroki baltiyskogo napravleniya vneshney politiki stran Severnoy Yevropy v 1989–2004 gg.: aktual'nyye paralleli [The Lessons of Nordic States' Foreign Policy in the Baltic Region 1989–2004: Relevant Analogies]. *Comparative Politics*. Vol. 15. № 3. P. 46–71. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-3-15-2.

Buzan B. (1983) *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books. 262 p.

Buzan B., Wæver O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 596 p.

Fawcett L. (2004) Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism. *International Affairs*. Vol. 80. No. 3. P. 429–446. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x

Gavrilova S.M. (2020) Chernomorskoye napravleniye politiki Yevrosoyuza i interesy Rossii [Black Sea Vector of the European Union's Policy and Russia's Interests]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. T. 7. № 4. C. 414–428. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-414-428

Hettne B. (1993) Neo-Mercantilism: The Pursuit of Regionness. *Cooperation and Conflict*. Vol. 28. No. 3. P. 211–32.

Hettne B., Söderbaum F. (2000) Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*. No. 5(3). P. 457–472. DOI: 10.1080/713687778

Hubel H. (2004) The Baltic Sea Subregion after Dual Enlargement. *Cooperation and Conflict*. Vol. 39. No. 3. P. 283–298. <https://doi.org/10.1177/0010836704045204>

Il'in M.V. (2009) Geokhronopolitika Balto-Chernomor'ya [Geochronopolitics of the Baltic-Black Sea Region]. *MGIMO Review of International Relations*. № 1(4). P. 49–57. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-49-57

Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021) Chernomorskiy region v konkurentsii geopoliticheskikh proyektov velikikh derzhav v 1991–2019 gg. [The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 21. № 3. P. 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516

Jæger Ø. (2000) Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States. *Peace and Conflict Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 18–36. DOI: 10.46743/1082-7307/2000.1009

Kaljurand R., Mälksoo M. (2009) *From De-Securitisation to Re-Securitisation. Sub-Regional Multilateralism around the Baltic Sea. Analysis*. International Center for Defence Studies.

Kern K. (2011) Governance For Sustainable Development in the Baltic Sea Region. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 42. No. 1. P. 21–35. DOI: 10.1080/01629778.2011.538517

Kosolapov N.A. (2010) Mezhdunarodnyy region i yego politicheskoye prostranstvo [The International Region and Its Political Space]. In: Strezhneva M.V. [ed.] *Transnatsional'noye politicheskoye prostranstvo: novyye real'nosti mezhdunarodnogo razvitiya* [Transnational Political Space: New Realities of International Development]. Moscow: IMEMO RAN. P. 23–37.

Maciejewski W. (2002) The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies. Uppsala: The Baltic University Press. 676 p.

Melvin N., Seskuria N. (2022) A New Security Order in the Black Sea. The Role of Georgia. London: RUSI. 20 p.

Paasi A. (2011) The Region, Identity, and Power. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 14. P. 9–16. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.011

Rusu D. (2011) Regionalization in the Black Sea Area: A Comparative Study. *Romanian Journal of European Affairs*. Vol. 11. No. 2. P. 47–65.

Sinovets P., Maksymenko I. (2020) The Baltic–Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect. In: Bogdanova O., Makarychev A. *Baltic–Black Sea Regionalisms. Patchworks and Networks at Europe's Eastern Margins*. Cham: Springer International Publishing. P. 75–86.

Söderbaum F., Hettne B. (1998) The New Regionalism Approach. *Politeia*. Vol. 17. P. 6–21.

Tsymburskiy V.L. (1998) Kak zhivut i umirayut mezhdunarodnyye konfliktnyye sistemy (Sud'ba baltiysko-chernomorskoy sistemy v XVI – XX vekakh) [How International Conflict Systems Live and Die (The Fate of the Baltic–Black Sea System in the 16th–20th Centuries)] // *Polis. Political Studies*. № 4. P. 52–73.

Tupota O.M. (2015) Rol' Chernomorskogo regiona v global'noy geostrategii SSHA (1991–2013 gg.) [The Role of the Black Sea Region in the United States Global Geo-Strategy in 1991–2013]. *Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology*. Vol. 1. № 4. P. 137–150.

Voronov K.V. (2003) Baltiyskaya politika Rossii: cherez stabil'nost' k dobrososedstvu [Russia's Baltic Policy: Through Stability to Good-Neighborliness]. *World Economy and International Relations*. № 9. P. 67–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-9-67-78

Vorotnikov V.V. (2016) Sovremennoye Sostoyaniye i perspektivy realizatsii proyekta Rail Baltica [The Present State and Prospects for Realization of Rail Baltica Project]. *Journal of International Analytics*. № 2. P. 27–36. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-2-27-36

Vorotnikov V.V., Chekov A.D., Yakutova U.V. (2019) Proyekty regional'nogo stroitel'stva v Baltiyskom regione: naslediye mezhvoyennoy epokhi i sovremennaya dinamika [Region-Building in the Baltic Region: Legacy of the Inter-War Period and Modern Dynamics]. *Journal of International Analytics*. № 1–2. P. 52–64. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-52-64

Voskresenskiy A.D. (2019) Regionalizm kak paradigmа miroustroystva [Regionalism as a Paradigm of World Order]. In: Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.) *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology]. Moscow: Aspekt Press, 2019. P. 675–695.

Yuryeva T.V. (2010) Problemy regional'noy bezopasnosti: sovremennyy opyt Yevropy [Problems of Regional Security: The Case of Europe]. *MGIMO Review of International Relations*. № 6(15). P. 126–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-126-133

Zhil'tsov S.S. (2019) Politika Rossii v Chernomorskom regione: itogi i novyye vyzovy [Russian Policy in the Black Sea Region: Results and New Challenges]. *Post-Soviet Issues*. Vol. 6. № 2. P. 149–164. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-2-149-164

Atland K. (2021) Redrawing Borders, Reshaping Orders: Russia's Quest For Dominance in the Black Sea Region. *European Security*. Vol. 30. No. 2. P. 305–324. DOI: 10.1080/09662839.2021.1872546

ВОЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ НАТО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

АЛЕКСАНДР ПИВОВАРЕНКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Новые тенденции во внешней политике США дают основание обратиться к вопросу о роли европейских государств в процессе формирования милитаризующейся линии разграничения от Скандинавии до Чёрного моря. С февраля 2022 г. военно-политические процессы в Юго-Восточной Европе характеризуются умеренным сближением Франции и Италии, что можно рассматривать как следствие положений заключённого в 2021 г. Квиринальского договора. Анализ тенденций военного строительства и сопутствующих политических факторов позволяет определить ряд потенциально значимых издержек, способных затормозить координацию между европейскими поставщиками безопасности. К таковым можно отнести стремление европейских государств придерживаться умеренных темпов расширения сухопутных сил, проблемы организационно-штатной структуры боевых групп НАТО передового присутствия в Болгарии и Румынии, различное понимание внешнеполитических приоритетов Франции и Италии в зоне Большого Средиземноморья. Возникновение в марте 2025 г. так называемой коалиции желающих по инициативе Парижа и Лондона следует понимать не только как реакцию на открытие переговорного процесса между Вашингтоном и Москвой, но и как декларативное начало нового этапа милитаризации линии разграничения, в котором военно-политическая инициатива в большей степени будет принадлежать европейским членам НАТО. Углубление же взаимодействия между союзниками ставит вопрос о развитии многосторонних координационных форматов применительно к многонациональным боевым группам в Болгарии, Румынии, Словакии и Венгрии, возникшим в марте 2022 г. Можно выделить по меньшей мере четыре сценария развития многосторонних форматов, подразумевающих увеличение роли Испании, Турции, Великобритании или региональных государств, каждый из которых подразумевает индивидуальную расстановку акцентов в смысле оперативных взаимодействий, военного строительства и параметров задействования региональной военной логистики.

Ключевые слова:

ЕС; поставщики безопасности; Юго-Восточная Европа; Черноморский регион; военные учения; расширенное передовое присутствие; боевые группы НАТО; военное сдерживание

Введение

В статье рассматриваются аспекты функционирования и развития Многонациональных боевых групп НАТО (*NATO Multi-national Battlegroups*, МБГ, БГ) в Юго-Восточной Европе. Образование в 2016 г. батальонных тактических групп в странах

Балтии и Польше положило начало формированию разделительной линии между Россией и Западом. Появление в феврале 2022 г. аналогичных группировок в Болгарии и Румынии, а также Венгрии и Словакии, придало процессу милитаризации географическую завершённость [Громыко

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2025

Дата принятия к публикации: 31.07.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: apivovarenko@hse.ru

2023: 23]. Начавшийся в 2023 г. процесс эволюции группировок с уровня батальонной тактической группы до боевой единицы бригадного, а в перспективе – дивизионного и корпусного звена, знаменует начало нового этапа военного строительства, который будет осуществляться при большем участии европейских держав [Трунов 2024б: 183–185].

Сложившаяся ситуация привела к актуализации понятий «европейский регион» и «разделительная линия» на российском доктринальном уровне¹. Формирование разделительных линий находит свое отражение и в лексико-терминологическом аппарате политических элит: «новые линии Мажино» и «многолетнее сдерживание»². Метафора восточного вала даёт основания вернуться к понятию «Лимес», обозначающему цепь приграничных укреплений и военных гарнизонов, объединённых разлитой системой дорожного сообщения, что позволяло осуществлять экстренную переброску войск для устранения возникшей угрозы. Понятие, пришедшее из истории древнего Рима, достаточно емко характеризует тенденцию на формирование структурно связного функционального милитаризованного пространства [История Древнего Рима 2002: 225–226; Моммзен 1997: 42–43, 68–71].

В региональном измерении исторически близким примером является военная Граница Австрийской Империи (*нем. Militärgränze*). Появление долговременного фактора османской угрозы привело к изменению подходов к формированию вооруженных сил Габсбургами, отказавшихся от принципа сложносоставных феодальных коалиций в пользу централизованного военного строительства (основанного на регулярном налогообложении), что позволило уже в 1570-е годы создать посто-

янное войско в 22 тысячи человек, сопоставимое по численности с османскими силами по ту сторону границы [Ágoston 2010: 110–111, 119]. Непосредственным следствием этих преобразований стало привлечение к пограничной службе местных жителей приграничных районов Хорватии, Венгрии и северной Сербии, получавших за это некоторые социальные и статусные привилегии [Костяшов 1997: 20, 89, 180].

Сегодня линия разграничения сместились заметно восточнее. Однако обращение к данным примерам через призму структурно-функционального подхода позволяет конкретизировать предмет исследования и сосредоточиться прежде всего на аспекте формирования сухопутных многонациональных военных контингентов. В отличие от французской школы, рассматривающей структуры как статические категории [Парэн 1998: 223], американский подход акцентирует внимание на аспектах адаптации к внешним условиям [Парсонс 1998: 12–13]. На этом основании ключевым становится вопрос предпосылках повышения оперативной совместимости между союзниками по НАТО.

Представляется важным рассмотреть и те обстоятельства, которые, напротив, могут препятствовать развитию кооперационных тенденций между государствами-поставщиками безопасности и государствами-реципиентами. Или способствовать усложнению структур военного присутствия в смысле функциональных задач и странового участия в их комплектовании. Прикладные методы, в частности, анализ трендов и анализ конкурирующих гипотез, использовались для систематизации значительного объема слабоструктурированных данных, что отвечает канонам военно-

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации // МИД РФ. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.02.2025).

² Алексеева-Карневали О. Контуры миропорядка будущего // Российский совет по международным делам. 05.12.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/kontury-miroporyadka-budushchego/> (дата обращения: 07.10.2023); Полетаев С. О развиликах и тутиках // Россия в глобальной политике. 30.08.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-razvilkah-i-tupikah/> (дата обращения: 07.10.2023).

политического анализа [McGlynn, Godfrey 2019: 141–143, 158]. Ограничения исследования обусловлены точностью данных, поступающих из зарубежных источников общей и военно-политической направленности, а также социальных сетей, что подразумевает особое внимание к верификации данных.

Необходимо внести ряд принципиальных уточнений, касающихся предмета исследования. Отправной политико-географической категорией выступает понятие «Юго-Восточная Европа», к которому можно отнести до 12 территориально-политических образований. Оно идентично собирательному понятию «Балканы», сохраняющему значение в классической западноевропейской политико-географической традиции³. Данная трактовка является более предпочтительной по сравнению с распространённым термином «Западные Балканы», исключающим из рассмотрения Болгарию и Румынию.

Следует также обратить внимание на фигурирующее в специализированной литературе [Шестопалов, Борисенков 2023: 4] разделение на так называемые Зоны военного сдерживания (ЗВС), в соответствии с которыми приоритет отдаётся географическому и инфраструктурному факторам, а не государственным границам. На этом основании объект исследования может быть соотнесён с центральной частью ЗВС «Южная Европа и Черноморский регион» и северной частью зоны «Средиземноморский регион». С точки зрения военного развертывания ареал этой ЗВС соответствует расположению Многонациональных боевых групп НАТО в Болгарии, Румынии, Словакии и Венгрии, созданных в 2022 г. после начала СВО на Украине, но также не исключает страны Западных Балкан, чьи контингенты размещены как в юноевропейских, так и в польско-прибалтийских МБГ.

Данное расположение имеет под собой основания, если принимать во внимание тенденции развития милитаризирующейся транспортной инфраструктуры. В южноевропейскую ЗВС включаются страны, пролегающие по пути следования Панъевропейских коридоров V, VI и X, включая Австрию и Сербию, а также связующую их Венгрию. Указанные коридоры по состоянию на 2025 г. проходят модернизацию как автомобильных, так и железнодорожных коммуникаций. Румынско-болгарская часть Балкан во многом соответствует контурам транспортного коридора «Балтийское – Чёрное – Эгейское море» и Панъевропейского коридора VIII [Мелоян 2025: 64–65]. Таким образом, особенностью южноевропейской ЗВС является наличие группы малых, в том числе формально нейтральных, государств, которые напрямую не вовлечены в военное строительство, но приобретают важное логистическое значение. Этим данный регион отличается от прибалтийской ЗВС, где подобных тыловых зон не наблюдается.

Анализ военных взаимодействий подразумевает рассмотрение множества аспектов, касающихся морского и воздушного патрулирования, а также развертывания «жёсткой» инфраструктуры, включая комплексы противовоздушной обороны и кибербезопасности. Не претендуя на полное раскрытие данных сюжетов, отметим, что начатые в середине 2010-х гг. европейскими странами процессы стратегической ребалансировки, заключающейся в наращивании потенциала в регионах, географически близких к границам России [Иванов 2024: 19–20], постепенно дают результаты. В контексте балканского региона это выражается в развитии тренда на трансрегиональность, что проявляется в таких аспектах, как страновой состав участников проектов в формате Европейского оборонного фонда и *PESCO*, география военных учений⁴ и оперативное

³ Balkans // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Balkans> (accessed: 03.07.2025).

⁴ В 2023–2024 годы только на территории Хорватии состоялось 14 военно-тренировочных мероприятий с участием ВС США, а также 17 – с участием европейских стран, включая Испанию и Грузию. За 2 года хорватские военнослужащие приняли участие в учениях в 24 странах мира: чаще

подчинение вводящихся в строй военных объектов⁵.

Возвращаясь на стратегический уровень, обратим внимание на наличие тенденции к расхождению по вопросам развития военной промышленности между Францией, выступающей за усиление роли европейского ВПК, и Германией, более открытой к импорту технологичных вооружений из стран, не входящих в ЕС [Тимофеев, Хорольская 2024: 141, 147]. Отказ Франции, Италии, Венгрии и Чехии от закупок американских вооружений в июле 2025 г. подчёркивает линию на развитие европейской военной промышленности, в том числе в рамках консорциума *Eurosam*. Необходимо также отметить стремление Рима к развитию технологического сотрудничества с Турцией и США в сфере авиакосмических технологий. Приобретение в январе 2025 г. турецкой корпорацией *Baykar* итальянской *Piaggio Aerospace*, как и потенциальное партнёрство *Baykar* с машиностроительным холдингом *Leonardo*, может быть рассмотрено как в контексте анонсированного в 2024 г. присоединения Турции к программе «Европейский небесный щит», так и в качестве определённого опровержения французской линии на согласование военно-технической политики в рамках ЕС.

Таким образом, тенденция к трансрегиональности проявляется сразу в нескольких аспектах военного строительства. При этом, несмотря на согласование рамочных общеблоковых установок, могут сохраняться заметные расхождения, в частности, в сфере военной промышленности.

Разрешение данных дилемм требует более внимательного отношения к тенден-

циям военного строительства на «низовом» уровне, что и определяет предмет исследования. Следующие два раздела посвящены характеристике общих тенденций развития Многонациональных боевых групп НАТО (*NATO Multinational Battlegroups*, МБГ). Будут определены факторы, способствующие усилению военно-политических взаимодействий между Францией и Италией, «рамочными государствами» БГ в Румынии и Болгарии, а также факторы, потенциально ведущие к ослаблению координации. Далее будут рассмотрены аспекты развития военно-политических координационных форматов, а также возможные сценарии их перехода с двустороннего на многосторонний уровень. В заключении обобщаются ключевые результаты, а также выдвинуто предположение о дальнейшем развитии военно-политических конфигураций в рамках всей линии сдерживания.

Эклектичность и трансрегиональность: европейские страны и комплектование БГ НАТО

С 2023 г. эволюция постоянно действующих группировок ОВС НАТО характеризуется внедрением так называемой новой модели вооруженных сил (*New NATO Force Model, NNF*), в соответствии с которой войска первой категории (100 тыс. человек) должны быть приведены в состояние боевой готовности в 10-дневный срок, а второй категории – в период от 10 до 30 дней [Иванов 2024: 24]. Данная концепция пришла на смену Силам быстрого реагирования (*NATO Response Force, NRF*), чья организационная модель заключалась в совершенствовании принципа формиро-

всего в Германии (13 раз), Польше (11) и Румынии (4). Посчитано автором на основе: *Vlada usvojila Plan vježbi za 2023* // Obris.org. 03.02.2023. URL: <https://obris.org/hrvatska/vlada-usvojila-plan-vjezbi-za-2023/> (дата обращения: 05.12.2024); *Plan vježbi u 2024. – rekordan broj obuka i vježbi* // Obris.org. 25.01.2024. URL: <https://obris.org/hrvatska/plan-vjezbi-u-2024-rekordan-broj-obuka-i-vjezbi/> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵ То же самое можно сказать и в отношении военной инфраструктуры зоны Средиземноморский региона. В частности, на открытии в марте 2024 г. авиабазы НАТО «Кучова» в центральной Албании присутствовал командующий Комбинированного центра управления воздушными операциями в Торрехоне (Испания), что вероятно говорит о характере подчинённости албанского военного объекта. См.: *NATO funding allows Albania to officially re-open Ku ova Airbase* // European Security & Defence. 04.03.2024. URL: <https://euro-sd.com/2024/03/major-news/36867/albania-reopens-kucova-airbase/> (accessed: 12.10.2024).

вания многосторонних (многонациональных) воинских частей и соединений при постепенном сокращении численности вооружённых сил. Исследователи выделяют два принципа ротационного комплектования: 1) передача в состав группировки НАТО конкретного соединения национальных вооружённых сил целиком или большей его части и 2) делегирование в состав формирований НАТО отдельных компонентов частей и соединений (в том числе небольших подразделений) при сохранении соединения в распоряжении национальных ВС [Трунов 2024б: 182–183].

Примером комплектования первого типа являются Союзные силы реагирования (*Allied Reaction Force, ARF*)⁶, позиционирующиеся как многодоменная боевая единица, состоящая из шести компонентов, четыре из которых (сухопутный, морской, силы специальных операций и военно-воздушные силы) предоставляются конкретной страной, а ещё два (космический и киберпространственный) создаются как общеблоковые структуры. Анализ странового представительства позволяет констатировать, что новый формат является прерогативой Италии, Испании, Великобритании и Турции, обеспечивающих функционирование четырёх доменов ротационным образом.

Комплектование по второму принципу осуществляется на основе Многонациональных боевых групп НАТО, представляющих собой наземный компонент Сил передового присутствия (*Forward Presence Force, FPF / Forward Land Force, FLF*). Зарубежные исследователи склонны расценивать МБГ НАТО как отдельный структурный компонент, концентрируясь на аспектах слаживания (интеграции) внутри боевых групп [Motacki 2024: 109–110; Lanoszka, Hunzeker 2023: 96–97 9–10] и взаимодей-

ствия поставщиков безопасности со странами-реципиентами [Palavetis 2025]. В российских исследованиях боевые группы рассматриваются скорее в общем контексте процессов внутри НАТО [Бартош 2023].

В 2022–2024 годы ориентировочная численность каждой из восьми боевых групп, расположенных в балтийской и южной зонах сдерживания, колебалась в диапазоне 800–1200 человек. С началом размещения в 2025 г. пятитысячного контингента ВС ФРГ в Литве был запущен процесс реорганизации прибалтийских МБГ с уровня батальонной тактической группы (БТГ) до бригады, который будет осуществляться в 2025–2027 годы⁷. В случае реализации данного сценария следует допускать увеличение координирующей роли ФРГ на политическом и стратегическом уровнях [Трунов 2024б: 56]. Учитывая планомерное наращивание военного потенциала европейских стран, запланированное на ближайшие 5–8 лет [Шестопалов, Борисенков 2023: 7], в частности Франции [Чихачев 2024: 72–73], вполне логично допускать применение схожей модели и в южных БГ.

Особенность БГ южного сегмента заключается в том, что роль рамочных государств в них выполняют государства ЕС⁸. Они формируют основу группировки, обеспечивая, как правило, от 30 до 50% её совокупной численности, и одновременно осуществляют общее руководство.

Рассматривая страновой состав боевых групп южноевропейской ЗВС, мы можем обнаружить, что контингенты «рамочных» государств, а также ряда малых стран, могут быть дислоцированы в других БГ той же зоны сдерживания, в том числе в странах, непосредственно не граничащих друг с другом. На этом основании румынские контингенты размещены в БГ в Словакии, а хорватские военнослужащие – в Болгарии

⁶ Пришли в 2024 г. на смену Силам быстрого реагирования (*NATO Response Force, NFR*).

⁷ Tarociński J. NATO brigades in the Baltic states: new chapters in the long march toward deployment // Centre for Eastern Studies. 23.10.2024. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2024-10-23/nato-brigades-baltic-states-new-chapters-long-march-toward> (accessed: 05.11.2024).

⁸ В боевых группах балтийской ЗВС «рамочными государствами» выступают США (в Польше), Великобритания (в Эстонии), Канада (в Латвии), Германия (в Литве).

Таблица 1
Перекрестные дислоцирования в БГ ЗВС «Южная Европа и Черноморский регион»

Контингент усиления	Боевая группа и дата усиления	Характер усиления
Италия	Венгрия (с марта 2022 года)	300 чел., 73 ед. техники (июль 2025 года)
	Болгария (с сентября 2022 года)	750 чел., 176 ед. (декабрь 2024 года)
Испания	Румыния (с октября 2024 года)	Рота 3-й бригады морской пехоты (200–250 чел., 40 ед., июнь 2025 года)
	Словакия (с января 2024 года)	800 чел., 250 ед. (сентябрь 2025 года)
Хорватия	Венгрия (с июля 2022 года)	64 чел. (август 2025 года)
	Болгария (с марта 2023 года)	Группа операторов БПЛА, снайперы
Румыния	Болгария (с 15 января 2025 года)	ок. 150 чел. (подразделение военной разведки, январь 2025 года)
	Словакия (с 15 января 2025 года)	ок. 150 чел. (противотанковое подразделение, январь 2025 года)

Источник: составлено автором по открытым данным.

(табл. 1). Такой перекрёстный принцип дислоцирования представляется фактом, формирующим предпосылки для повышения координации между рамочными государствами и странами, размещающими контингенты, по мере решения практических задач, связанных с боевой подготовкой, приемом и транспортировкой войск, военно-дипломатическими и правовыми вопросами, прочими аспектами деятельности воинских частей и подразделений (табл. 2).

Рамочной надстройкой в южноевропейской ЗВС выступает Многонациональный корпус «Юго-Восток» (МнК, *Multinational Corps South-East*), образованный в 2020 г. со штаб-квартирой в румынском городе Сибиу. Основным соединением является дивизия «Юго-Восток» (МнД, *Multinational Division South-East, MNDSE*), образованная в сентябре 2015 г. со штаб-квартирой в Бухаресте. Её компонентом является одноименная бригада (*Multinational Brigade South-East*) со штабом в городе Крайова, формируемая на основе воинской части из Румынии.

Следует остановиться на вопросе о географической ориентированности Многонациональной дивизии «Центр» (МнД, *Multinational Division Centre*) образованной в 2016 г. со штаб-квартирой в городе Секешфехерва. Номинально к ней можно отнести боевые группы в Словакии и Венгрии, развитие которых в 2022–2023 годы осуществлялось не так активно. Тем не менее проведение в ноябре 2023 г. на территории Венгрии учений *Adaptive Hussars-2023* с привлечением 5 тыс. военнослужащих из США, Венгрии, Турции, Италии и Хорватии⁹ и объявление 10 февраля 2025 г. о достижении штабными структурами МнД «Центр» полного уровня оперативной готовности¹⁰ дают основания считать, что развитие организационно-штатной структуры МБГ в Венгрии и Словакии осуществляется последовательно и, возможно, с некоторым повышением интенсивности тренировочных мероприятий.

При этом вопрос об оперативном значении БГ в Венгрии и Словакии (и вместе с этим МнД «Центр») требует дальнейшего

⁹ Самых крупных за последние 30 лет на территории Венгрии.

¹⁰ Headquarters Multinational Division Centre reaches Full Operational Capability // Defence.hu. 11.02.2025. URL: <https://defence.hu/news/headquarters-multinational-division-centre-reaches-full-operational-capability.html> (accessed: 15.02.2025).

Таблица 2
Тенденции военного и политического присутствия в Юго-Восточной Европе
и их соответствие гипотезам исследования

Ключевые факторы и тенденции	Кооперационные тенденции	Факторы дезорганизации
Политические тенденции		
Возникновение координационного совета «2+2» в рамках Квиринальского договора	+	
Синхронное подписание Францией, Италией и Румынией соглашения с Украиной о сотрудничестве в области безопасности	+	
Общность политico-стратегических приоритетов Франции и Италии (в т.ч. в области ВПК)	+	
Различное понимание Францией и Италией приоритетов присутствия в субрегионах Большого Средиземноморья		+
Идеологическое сближение Польши и Румынии и наличие собственных двусторонних координационных механизмов	+	
Неопределенность в области привлечения третьих государств к механизмам координации в южноевропейской ЗВС		+
Развитие координационных механизмов Франция – Великобритания – Италия	+	
Развитие стратегического взаимодействия Италия – Турция	+	+
Тенденции военного сотрудничества		
Перекрестный принцип дислоцирования в южноевропейской ЗВС	+	
Более интенсивный характер военных учений в БГ в Болгарии и Румынии, чем в Словакии и Венгрии		+
Достижение полной оперативной готовности БГ в Болгарии (30.11.2024), а также штабных структур МинД «Центр» (10.02.2025)	+	
Неясность оперативной принадлежности МинД «Центр»		+
Сложносоставной характер БГ в Румынии и трансформирующийся характер БГ в Болгарии		+
Отказ малых стран присоединиться к французской инициативе по формированию совместных миротворческих контингентов (17.02.2025)		+
Преимущественно замкнутый характер военных учений в боевых группах в 2023–2024 годы. Проведение серии крупных смешанных учений в 1-й пол. 2025 г.	+	+
Низкая представленность Италии в штабной структуре МинД и МинД «Юго-Восток»		+

Источник: составлено автором.

уточнения. В ходе учений *Valiant Lynx*¹¹, проходивших с ноября по декабрь 2024 года, где отрабатывалась переброска командного пункта испанской дивизии быстрого реагирования НАТО (*NRDC-SP*) и его взаимодействие со штабом Министерства обороны «Центр», были активно задействованы логистические линии прибрежной и центральной Хорватии, входящие в систему Панъевропейского коридора V. Принимая во внимание тот факт, что с июля 2024 г. рамочным государством БГ в Словакии является Испания (сменившая в данном качестве Чехию), можно обнаружить определенный дуализм между «южноевропейским» акцентом боевой группы в смысле странового состава¹² и «центральноевропейской» ориентированностью в области военной логистики.

На этом основании уместно поставить вопрос об оперативном значении Министерства обороны «Центр», в частности о том, следует ли её рассматривать как интегральную часть Министерства обороны «Юго-Восток» с узким набором функций. Вполне возможно происходит усложнение имеющейся структуры с выделением самостоятельного компонента с собственным оперативным назначением. Задействование логистического маршрута, начинающегося в портах хорватской Адриатики, как промежуточного звена между портами Западного Средиземноморья и пунктами назначения в Центральной и Юго-Восточной Европе подчеркивает принцип трансрегиональности, о котором говорилось в начальном разделе статьи.

Более активно в 2022–2024 годы боевая подготовка велась в Румынии и Болгарии, где рамочными государствами выступали Франция и Италия соответственно. Обе

причерноморские боевые группы характеризует широкий состав участников и сложносоставная композиция. Прежде всего речь идёт о БГ в Румынии, ядром которой выступает объединённый батальон ВС Франции: в его составе существует сводное подразделение из пяти полков (92-й пехотный, 12-й танковый, 13-й инженерный, 40-й и 1-й артиллерийский)¹³, а также два подразделения из стран Бенилюкса, ротация между которыми осуществляется поочерёдно по страновому принципу.

Как показывает сетевой и хронологический анализ военных учений в рамках МБГ в Румынии, с января 2024 г. наблюдается тенденция к выстраиванию взаимодействия между контингентами Польши, Португалии и Румынии, которые в ходе учений с 1 января 2024 г. по 1 марта 2025 г. взаимодействовали друг с другом 20, 22 и 24 раза соответственно в двустороннем, трёхстороннем и многостороннем форматах (рис. 1). Интенсивность этих контактов сопоставима с сегментом «Франция – Бельгия – Люксембург». Представленная на рисунке 2 структура связей неполно отражает характер задействования контингента из Испании, разместившегося в Румынии в октябре 2024 года, но можно полагать, что по мере вовлечения в тренировочный процесс присутствие испанских военнослужащих станет более значимым.

В декабре 2024 г. в ходе переговоров Д. Туска и Э. Макрона в Варшаве была озвучена инициатива о формировании совместной группировки «миротворческих сил» для размещения на Украине в случае прекращения боевых действий¹⁴. Контингенты Франции и Польши взаимодей-

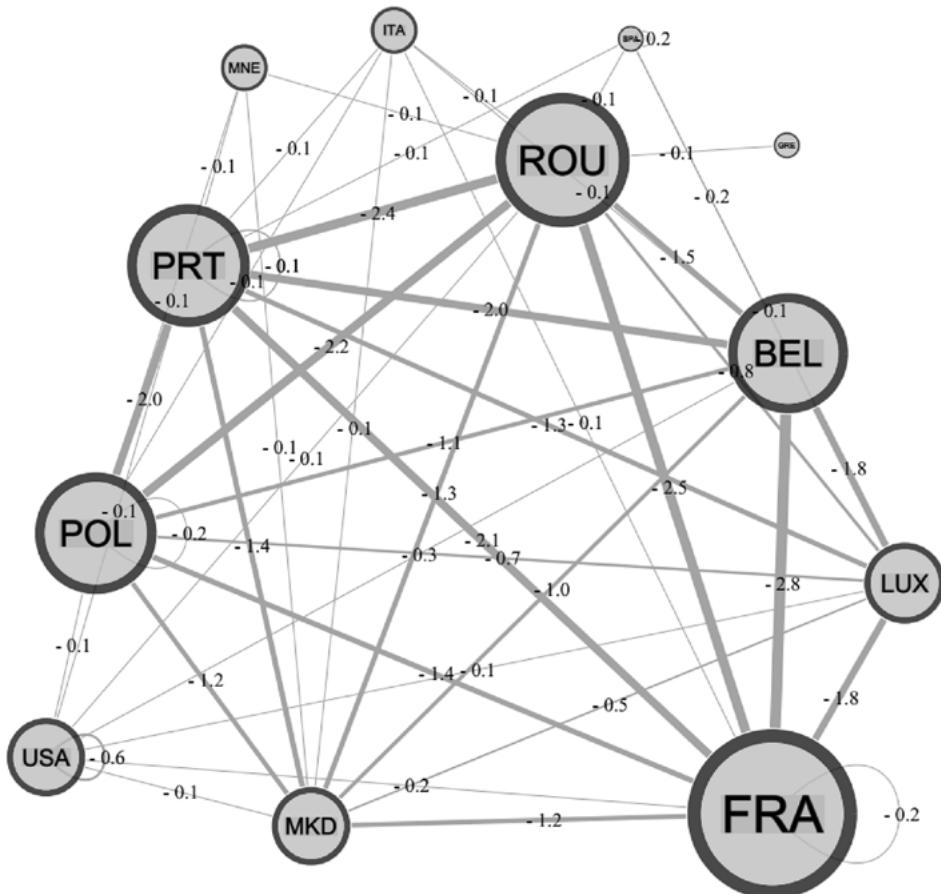
¹¹ NATO vježba „VALIANT LYNX 24“: Vojna oprema prevozi se iz zadarske luke Gaženica do poligona u Slunju // Klikni.news. 21.10.2024. URL: <https://klikni.news/aktualno-news/2024/10/21/nato-vjezba-valiant-lynx-24-vojna-oprema-prevozi-se-iz-zadarske-luke-gazenica-do-poligona-u-slunju/> (дата обращения: 14.01.2025).

¹² Комплектуется контингентами Испании, Португалии, Румынии, Словении, Чехии и Словакии. с.

¹³ Mission Aigle (Romania). Press kit. June 2024. P. 9. // Defense.gouv.fr. URL: https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/operations/20240219_CABCEMACOM_DP_AIGLE_UK_.pdf (accessed: 16.10.2024).

¹⁴ France, Poland to discuss Ukraine peacekeeping force // Politico. 11.12.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/france-emmanuel-macron-poland-donald-tusk-to-discuss-ukraine-peacekeeping-force/> (accessed 11.12.2024).

Рисунок 1
Военные учения в рамках румынской МБГ, интенсивность взаимодействий контингентов разных стран

Примечание: толщина рёбер и их направленность отражают количество совместных участий в военных учениях; 1 эпизод = 0,1 балла; 2,5 эпизода = 25 участий. Факт одних трёхсторонних учений Франции, Польши и Северной Македонии (FRA – POL – MKD) означает, что каждая из трёх сторон получает 0,1 балла.

Источник: составлено автором по открытым данным.

ствовали достаточно интенсивно в рамках румынской БГ, что допускало возможность создания совместного формирования батальонного или ротного звена. Однако итоги Парижского экстренного саммита 17 февраля 2025 г. и заявление Д. Туска об «отсутствии намерений» оказывать пря-

мую военную поддержку¹⁵ дают основания допускать альтернативные варианты развития организационно-штатной структуры. В частности, возможен вариант создания группировки на польско-румынской основе с привлечением поддерживающих контингентов из Северной Македонии,

¹⁵ Poland will not send troops to Ukraine, says PM Tusk // Reuters. 17.02.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/poland-will-not-send-troops-ukraine-says-pm-tusk-2025-02-17/> (accessed: 19.02.2025).

Португалии или Испании, которые также активно взаимодействовали друг с другом. В контексте проходивших в феврале–марте 2025 г. экстренных саммитов ЕС можно предположить, что отсутствие слаженных войсковых единиц – за исключением компонента «Франция + Бенилюкс» – являлось дополнительным фактором, удерживающим Брюссель и, в частности, страны, комплектующие румынскую БГ, от поддержки французских инициатив по направлению в зону боевых действий международных вооружённых сил.

С осени 2022 г. боевая группа в Болгарии формируется из контингентов Италии (736 человек и 136 ед. бронетехники по данным на конец 2023 года¹⁶), Болгарии и группы малых балканских стран. В феврале 2024 года, когда в Болгарию прибыли подразделения 132-го танкового полка ВС Италии, было объявлено, что боевая группа достигла «начального уровня оперативной готовности», а 30 ноября, по итогам учений *Iron Strike*, был констатирован уровень «полной оперативной готовности»¹⁷ и завершение подготовительных мероприятий по её повышению до бригадного уровня. В масштабе всего региона боевая группа в Болгарии отличается наименее географически диверсифицированным составом участников. Тем не менее набор комплексующих её стран уже несколько раз расширялся.

Так, с ноября 2023 г. в учениях стали принимать участие военные из Греции. С марта 2024 г. в составе боевой группы

значится Хорватия (группа операторов БПЛА и снайперы), а в ноябре 2025 г. была анонсирована отправка военнослужащих из Словении (20 чел.)¹⁸. Привлечение же к учениям с октября 2024 г. подразделений ВС Великобритании¹⁹ позволяет зафиксировать тенденцию к расширению странового состава и поставить вопрос о том, как будет развиваться организационно-штатная структура БГ в случае появления ещё одного контингента, сопоставимого по численности с итальянским.

Рассматривая данные аспекты в контексте перехода с уровня батальонной тактической группы до бригады, а в перспективе – дивизионному уровню, уместно поставить вопрос о темпах и характере боевого слаживания. В 2023–2024 годы боевая подготовка на региональном уровне²⁰ носила преимущественно замкнутый характер. Количество полноценных мероприятий смешанного состава – с привлечением компонентов из двух МБГ одновременно – не превышало 3–4 в год. При этом в ходе смешанных общевойсковых учений (*Dacian Strike*, *Ramstein Legacy*, *Scorpions Legacy*), проходивших на полигонах Румынии в весенне-летний период, из БГ в Болгарии, как правило, привлекалось подразделение не выше ротного и взводного звеньев.

Эклектичный состав, неопределенность внутренней структуры и ротационный принцип комплектования боевых групп говорят в пользу сохранения прежних темпов боевой подготовки. Тем не менее проведение уже в первой половине 2025 г.

¹⁶ Italian Army Report 2023. Р. 10, 34–35. // Office of Deputy Chief of Staff. URL: https://www.esercito.difesa.it/en/Documents/RE23_A4_ENG.pdf (accessed: 07.10.2024).

¹⁷ Missione Bulgaria, il Multinational Battle Group raggiunge la piena operatività // Esercito. 03.12.2024. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/Pagine/Missione-Bulgaria-il-Multinational-Battle-Group-raggiunge-la-piena-operativita.aspx> (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁸ Slovenian troops to be deployed to Bulgaria // The Slovenia Times. 12.12.2024. URL: <https://sloveniatimes.com/41903/slovenian-troops-to-be-deployed-to-bulgaria> (accessed: 16.01.2025).

¹⁹ The NATO Multinational Battlegroup in Bulgaria holds an exercise to repel an enemy attack // Bnr. bg. 29.10.2024. URL: <https://bnr.bg/en/post/102067282/the-nato-multinational-battlegroup-in-bulgaria-trains-to-repel-an-enemy-attack> (accessed: 30.10.2024).

²⁰ Наряду с этим, можно выделить трансрегиональный уровень: подразделения из обеих причерноморских БГ привлекались к оперативно-стратегическим учениям *Trojan Footprint* (март), *Ramstein Legacy* (июнь) и *Dynamic Front* (ноябрь), которые характеризовались широким страновым представительством и географией проведения – на полигонах от Финляндии и Германии до Румынии, Греции и Грузии.

представительных учений *Steadfast Dart*²¹ в Болгарии, Румынии и Греции (13 января–26 февраля) и *Dacian Spring*²² (5–23 мая) в Румынии может свидетельствовать об изменении годового цикла боевой подготовки и начале нового этапа с акцентом на взаимодействие между боевыми группами. О постепенном переходе к смешанному формату говорит и появление в составе МБГ в Болгарии подразделения из Румынии, которое в январе 2025 г. уже успело провести совместные учения с контингентами из Греции и Северной Македонии. В ходе учений *Steadfast Dart*, *Balkan Wall* и *Balkan Sentinel* были задействованы территории Греции и Болгарии, ранее использовавшиеся не так активно. Сопоставляя эти вводные со сценарием учений *Valiant Lynx* (см. выше), можно предположить, что акцент в этом случае также делался на действовании региональной логистики. Другой особенностью данных манёвров стал четырёхсторонний формат участников США – Италия – Болгария – Румыния, а также позиционирование МинД «Юго-Восток» как главной командной структуры, что подтверждает тезис о межгрупповом слаживании.

Рассматривая американское присутствие в регионе, следует подчеркнуть различие в имеющихся оценках: в одном случае акцентируется внимание на восстановлении численности американских вооружённых сил в Европе до уровня 2005 года. (100 тыс. человек) [Иванов 2022: 10], пере-

мещении складов и штабов из Германии в Восточную Европу и задействовании всей новых военных объектов в Скандинавии, Польше и Румынии²³. Согласно другим оценкам, присутствие США носит «политический, а не стратегический» характер [Кривопалов 2024: 31–32], что означает постепенное перекладывание на европейских союзников бремени военного строительства [Алешин 2024: 196–197].

Точки опоры Соединённых Штатов восточнее р. Одер являются Польша (11 тыс.), Румыния (4–4.5 тыс.), и отчасти Болгария²⁴, где на ротационной основе расположены отдельные воинские части, а также Греция, где ВС США имеют доступ по меньшей мере к 6 военным объектам²⁵. Сопоставляя эти вводные с американским присутствием в формате МБГ НАТО, необходимо подчеркнуть, что США выполняют рамочные функции исключительно в МБГ в Польше, комплектуя другие БГ номинально на общих началах. Возможно, именно институциональная надстройка в виде формата МБГ даёт возможность Вашингтону реализовать идею гибкой вовлечённости, заключающуюся в регулировании численности собственных вооружённых сил и стимулировании вовлечённости контингентов государств-членов ЕС [Трунов 2023: 120]. Определённое подтверждение этой гипотезы наблюдается в Западном Причерноморье в 2022–2024 годы, где Вашингтон вёл «активное заигрывание» [Демидов 2024: 118–119] с Румынией, в то время как

²¹ К манёврам на полигонах Болгарии, Румынии и Греции было привлечено более 10 тысяч военных, 1,5 тыс. единиц бронетехники и 17 боевых кораблей из девяти стран. В тех же учениях 2024 г. было задействовано всего 2200 человек. См. например: NATO's largest exercise of the year, *Steadfast Dart 25*, begins – the first under the leadership of the new ARF // Czech Army and Defence Magazine. 13.01.2025. URL: <https://www.czdefence.com/article/natos-largest-exercise-of-the-year-steadfast-dart-25-begins-the-first-under-the-leadership-of-the-new-arf> (accessed: 16.01.2025).

²² К манёврам в Румынии привлечено около 4 тыс. военных и 913 ед. бронетехники из 10 стран.

²³ В частности, базы «Михаэл Когэлничану» (г. Констанца), которая с начала 2020-х годов активно реконструируется. См.: Зверев Ю.М. Наращивание и модернизация вооруженных сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области: информационно-аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. С. 23–25.

²⁴ В 2023 г. в Румынии дислоцировались подразделения 101-й воздушно-десантной дивизии, а с лета 2024 г. – 3-й бригады 10-й горнострелковой дивизии. В декабре 2024 г. в Болгарии началась ротация батальона из состава 1-й бронетанковой дивизии ВС США (пункт постоянной дислокации – Форт Блесс, г. Эль-Пасо), который сменил батальон из состава 4-й пехотной дивизии.

²⁵ Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. Доклад Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ. М.: 2024. С. 66–67.

Болгария с запозданием стала получать военную технику согласно законтрактованным объёмам, а американский контингент был размещён по остаточному принципу²⁶. Отсюда следует, что активизация или, напротив, минимизация двустороннего военно-технического сотрудничества становится инструментом ротации сателлитов с целью экономного распоряжения собственными ресурсами. При дальнейшем же анализе американского присутствия необходима точная оценка того, являются ли те или иные мероприятия, например, проведение двусторонних учений, индикатором смены приоритетов в субрегионе либо эпизодической акцией с целью демонстрации флага для поддержания политической лояльности в стране пребывания.

Представленный анализ позволил сформулировать ряд тезисов, каким образом может осуществляться развитие боевых групп южноевропейской ЗВС на этапе перехода от батальонной тактической группы на уровень бригадного и дивизионно-корпусного звена. Существуют некоторые аргументы в пользу сохранения размежевенного характера боевой подготовки, проистекающие из неясности внутренней организационно-штатной структуры. Вместе с тем по мере продолжения СВО на Украине следует допускать, что вопросы развития организационно-штатной структуры будут разрешаться, а функциональное предназначение дивизионных и корпусных структур – проясняться по мере насыще-

ния их войсками и проведения все новых военных маневров.

Эволюция координационных механизмов многонациональных боевых групп

Формат многонациональных боевых групп можно отнести к категории «устоявшихся» механизмов по контролю приграничных районов от Балтики до Чёрного моря²⁷, активно действующих с середины 2010-х гг.²⁸ и включающих в той или иной степени всех ключевых союзников США по НАТО [Тимофеев, Хорольская 2024: 144]. В последние же 3 года наблюдаются предпосылки к появлению новых координационных механизмов, развивающихся без участия США. Таковым, в частности, является формат «3+3»²⁹, появившийся в июле 2023 г. по линии министерств обороны ФРГ, Великобритании и Канады, которые являются рамочными государствами БГ балтийской зоны сдерживания. Следует также обратить внимание на принятый 28 мая 2025 г. новый стратегический подход ЕС по присутствию в Чёрном море³⁰. Наконец, с июня 2025 г. во французских военных и экспертных кругах фигурируют идеи о необходимости повышения оперативной совместимости штабов военно-морских сил европейских стран³¹. Нетрудно заметить, что ряд возникающих инициатив формулируется при участии Франции, стремящейся к замыканию на себя роли связующего звена между ЕС и НАТО [Чихачев 2024: 78].

²⁶ Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. Доклад Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ. М.: 2024. С. 23–25.

²⁷ Форматы *NATO Standing Maritime Group 1 и 2 (NSMG)*, внутри которых выделяется отдельная группировка противоминной борьбы.

²⁸ В воздушном пространстве – форматы *Baltic Air Policing Mission* и *Enhanced Air Policing (eAP) mission in the Black Sea region*. В морском пространстве – *NATO Standing Maritime Group 1 и 2 (NSMG)*, внутри которых выделяется отдельная группировка противоминной борьбы.

²⁹ 3+3 in the Baltic region: joining forces to protect NATO North Atlantic Treaty Organization's eastern flank // Federal Ministry of Defence. 10.07.2023. URL: <https://www.bmvg.de/en/news/3-plus-3-nato-in-the-baltic-region-5651270> (accessed: 10.12.2023).

³⁰ New EU strategy for secure, prosperous and resilient Black Sea region // European Commission. 28.05.2025. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/news/new-eu-strategy-secure-prosperous-and-resilient-black-sea-region-2025-05-28_en (accessed: 06.07.2025).

³¹ Platon D. La mer au cœur des intérêts stratégiques de l'Europe Un regard européen vers l'océan et ses défis // Schuman Paper № 794. 10.06.2025. URL: <https://fmes-france.org/la-mer-au-coeur-des-interets-strategiques-de-l-europe-un-regard-europeen-vers-locean-et-ses-defis/> (дата обращения: 10.07.2025).

На данный момент в южноевропейской ЗВС «Южная Европа...» не наблюдается формата, эквивалентного балтийскому. Но определённую основу для его возникновения может представлять заключённое между Парижем и Римом 26 ноября 2021 г. Квиринальское соглашение, основные положения которого касаются взаимодействия в области обороны и безопасности [Алексеенкова, Чихачев 2022: 36, 38]. Подписание соглашения стало непосредственным предвестником утверждения Франции и Италии в статусе рамочных стран в МБГ в Румынии и Болгарии. Уже 28 февраля 2022 г. в Румынию было направлено французское подразделение передового присутствия, размещение же основного контингента завершилось к 1 мая³². В середине августа 2022 г. в Болгарию прибыли подразделения итальянских сил³³, а 17 октября 2022 г. Италия официально вступила в командование боевой группой³⁴.

Непосредственным следствием Квиринальского договора стало возрождение двустороннего совета «2+2», в который входят министры иностранных дел и обороны. На ведомственном уровне отметим визит командующего сухопутными силами ВС Италии 24 апреля 2024 г. во Францию

для участия в конференции по вопросам Средиземноморья и консультаций со своим французским коллегой³⁵. В практическом отношении сближение выражается в возникновении программ стажировок для курсантов военных учебных заведений, проведении в 2024 г. в итальянских Альпах учений³⁶ горных спецподразделений Италии³⁷, Франции³⁸ и Румынии и ряде других аналогичных мероприятий. 16 и 24 февраля 2024 г. Италия и Франция подписали соглашение с Украиной о сотрудничестве в области безопасности, которое было дополнено аналогичным соглашением между Румынией и Украиной 11 июля 2024 г. Практически синхронное подписание соглашений – заметный признак развивающейся координации, постепенно переходящей в многосторонний формат.

Румыния является единственной точкой дислокации французских сил в Юго-Восточной Европе³⁹. Среди других элементов присутствия отметим группу военных в миссии KFOR в Косово (3 человека). А также открытие в декабре 2024 г. в Подгорице (Черногория) Центра кибербезопасности Западных Балкан (WB3C), работающего под французской эгидой. Взаимодействие с другими страна-

³² DOSSIER DE PRESSE. Aigle Roumanie // Ministère des Armées. Janvier 2023. URL: https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/operations/20230117_AIGLE_dossier-de-presse.pdf (дата обращения: 18.09.2024).

³³ Italians to arrive by mid-August to join Bulgaria-based Nato battle group // The Sofia Globe. 06.08.2022. URL: <https://sofiaglobe.com/2022/08/06/italians-to-arrive-by-mid-august-to-join-bulgaria-based-nato-battle-group/> (accessed 18.01.2025).

³⁴ Italy took the Role of Framework Country of the NATO Battle Group in Bulgaria // Novinite.com. 19.10.2022. URL: <https://www.novinite.com/articles/217122/Italy+took+the+Role+of+Framework+Country+of+the+NATO+Battle+Group+in+Bulgaria> (accessed: 18.01.2025).

³⁵ Il Capo di SME in Francia // Esercito. 24.04.2024. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/Pagine/Il-Capo-di-SME-in-Francia-240424.aspx> (дата обращения: 18.09.2024).

³⁶ First stage of "Volpe Bianca" exercise // Esercito. 25.01.2024. URL: <https://www.esercito.difesa.it/en/News/Pagine/First-stage-of-Volpe-Bianca-exercise.aspx> (дата обращения: 18.09.2024).

³⁷ Accordo Italia – Ucraina. P. VI. // Governo.it. 24.02.2024. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Accordo_Italia-Ucraina_20240224.pdf (дата обращения: 18.09.2024).

³⁸ Agreement on security cooperation between France and Ukraine. P. III. // Elysee.fr 16.02.2024. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2024/02/16/agreement-on-security-cooperation-between-france-and-ukraine> (accessed: 18.09.2024).

³⁹ Контингенты ограниченной численности могут быть найдены в МБГ в Литве и Эстонии, а также в Польше. Общая же численность французских военных, дислоцированных в Восточной Европе, оценивалась официальными источниками в 2 тыс. человек, из них большая часть – в Румынии. См.: Projet de loi de finances. Loi de programmation militaire (LPM) année 2 (2025). // Ministère des Armées. URL: <https://www.defense.gouv.fr/ministere/politique-defense/loi-programmation-militaire-2024-2030/projet-loi-finances-armees-2025-lpm-annee-2> (дата обращения: 12.03.2025).

ми в военной сфере сводится к продвижению французского военного экспорта: ключевыми получателями французской продукции выступают Румыния, Греция, а также Сербия и Хорватия. В случае с Сербией военно-техническое сотрудничество не ограничивается поставками истребителей «Рафаль» и систем РЛС. Существуют совместные проекты по разработке бронетехники между компаниями *Texelis* (Франция) и *Jugointerport* (Сербия)⁴⁰. Стержневой основой соглашения о стратегическом партнерстве, подписанного в сентябре 2021 г. между Францией и Грецией, является поставка трёх (а с сентября 2025 г. – четырёх) фрегатов класса *Belharra*, а также боевых самолётов⁴¹.

В период между мировыми войнами именно Париж формировал архитектуру безопасности в Юго-Восточной Европе, что нашло отражение в проектах Малой Антанты и Балканской Антанты (включавшей в себя Югославию, Румынию, Грецию, Болгарию и Турцию), ориентированных против Германии [Гибианский 2009: 275]. Сегодняшняя география французских региональных связей во многом соответствует этому ареалу, но политico-стратегическое наполнение в отличие от военно-технического пока остаётся скорее декларативным. Исходя из того, что доктринальная линия Парижа продолжает заключаться в развитии военно-политической интеграции в ЕС как «второй опоры» НАТО [Чихачев 2024: 93], следует допускать появление такой инициативы в некоторой перспективе, что позволило бы вовлечь во французскую парадигму страны региона, декларирующие свою нейтральность применительно к НАТО.

Устоявшиеся оценки региональной политики Италии сводятся к идее о приоритетном значении Адриатико-Ионического макрорегиона [Еремин 2023: 216]. Данная оценка вполне справедлива, принимая во внимание исторические закономерности ХХ века. Тем не менее появление представительного контингента в Болгарии – 736 человек и 176 единиц техники – позволяет констатировать расширение сферы интересов Рима вплоть до Западного Причерноморья. Заметным является участие в составе военно-стабилизационных миссий в Боснии и Герцеговине (168 чел.) и Косово, где итальянские военнослужащие занимают ключевые штабные должности, а совокупная численность итальянского контингента в Косово превосходит по численности группировку США⁴². Можно предположить, что задачи итальянских контингентов не в последнюю очередь связаны с обеспечением логистики в районе Отрантского залива в районе Албании (см. далее) и по пути следования Пань-европейского коридора VIII, заканчивающегося в районе болгарского побережья. Присутствие в других боевых группах южноевропейской ЗВС – в Венгрии (256; 73, 102 ед. бронетехники) и Словакии (144; 55)⁴³ также может быть связано с обеспечением безопасности коммуникаций – от портов северной Адриатики (Венеция, Триест, Риека) в направлении Центральной Европы. Защита коммуникаций представляется важной задачей в случае прибытия контингента усиления в состав миссии *EUFOR* в Боснию и Герцеговине в ходе «кризисного сценария», что предметно отрабатывалось в ходе учений *EUFOR Quick Response* в 2024 году⁴⁴.

⁴⁰ Greece to buy fourth *Belharra* frigate from France // Reuters. 17.09.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/greece-buy-fourth-belharra-frigate-france-2025-09-17/> (accessed: 19.09.2025).

⁴¹ *Texelis* Celebrates Longstanding Partnership with *Jugointerport* // European Security & Defence. 03.10.2023. URL: <https://euro-sd.com/2023/10/news/34409/texelis-jugointerport-partnership/> (accessed: 17.10.2023).

⁴² Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. Доклад Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ. М.: 2024. С. 150.

⁴³ Italian Army... P. 34–35.

⁴⁴ См. например: EUFOR “Quick Response” Exercise begins // Sarajevo Times. 24.08.2024. URL: <https://sarajevotimes.com/eufor-quick-response-exercise-begins/> (accessed: 05.09.2024).

В стратегическом отношении сближение Франции и Италии можно рассматривать как способ замедлить общий рост военных расходов и сохранить умеренные темпы наращивания численности сухопутных сил⁴⁵, не сильно отклоняясь от среднесрочных планов, принятых ещё до начала СВО на Украине [Чихачев 2024: 71–72]. Между тем существуют обстоятельства, препятствующие достижению полной координации между странами. С точки зрения внутриблоковой конъюнктуры они могут заключаться в противоречии между стремлением Парижа к замыканию на себя роли связующего звена между ЕС и НАТО и желанием Рима сохранить баланс между блоковыми установками, исходящими из Брюсселя и Вашингтона, и собственными интересами [Mediterranean Transitions 2024: 136–137].

В региональном измерении следует обратить внимание на различие приоритетов, связанных с присутствием вооружённых сил этих стран в близлежащих субрегионах. Кризис французского присутствия в Западной Африке и Сахеле, а также вывод военного контингента оттуда дают возможность Парижу направлять в восточноевропейский регион дополнительные силы без значительного увеличения экономических издержек. Это объясняет склонность Франции к направлению увеличенных сухопутных контингентов в Румынию

в рамках периодических учений *Dacian Spring* и *Dacian Fall*⁴⁶ и соответствует тенденции на повышение роли европейского направления в стратегическом целеполагании Франции [Чихачев 2024: 89]. Среди нетипичных, но заслуживающих внимания компонентов усиления «европейского вектора» отметим состоявшуюся в апреле 2024 г. сухопутную переброску контингента усиления в Боснию и Герцеговину (мотоизированный батальон и 70 ед. техники). Доставка техники осуществлялась железнодорожным способом через Швейцарию, что означает задействование новых логистических линий с выходом в западную часть балканского субрегиона⁴⁷.

В случае Италии следует согласиться с наблюдением, что итальянскому стратегическому целеполаганию присуще расширительное понимание собственных интересов, включающее сразу несколько субрегионов т. н. Большого (расширенного) Средиземноморья, охватывающего акватории от Красного моря до Гвинейского залива [Алексеенкова 2024: 34–35]. Наличие множества географических приоритетов объясняет фигурирующие в планах Министерства обороны Италии и в открытых источниках планы по расширению общей численности вооружённых сил Италии с 99 тыс. до 135 тыс. человек в период до 2033 года (изначально фигурировала цифра в 112 тыс.)⁴⁸. Возникновение у Ита-

⁴⁵ По данным *The Military Balance* за 2024 год, численность сухопутных сил ВС Франции составляла 113,8 тыс. человек, Италии – 94,3 тыс. См.: *The Military Balance 2024. The International Institute for Strategic Studies*. 2024. Р. 91, 107. По данным Министерства обороны Италии численность национальных сухопутных сил выросла до 99 тыс. человек. См.: *Italian Army Report 2023 // Office of Deputy Chief of Staff*. Р. 34–35. URL: https://www.esercito.difesa.it/en/Documents/RE23_A4_ENG.pdf (accessed: 21.02.2024).

⁴⁶ French military convoy crosses Switzerland for Bosnia peace operation // Swissinfo.ch. 08.04.2024. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/foreign-affairs/french-military-convoy-for-bosnia-peace-operation-crosses-switzerland/75309506> (accessed: 17.04.2024).

⁴⁷ В ходе учений *Dacian Fall*, которые пройдут с 20 октября по 13 ноября 2025 год, планируется задействовать подразделения 7-й бронетанковой бригады ВС Франции (ок. 2400 человек), что обеспечит большую часть военнослужащих, привлечённых в общей сложности. См.: Over 5,000 troops from ten NATO allied states to participate in DACIAN FALL 2025 // Agerpres.ro. 12.09.2025. URL: <https://www.euractiv.com/news/european-nato-allies-begin-to-brace-for-us-troops-posture-rethink/> (accessed: 19.09.2025).

⁴⁸ Italy Mulls Expanding Army by 40,000 Soldiers, Papers Say // Bloomberg. 09.03.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-03-09/italy-mulls-expanding-army-by-up-to-40-000-soldiers-papers-say> (accessed: 18.05.2025); *Italian Army Report 2023...* Р. 10, 34–35.

лии непосредственных интересов в Северной Африке, а также в Сахеле может объясняться необходимостью противодействия растущему российскому влиянию⁴⁹, но также подчеркивает наличие у Рима собственных интересов в регионах, оставляемых Францией. В данном контексте неготовность⁵⁰ Италии поддержать французские инициативы, выдвинутые в ходе экстренного саммита ЕС в Париже 17 февраля 2025 года, находит свое объяснение. С другой стороны, что более половины итальянских военных, представленных в зарубежных миссиях (2749 из 4686), дислоцированы в странах Европы⁵¹, что подчёркивает сохранение значимости европейского вектора и для Рима. Наращивание этих контингентов и появление новых стало бы индикатором повышения уровня взаимопонимания по линии «Италия – Франция».

Структура военных форматов в Юго-Восточной Европе позволяет обнаружить, что более активное взаимодействие осуществляется не между Римом и Парижем, а между Итальянской Республикой и другими государствами НАТО. Можно выделить несколько принципиальных вариантов перехода рассматриваемого двустороннего формата к модели многостороннего взаимодействия, каждый из которых допускает индивидуальную расстановку акцентов в случае оперативных взаимодействий и параметров задействования региональной военной логистики.

В соответствии с **первым сценарием**, возможным кандидатом видится Испания,

утверждающаяся в качестве рамочного государства в Словакии. С октября 2024 г. испанский контингент присутствует в МБГ в Румынии (см. табл. 1), а в декабре 2024 г. корпус НАТО быстрого развертывания «Испания» был задействован на учениях в Хорватии. Мадрид является важным участником нового формата Союзных сил реагирования и Корпуса быстрого развертывания НАТО в Италии, предоставляемого с 1 июля 2025 г. в его распоряжение военно-морские силы и силы специальных операций. Испания также является участником постоянной группировки НАТО *SNMG-2*, действующей в Средиземном и Чёрном море. Объявление в марте 2025 г. о масштабной программе по перевооружению и модернизации вооружённых сил⁵², вероятно, будет сопровождаться увеличением численности армии, что несколько расширит возможности для перераспределения сил между различными операционными направлениями. Присоединение Испании к французско-итальянскому формату также повысило бы определённость в отношении формирующейся МнД «Центр» и дало бы основания рассматривать её в качестве компонента МнК «Юго-Восток».

Второй сценарий может быть связан с большим вовлечением в координационные механизмы Турции. Начало 2025 г. сопровождалось оформлением турецко-итальянского партнёрства в военно-промышленной сфере. На политическом уровне итальянские эксперты заявляют о достижении «стратегической синергии»⁵³. Неод-

⁴⁹ *Licini A. The Misin Mission in Niger: an Opportunity for Italy* // *Instituto Analisi Relazioni Internazionali*. 29.03.2024. URL: <https://iari.site/2024/05/28/the-misin-mission-in-niger-an-opportunity-for-italy/> (accessed: 16.10.2024).

⁵⁰ *Sending Italian troops to Ukraine 'not on the agenda'* // *ANSA.it*. 25.02.2025. URL: https://www.ansa.it/english/news/2025/02/25/sending-italian-troops-to-ukraine-not-on-the-agenda_48bdbc15-a23d-4071-8977-c1b561d0ed15.html (accessed: 26.02.2025).

⁵¹ Помимо Болгарии, Боснии и Герцеговины и области «Косово» речь идет о Словакии, Венгрии, Патвии. См.: *Italian Army Report...* P. 10, 34–35.

⁵² *Czulda R. SITREP: The modernisation of Spain's land forces* // *ESD*. 12.05.2025. URL: <https://eurostd.com/2025/05/articles/44037/sitrep-the-modernisation-of-spains-land-forces/> (accessed: 12.06.2025).

⁵³ *Gianotta V. Strategic synergies: The growing Italy-Türkiye defense alliance* // *Daily Sabah*. 06.02.2025. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/strategic-synergies-the-growing-italy-turkiye-defense-alliance> (accessed: 07.02.2025).

нозначный характер отношений Парижа и Анкары способствует вероятному сближению последней с Италией в военно-промышленной сфере, что противоречит курсу на стратегическую гармонизацию непосредственно внутри ЕС. Тем не менее нормализация отношений между Турцией и Грецией, произошедшая в ноябре 2023 года, способствовала снижению напряжённости в связи с ситуацией в Восточном Средиземноморье⁵⁴.

Существующие стратегические дileмы не мешают развитию взаимодействий на оперативном уровне. С марта 2022 г. турецкий контингент фигурирует в составе МБГ в Венгрии, где также присутствует Италия, а заместителем командующего МНК «Юго-Восток» является генерал-майор из Турции. С июля 2025 г. Турецкая Республика предоставляет свои военно-воздушные силы в многонациональном формате Союзных сил реагирования. Допустимо предположение, что её привлечение к многосторонним форматам может стать способом «стабилизации» отношений и переориентации потенциала непредсказуемого союзника в направлении Черного моря, где при участии Турции с января 2024 г. развивается формат морской противоминной группы (*Mine Countermeasures Black Sea Task Force*)⁵⁵. Определённой уступкой в этом отношении видится терпимое отношение к появлению турецких вооружений в странах Балканского полуострова, в частности в Румынии, Северной Македонии и Албании [Пивоваренко 2024: 162–163]. Следует обратить внимание и на действия сухопутных сил:

обострение обстановки летом-осенью 2023 г. в Косово привело к переброске в зону напряжённости дополнительного турецкого контингента, осуществившего сухопутный переход через территорию Болгарии, что стало примером стирания номинальных блоковых границ ЕС в сценарии антикризисного реагирования, а также задействования коммуникаций Панъевропейского коридора VIII⁵⁶.

Третий сценарий связан с повышающейся ролью Великобритании. В феврале – сентябре 2022 г. Соединённое Королевство выступало координатором МБГ в Болгарии, после чего рамочные функции были переданы Риму. Временный уход из Болгарии не привёл к сворачиванию активности в других районах Балкан. В частности, по линии Итальянского корпуса НАТО быстрого развертывания (до 2024 г. – Союзные силы реагирования) в октябре 2024 г. проводились совместные военно-тренировочные мероприятия британских и итальянских подразделений в Албании и в районе Отрантского залива⁵⁷. Проведение масштабных маневров *Steadfast Dart* (с 13 января по 26 февраля 2025 года) в Румынии, Болгарии и Греции с задействованием представительного британского контингента (2600 военнослужащих и 730 единиц техники) подчёркивает сохраняющуюся вовлечённость в оперативные взаимодействия с уклоном на задействование логистических коммуникаций «юг-север», начинаяющихся в частности от портов Александруполя и Салоники. Возникновение в июле 2025 г. инициативы по увеличению англо-французского экспедиционно-

⁵⁴ Исламов Д.Р. Турция и Греция: мораторий на обострение // Российский совет по международным делам. 21.12.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-i-gretsiya-moratoriya-na-obostrenie/?phrase_id=127480942 (дата обращения: 25.07.2024).

⁵⁵ Bulgaria, Romania, Turkey join forces for Black Sea mine countermeasures coalition // Breaking Defense. 11.01.2024. URL: <https://breakingdefense.com/2024/01/bulgaria-romania-turkey-join-forces-for-black-sea-mine-countermeasures-coalition/> (accessed: 18.09.2024).

⁵⁶ Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. Доклад Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ. М.: 2024. С. 86.

⁵⁷ Речь идёт об учениях *Chelonia* и *Ex Austeria Wolf*, связанных с отработкой переброски сил с Апеннин на Балканы в районе Отрантского залива. С итальянской стороны была задействована механизированная бригада «Пинероло» (г. Бари). Со стороны Великобритании – 1-й батальон Королевского полка принцессы Уэльской, а также части, размещённые в Косово (104-я бригада, 165-й и 17-й морские полки).

го корпуса до 50 тыс. человек может рассматриваться как дополнение к сохранившимся взаимодействиям между Лондоном и Римом и как пролог к привлечению Великобритании к франко-итальянскому двустороннему формату, действующему в южноевропейской ЗВС.

Четвёртый сценарий может заключаться в большем вовлечении региональных государств. Отказ Болгарии, Хорватии, Словакии, а также Польши и Румынии от отправки своих военных на Украину по итогам Парижского саммита 17 февраля 2025 г. может быть вызван конкретной причиной — повышением политических рисков для отдельно взятой страны. Но этот локальный демарш не означает уклонения от участия в процессах военного строительства на линии разграничения. Скорее, речь идёт о парадоксальном проявлении взаимопонимания малых государств, для которых стабилизация ситуации открывает возможности трансформации архитектуры безопасности в собственных интересах и повышения своего статуса в многосторонних форматах.

Концептуальным ориентиром в этом отношении может служить пример Австрийской империи, где масштабный призыв на военную службу представителей приграничных народов, в частности южных славян, способствовал складыванию нарратива о «милитарной нации», обладавшей привилегированным статусом [Костяшов 1997: 180]. Такой статус, к примеру, может быть важен для Хорватии, демонстрирующей высшую степень евроатлантической лояльности и постулирую-

щей в своей внешнеполитической стратегии роль проводника евроатлантической интеграции в западнобалканской части региона⁵⁸.

Вполне вероятными претендентами на эту позицию представляются Польша и Румыния. С конца 2010-х годов отношения двух стран характеризуются комплексным сближением, включающим в себя формулирование общих подходов в области международной и исторической политики, а также сотрудничество в энергетических и инфраструктурных региональных проектах [Неменский 2019: 66; Łapaj-Kucharska 2019]. По линии военных ведомств ещё с марта 2011 г. действует формат стратегического диалога [Bał 2018: 13, 16], продолжением которого стала двусторонняя комиссия по вопросам закупки вооружений и стандартизации оснащения вооружённых сил⁵⁹. Польша и Румыния являются приоритетными получателями американской военной техники и пользователями кредитных линий, последние из которых были открыты в декабре 2024 года⁶⁰, что делает их подходящими кандидатами для США для реализации концепции гибкой вовлечённости.

Хотя Польша名义上 не относится к южноевропейской ЗВС, степень её участия в региональных процессах является заметной. Польский контингент находится в составе боевой группы в Румынии, а румынское подразделение численностью в 140 человек — в составе МБГ в Польше⁶¹. Обе страны имеют представительные контингенты в миссии *KFOR* в Косово — 247 и 182 человека по данным на весну 2025 года

⁵⁸ Provedbeni program Ministarstva vanjskih i europskih poslova za razdoblje 2024. – 2028. godine // Ministarstvo vanjskih i europskih poslova RH. URL: <https://mvep.gov.hr/vanjska-politika/22956> (дата обращения: 20.09.2025).

⁵⁹ Poland and Romania, equipping armed forces with similar equipment, ensure the security of the entire eastern flank of NATO // Ministry of National Defence Republic of Poland. 28.03.2023. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/poland-and-romania-equipping-armed-forces-with-similar-equipment-ensures-the-security-of-the-entire-eastern-flank-of-nato> (accessed: 21.09.2023).

⁶⁰ US gives Poland loan of \$4B for arms purchases // Anadolu. 06.12.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/americas/us-gives-poland-loan-of-4b-for-arms-purchases/3416622> (accessed: 18.02.2025).

⁶¹ Зверев Ю.М. Наращивание и модернизация вооруженных сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области: информационно-аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. С. 23.

Наконец, сохраняется заинтересованность Варшавы в развитии «Инициативы трёх морей» [Кувалдин 2025: 151–152]. Польша и Румыния имеют высокую степень взаимопонимания с Сербией как с важным участником балканской подсистемы. Румыния не признает независимость Косово. В ходе знакового визита премьер-министра Польши Д. Туска в Белград в октябре 2024 г. были подчёркнуто взаимопонимание в отношениях двух стран⁶², что может послужить основанием для более тесных взаимодействий в дальнейшем.

Таким образом, Варшава и Бухарест также имеют некоторые основания претендовать на статус поставщика безопасности, а двусторонняя координация между ними может рассматриваться Вашингтоном как страховочный механизм на случай, если другие варианты взаимодействий окажутся неподходящими. С точки зрения военного строительства такое решение подразумевает дополнительные трудности при определении организационно-штатной структуры многонациональных подразделений и замедление темпов боевого слаживания. С другой стороны, оно может представлять интерес как способ привлечения в МБГ увеличенных контингентов из числа субрегиональных государств для частичного переложения на их плечи бремени комплектования боевых групп, что позволило бы крупным державам более активно действовать в других субрегионах. Получение этими странами некой статусной роли может быть необходимо для оправдания на национальном уровне линии на увеличение военных расходов.

Таким образом, можно выделить по меньшей мере четыре сценария развития стратегических взаимодействий в южноевропейской ЗВС, которые окажут влияние на принцип формирования МнК «Юго-Восток», МнД «Центр» и функциональное предназначение этих соединений. По степени влияния на конъюнктуру в Юго-Восточной Европе многие форматы пре-

восходят франко-итальянские начинания в рамках Квиринальского договора. Следует обратить внимание на нетождественное понимание Парижем и Римом стратегических приоритетов и интересов в различных сопредельных регионах. По совокупности же отмеченных тенденций переход от двустороннего к многостороннему принципу взаимодействия в этой ЗВС выглядит вполне вероятным сценарием.

* * *

Появление в 2022 г. четырёх боевых групп НАТО в южноевропейской ЗВС придало новый импульс мероприятиям по повышению оперативной совместимости, осуществлявшимся до этого последовательно, но размеренно. Хотя в абсолютном выражении численность рассмотренных боевых групп представляется незначительной, их изучение в проблемно-стратовом отношении позволяет судить о темпах военизации Юго-Восточной Европы. С точки зрения боевой подготовки проведение крупных межгрупповых учений в первой половине 2025 г. говорит об изменении тренировочного цикла и переходе от подготовки внутри боевых групп к межгрупповому слаживанию. Перспективной задачей является конкретизация организационно-штатной структуры МнК «Юго-Восток» и функциональной роли МнД «Центр», которая может быть рассмотрена как компонент МнК «Юго-Восток» либо как отдельное соединение.

Следует подчеркнуть значение двустороннего взаимодействия между Парижем и Римом, закреплённого положениями Квиринальского договора. Став «рамочными государствами» в Румынии и Болгарии, Франция и Италия сумели конкретизировать свои функциональные роли в рамках всего балканского региона. Анализ конкурирующих гипотез позволил определить факторы, способствующие усилению координации между Парижем и Римом и обстоятельства, ведущие к раскоординации и

⁶² В Варшаве поддерживают желание Белграда присоединиться к ЕС // Интерфакс. 24.10.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/988516> (дата обращения: 19.11.2024).

автономизации (см. табл. 2). При совпадении стратегических интересов, связанных с сохранением умеренного темпа роста военных расходов, можно обнаружить различия в расстановке субрегиональных приоритетов. Данные обстоятельства способны влиять на темпы развития боевых групп. К примеру, наличие у Рима собственных интересов в других субрегионах Большого Средиземноморья при сохранении общей численности сухопутных сил на нынешнем уровне может вносить корректизы в процесс насыщения БГ войсками, вынуждая к поиску иных вариантов комплектования, привлечению новых стран, что может замедлить боевое слаживание. Напротив, увеличение численности итальянского контингента в Болгарии (как и в других боевых группах) стало бы индикатором совпадения стратегических приоритетов Парижа и Рима.

Следует также допускать сценарии расширения координационного механизма в средиземноморской ЗВС по аналогии с форматом «3+3», существующим в Прибалтике. Анализ структурных взаимодействий позволил выделить четыре возможных варианта – с привлечением Испании, Турции, Великобритании, а также Польши и/или Румынии – каждый из которых под-

разумевает индивидуальный подход к развитию координационных форматов и задействованию региональной логистики. В частности, повышение роли Испании и субрегиональных государств подразумевает уклон на развитие связности между Юго-Восточной и Центральной Европой с большим задействованием центральноевропейских сухопутных коммуникаций и портов Адриатики. Привлечение Турции и Великобритании подразумевает акцент в направлении Эгейского и Черного моря, а также Паньевропейского коридора VIII. Вместе с тем большее задействование Анкары и Лондона поставило бы под сомнение курс на достижение стратегической гармонизации непосредственно внутри ЕС.

Вариант с привлечением субрегиональных государств имеет ярко выраженную направленность на повышение оперативной совместимости между БГ балтийской и южноевропейской ЗВС. Появление Турции подчеркнуло бы обособленность южноевропейской ЗВС. Ещё два варианта (Великобритания, Испания) подразумевают набор из нескольких опций, содержание которых будет раскрываться по мере продолжения военного строительства на милиаризующейся линии разграничения.

Список литературы

Алексеенкова Е.С., Чихачев А.Ю. Квиринальский трактат – двусторонний договор о будущем ЕС? // Современная Европа. 2022. №3. С. 33–48. DOI: 10.31857/S0201708322030032

Алексеенкова Е.С. Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность // Современная Европа. 2024. № 6. С. 32–44. DOI: 10.31857/S0201708324060032

Алешин А.А. Сотрудничество ЕС и НАТО после начала специальной военной операции России // Современная Европа. 2024. №5. С. 189–200. DOI: 10.31857/S0201708324050152

Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике. М.: Горячая линия – Телеком, 2023. 364 с.

Гибианский Л. Я. Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и ее крах // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 271–290.

Громыко А.А. Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения бремени безопасности в ЕвроАтлантике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения, 2023. №4. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

Демидов А.П. Системное значение стран Балканского полуострова в условиях глобальной трансформации // Проблемы национальной стратегии. 2024. №4. С. 112–131. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_4_112

Еремин Д.П. Итальянское военное присутствие в Адриатико-Ионическом макрорегионе // Современная Европа. 2023. №7. С. 215–224. DOI: 10.31857/S0201708323070173.

Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обозреватель. 2024. №3. С. 16–27. DOI: 10.48137/2074-2975_2024_3_16

Иванов О.П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // Обозреватель. 2022. №11–12. С. 5–16. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_5

История Древнего Рима / под ред. В. И. Кузинина. Москва: Высшая школа, 2002. 383 с.

Кривопалов А.А. Южный фланг американского развертывания в Восточной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т.68. № 7. С. 25–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-25-34

Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград: Калинингр. ун-т., 1997. 220 с.

Кувалдин С.А. Польша: из транзитной страны в логистический хаб Центральной Европы // Международная аналитика. 2025. Т.16. № 1. С. 144–161. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-144-161

Моммзен Т. История Рима. Т.4. Ростов-на-дону: Феникс, 1997. 640 с.

Мелоян Т.Х. Транспортная инфраструктура как основа мобильности НАТО в Европе: ключевые направления и форматы развития // Международная аналитика. 2025. Т.16. № 1. С. 60–77. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-60-77

Неменский О.Б. Приоритеты внешней политики Польши при правительстве М. Моравецкого // Проблемы национальной стратегии. 2019. №1. С. 58–77.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

Парэн Ш. Структурализм и история // Философия и общество. 1998. №2. С. 221–243.

Пивоваренко А.А. Военно-политические аспекты политики Турции в Юго-Восточной Европе // Современная Европа. 2024. №7. С. 158–169. DOI: 10.31857/S0201708324070131

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Дilemmы европейской безопасности: сравнение подходов Германии и Франции к соотношению роли ЕС и НАТО в Европе после 2022 г. // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. №4. С. 132–154. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-4-15-8

Трунов Ф.О. НАТО в начале 2020-х: многосторонние военные группировки в зоне ответственности Альянса // Международные процессы. 2023. Т. 21. №1. С. 118–145. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1

Трунов Ф.О. Роль Германии как «рамочного государства» НАТО // Общественные науки и современность. 2024а. №1. С. 46–59. DOI: 10.31857/S0869049924010047

Трунов Ф.О. Трансформация системы группировок конвенциональных сил НАТО // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024б. Т. 29. №3. С. 175–188. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.3.15

Чихачев А.Ю. Оборонная политика Франции в 2022–2024 гг.: перемены в рамках преемственности // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. №3. С. 71–98. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-3-15-3

Шестопалов В., Борисенков А. Основные формы применения вооруженных сил НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2023. №10. С. 3–11.

Ágoston G. Empires and warfare in east–central Europe, 1550–1750: The Ottoman–Habsburg rivalry and military transformation // European Warfare, 1350–1750. Cambridge University Press: 2010. P. 110–134. DOI: 10.1017/CBO9780511806278.008

Bąk T. Polish–Romanian Military Cooperation // International Conference KNOWLEDGE-BASED ORGANIZATION. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 9–18. DOI: 10.1515/kbo-2018-0001

Lanoszka A., Hunzeker M. Evaluating the Enhanced Forward Presence After Five Years // The RUSI Journal. 2023. Vol. 168. No. 1–2. P. 88–97. DOI: 10.1080/03071847.2023.2190352

Łapaj-Kucharska J. Common Interests and the Most Important Areas of Political Cooperation between Poland and Romania in the Context of the European Union // Romanian Journal of European Affairs. 2019. Vol. 19. No. 2. P. 63–86.

McGlynn P., Godfrey G. Intelligence analysis: fundamentals. Boca Raton: Taylor & Francis, 2019. 315 p.

Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU. IAI Research Studies 11 / ed. by G. Daga, P. Raimondi. Rome: Edizioni Nuova Cultura, 2024. 141 p. DOI: 10.4458/7011

Motacki D. Znaczenie wzmacnionej Wysuniętej Obecności NATO dla bezpieczeństwa Polski i państw bałtyckich // Bezpieczeństwo Narodowe. 2024. Vol. 44. No. 1. P. 91–114. DOI: 10.59800/bn/186621

Palavetis D. NATO enhanced forward presence in the Baltics: The nexus between the host and the framework nation // Security and Defence Quarterly. 2025. Vol. 49. No. 1. P. 74–97. DOI: 10.35467/sdq/193734

MILITARY INTERACTIONS BETWEEN EUROPEAN ACTORS IN SOUTHEASTERN EUROPE

ALEXANDER PIVOVARENKO

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

Recent shifts in U.S. foreign policy warrant an examination of the role of European actors in shaping a militarized dividing line in Eastern Europe, stretching from Baltic to the Black Sea. Since 2022, military-political processes in Southeastern Europe have been marked by a cautious convergence between France and Italy, which can be attributed to the Quirinal Treaty signed in 2021. However, an analysis of military buildup processes and related political dimensions reveals several significant constraints that could hamper coordination among European security providers. Among them are plans to hold to a moderate and scheduled enlargement of land forces, the composition of NATO multinational battlegroups in Bulgaria and Romania, and divergent foreign policy priorities between France and Italy in the Greater Mediterranean region. The emergence in March 2025 of the so-called coalition of the willing, spearheaded by Paris and London, is to be regarded not only as a reaction to negotiations between Moscow and Washington, but also as a declarative milestone in the militarization of the contact line. This shift signals a transfer of military-political initiative to European NATO members. It also raises questions on the development of multilateral coordination formats in relation to multinational battlegroups in Bulgaria, Romania, Slovakia, and Hungary, which were established in March 2022. At least four scenarios for the development of multilateral formats can be identified. They imply increasing the role of Spain, Turkey, Great Britain or regional states, all of which place individual emphasis in terms of operational activities, military buildup and involvement of military logistics in the region.

Keywords:

security providers; EU strategic autonomy; Southeastern Europe; Black Sea region; military buildup; military exercises; Enhanced forward presence; NATO multinational battlegroups; military deterrence; militarization

References

Ágoston G. (2010). Empires and warfare in east-central Europe, 1550–1750: The Ottoman–Habsburg rivalry and military transformation. *European Warfare, 1350–1750*. Cambridge University Press: 2010. P. 110–134. DOI: 10.1017/CBO9780511806278.008

Alekseenkova E.S., Chihachev A.Yu. (2022). Kvirinal'skiy traktat – dvustoronnii dogovor o buduschem ES? [The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU's Future?]. *Sovremennaya Yevropa*. No. 3. P. 33–48. DOI: 10.31857/S0201708322030032

Alekseenkova E.S. (2024). Diskursivnye strategii Italii v «Bol'shom Sredizemnomor'e» i Afrike: novizna i preemstvennost' [Italy's Discursive Strategies in Greater Mediterranean and Africa: Innovation and Continuity]. *Sovremennaya Yevropa*. No. 6. P. 32–44. DOI: 10.31857/S0201708324060032

Aleshin A.A. (2024). Sotrudnichestvo ES i NATO posle nachala spetsial'noy voennoy operatsii Rossii [The EU–NATO Cooperation after the Start of the Special Military Operation]. *Sovremennaya Yevropa*. No. 5. P. 189–200. DOI: 10.31857/S0201708324050152

Bak T. (2018). Polish–Romanian Military Cooperation. *International Conference KNOWLEDGE-BASED ORGANIZATION*. Vol. 24. No. 1. P. 9–18. DOI: 10.1515/kbo-2018-0001

Bartosh A.A. (2023). *NATO v sovremennoy mirovoy politike* [NATO in Contemporary World Politics]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom. 364 p.

Chikhachev A.Y. (2022). Oboronnaya politika Frantsii v 2022–2024 gg.: peremeny v ramkakh preemstvennosti [French Defense Policy in 2022–2024: Changes within Continuity]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 15. No. 3. P. 71–98. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-3-15-3

Daga G., Raimondi P. (eds) (2024). *Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU. IAI Research Studies 11*. Rome: Edizioni Nuova Cultura. 141 p. DOI: 10.4458/7011

Demidov A.P. (2024). Sistemnoe znachenie stran Balkanskogo poluostrova v usloviyakh global'noy transformatsii [Systemic significance of the Balkan countries in the context of global transformation]. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 4. P. 112–131. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_4_112

Eremin D.P. (2023). Ital'yanskoe voennoe prisutstvie v Adriatiko-Ionicheskem makroregione [Italian Military Presence in the Adriatic-Ionian Macroregion]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7. P. 215–224. DOI: 10.31857/S0201708323070173

Gibson L.Y. (2009). Jugoslavija v balkanskoj i evropejskoj politike v nachale Vtoroj mirovoj vojny: popytka lavirovaniya i ee krah [Yugoslavia in European and Balkan Politics in the Beginning of the Second World War: an Attempt at Maneuvering and Its Failure]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 4. P. 271–290.

Gromyko A.A. (2023). Geopolitizatsiya Evrosoyuza v svete pereraspredeleniya bremeni bezopasnosti v Evro-Atlantike [Geopolitization of the European Union in light of the redistribution of security burden in the Euro-Atlantic]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istochnika. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4. P. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

Ivanov O.P. (2024). Strategiya NATO v usloviyakh menyauscheysya sredy mezdunarodnoy bezopasnosti v Evrope [NATO Strategy in a Changing European Security Environment in Europe]. *Obozrevatel'*. No. 3. P. 16–27. DOI: 10.48137/2074-2975_2024_3_16

Ivanov O.P. (2022). Transformatsiya NATO: ot potepleniya klimata do zamerzaniya v politike [NATO Transformation: From Climate Warming to Freezing in Politics]. *Obozrevatel'*. No. 11–12. P. 5–16. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_5

Krivopalov A.A. (2024). Yuzhnnyy flang amerikanskogo razvertyvaniya v Vostochnoy Evrope [Southern Flank of the U.S. Military Deployment in Eastern Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya*. Vol. 68. No. 7. P. 25–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-25-34

Kostjashov Ju.V. *Serby v Avstriyskoy monarhii v XVIII veke* [Serbs in the Austrian monarchy in the XVIII century]. Kaliningrad, Kaliningr. un-t., 1997. 220 s.

Kuvaldin S.A. (2025). Pol'sha: iz tranzitnoy strany v logisticheskiy khab Tsentral'noy Evropy [Poland: from a Transit Country to a Logistics Hub in Central Europe. Journal of International Analytics]. *Journal of International Analytics*. Vol. 16. No. 1. P. 60–77. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-144-161

Kuzishchina V.I. (ed.) (2002) *Istochnika Drevnego Rima* [Ancient Rome History]. Moscow: Vysshaya shkola. 383 p.

Łanoszka A., Hunzeker M. (2023). Evaluating the Enhanced Forward Presence After Five Years. *The RUSI Journal*. Vol. 168. No. 1–2. P. 88–97. DOI: 10.1080/03071847.2023.2190352

Łapaj-Kucharska J. (2019). Common Interests and the Most Important Areas of Political Cooperation between Poland and Romania in the Context of the European Union. *Romanian Journal of European Affairs*. No. 2. P. 63–86.

Meloyan T.Kh. (2025). Transportnaya infrastruktura kak osnova mobil'nosti NATO v Evrope: klyuchevye napravleniya i formaty razvitiya [Transport Infrastructure as a Basis for NATO Mobility in Europe: Key Directions and Formats for Development]. *Journal of International Analytics*. Vol. 16. No. 1. P. 60–77. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-60-77

McGlynn P., Godfrey G. (2019). *Intelligence analysis: fundamentals*. Boca Raton: Taylor & Francis. 315 p.

Mommesen T. (1997). *Istochnika Rima* [The History of Rome]. Rostov-on-Don: Feniks. 640 p.

Motacki D. (2024). Znaczenie wzmacnionej Wysuniętej Obecności NATO dla bezpieczeństwa Polski i państw bałtyckich. *Bezpieczeństwo Narodowe*. Vol. 44. No. 1. P. 91–114. DOI: 10.59800/bn/186621

Nemensky O.B. (2019). Prioritety vneshney politiki Pol'shi pri pravitel'stve M. Moraveckogo [Priorities of Poland's Foreign Policy under the Government of M. Morawiecki]. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1. P. 58–77.

Palavetis D. (2025). NATO enhanced forward presence in the Baltics: The nexus between the host and the framework nation. *Security and Defence Quarterly*. Vol. 49. No. 1. P. 74–97. DOI: 10.35467/sdq/193734

Parsons T. (1998). *Sistema sovremennoy obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt-Press. 270 p.

Parent Ch. (1998). Strukturalizm i istoriya [Structuralism and History]. *Filosofija i obshchestvo*. No. 2. P. 221–243.

Pivovarenko A.A. (2024). Voenno-politicheskie aspekty politiki Turtsii v Yugo-Vostochnoj Evrope [Military-Political Aspects of Turkey's Foreign Policy in South-East Europe]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7. P. 158–169. DOI: 10.31857/S0201708324070131

Shestopalov V., Borisenkov A. (2023). Osnovnye formy primeneniya vooruzhennyh sil NATO [The Main Forms of Use of NATO Armed Forces]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. No. 10. P. 3–11.

Timofeev P. P., Khorolskaya M. V. (2024). Dilemmы evropeyskoy bezopasnosti: srovnenie podkhodov Germanii i Frantsii k sootnosheniyu roli ES i NATO v Evrope posle 2022 g. [European Security Dilemmas: A Comparison of Germany and France's Approaches to the Relationship of the EU and NATO Roles in Europe after 2022]. *Comparative Politics Russia*. Vol. 15. No. 4. P. 132–154. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-4-15-8

Trunov Ph. (2023). NATO v nachale 2020-kh: mnogostoronne voennye gruppirovki v zone otvetstvennosti Al'yansa [NATO Development by the Early 2020s.]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 21. No. 1. P. 118–145. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1

Trunov Ph. (2024a). Rol' Germanii kak «ramochnogo gosudarstva» NATO [The Role of Germany as a NATO "Framework Nation"]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1. P. 46–59. DOI: 10.31857/S0869049924010047

Trunov Ph. (2024b). Transformatsiya sistemy gruppirovok konventsional'nykh sil NATO [The Transformation of the System of NATO's Conventional Forces Groupings]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istochnika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 29. No. 3. P. 175–188. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.3.15

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КЛИМАТ И ПРАВО

КАК СФОРМУЛИРОВАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ СПРАВЕДЛИВОГО «ЗЕЛЁНОГО БУДУЩЕГО»

ИВАН ГУДКОВ

МАРК ЭНТИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье исследуются юридические и политические аспекты образа «зелёного будущего» человечества, на который должен быть ориентирован международный режим защиты климата. В первой части статьи дана систематизация выводов, сделанных Международным судом ООН в консультативном заключении 2025 г. о международно-правовых климатических обязательствах государств. Во второй части на основе анализа решений конференций Рамочной конвенции ООН об изменении климата и докладов Межправительственной группы экспертов по изменению климата раскрывается текущий статус международно-правового режима защиты климата. Сделан вывод о том, что за последние пять лет в мире произошло реформирование международного режима защиты климата по сценарию «зелёной энергетической революции», который предполагает ускоренный переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии. В результате такого реформирования на глобальном межправительственном уровне был закреплён тезис о климатической неприемлемости всех видов ископаемого топлива, что было подтверждено Международным судом ООН, отразивший в своем заключении формирующуюся презумпцию противозаконности деятельности в области финансирования, разведки, разработки и потребления углеводородного сырья. В третьей части статьи предложена модель комплексной интегрированной оценки устойчивости и безопасности «зелёного перехода», в рамках которой проанализированы риски и вызовы сценария «зелёной энергетической революции» и изучены возможные альтернативные сценарии.

Ключевые слова:

энергетическое и климатическое право и политика; выбросы парниковых газов; сокращение выбросов; поглощение парниковых газов; ископаемое топливо; энергетический переход; Международный суд ООН; консультативное заключение; международные обязательства по защите климата; РКИК; Парижское соглашение; МГЭИК.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2025

Дата принятия к публикации: 09.10.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: entinmark@gmail.com

“Россия должна как можно скорее сформулировать свою ослепительную мечту, своё сказочное будущее, как это делали все предшествующие поколения. Как это делали старообрядцы со своим Беловодьем, отцы православной церкви с Царствием Небесным, большевики с бриллиантовым коммунизмом”

Александр Проханов.

Русские – будетяне // Газета «Завтра». 15.04.2025.

В ноябре 2025 г. в бразильском городе Белен пройдёт 30-я конференция ООН по изменению климата (далее – КС), на которой страны представлят свои обновлённые и более амбициозные климатические планы – так называемые «определяемые на национальном уровне вклады» (далее – ОНУВ).

Помимо универсальной площадки – КС – борьба с изменением климата входит в перечень приоритетных тем ряда других межгосударственных организаций и объединений, как регионального (ЕС), так и надрегионального охвата (БРИКС).

«Содействие сбалансированному и справедливому переходу к низкоуглеродной экономике» вошло в число приоритетов завершившегося в 2024 г. председательства России в БРИКС+. По итогам состоявшегося в прошлом году форума в Москве страны объединения приняли Рамочную основу по климату и устойчивому развитию, а также подготовили Меморандум о взаимопонимании по Партнёрству БРИКС по углеродным рынкам. В число итоговых

договорённостей, зафиксированных в документах саммита БРИКС в Казани, вошло намерение «укреплять сотрудничество по целому ряду решений и технологий, способствующих сокращению и улавливанию выбросов парниковых газов»¹.

Неэффективность Парижского соглашения в деле достижения поставленной им глобальной климатической цели по удержанию роста температуры в пределах 1,5–2 градусов Цельсия от доиндустриального уровня; анонсированный в начале 2025 г. повторный выход США из этого соглашения; социально-экономические издержки амбициозного «зелёного курса» ЕС; переосмысление бизнес-сообществом подходов к вопросам экологического, социального и корпоративного управления зачастую рассматриваются в качестве очевидных признаков кризиса современной климатической повестки².

Тем не менее сама по себе зелёная повестка актуальности не утрачивает, что признают в том числе официальные органы власти Российской Федерации³, а

¹ Казанская декларация по итогам Саммита БРИКС // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh020L3Hk.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

² Сергеев М. В Европе и США отвергают старую климатическую повестку // Независимая газета. 13.01.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-01-13/1_9169_neutrality.html (дата обращения: 22.09.2025); Сергеев М. США отдают Китаю лидерство в климатической повестке // Независимая газета. 23.02.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-02-23/1_9198_leadership.html (дата обращения: 22.09.2025); Мединский А. Борис Титов: повестка устойчивого развития находится под прессом // Московская газета. 04.04.2025. URL: <https://mskgazeta.ru/ekonomika/boris-titov-povestka-ustojchivogo-razvitiya-nahoditsya-pod-pressom-14704.html> (дата обращения: 22.09.2025).

³ Минэкономразвития: оснований для выхода из Парижского соглашения сейчас нет // Министерство экономического развития Российской Федерации. 14.02.2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonrazvitiya_osnovaniy_dlya_vyhoda_iz_parizhskogo_soglasheniya_seychas_net.html (дата обращения: 22.09.2025).

запущенный в её рамках процесс трансформации мировой экономики набирает обороты, о чём свидетельствуют объективные факты [Crowley-Vigneau et al 2023]. Так, исполнительный секретарь Рамочной конвенции ООН об изменении климата (далее – РКИК) Саймон Стил в начале 2025 г. заявил: «Переход к чистой энергии уже не остановить, ведь в прошлом году в чистую энергетику и инфраструктуру было вложено 2 трлн долл., что в два раза превышает инвестиции в ископаемое топливо»⁴.

В свою очередь Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттерриш в июле 2025 г. в очередной раз обратился к странам с призывом зафиксировать в своих обновлённых ОНУВ ускоренный переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии (далее – ВИЭ). Он отметил резкое сокращение себестоимости ВИЭ, фактически состоявшееся перераспределение инвестиционных средств в ТЭК в пользу ВИЭ, а также высокие риски безопасности, проявившиеся в последние годы в связи с зависимостью от углеводородного сырья. Всё это свидетельствует о прохождении точки невозврата в энергетическом переходе и неизбежный закат эры углеводородов. По мнению А. Гуттерриша, этого удалось добиться в ходе «чистой энергетической революции», осуществленной за десять лет с момента принятия в 2015 г. Парижского соглашения⁵.

Сценарий упомянутой А. Гуттерришем «чистой» или «зелёной» «энергетической революции» был изначально инициирован, разработан и активно продвигался Международным энергетическим агентством

(далее – МЭА), которое представляет интересы стран коллективного Запада и обеспечивает их энергетическую безопасность. В 2021 г. МЭА опубликовало, а в 2023 г. обновило «Дорожную карту пути к нетто-нулевым выбросам», моделирующую процесс вытеснения ВИЭ ископаемого топлива с лидирующих позиций в мировом энергетическом балансе к 2050 году⁶. Сценарий, который само МЭА амбициозно называет нормативным, основан на таких предпосылках, как запрет на новые долгосрочные инвестиции в ископаемое топливо и максимизация использования ВИЭ в качестве источников, замещающих ископаемое топливо при удовлетворении текущего и нового спроса. Тезис МЭА о «начале конца эпохи ископаемого топлива», озвученный в 2023 году, вызвал резкую критику со стороны ОПЕК. В своём прогнозе МЭА заявило, что пик мирового спроса на углеводороды будет пройден уже до 2030 года⁷.

Высокую актуальность климатической повестки подтверждают и принятые в 2024–2025 годах консультативные заключения двух международных органов правосудия – Международного трибунала по морскому праву и Международного суда ООН, существенно укрепившие юридическую эффективность действующих международно-правовых обязательств в сфере защиты климата.

21 мая 2024 г. Международный трибунал по морскому праву своим заключением признал, что предусмотренные Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция по морскому праву) обязательства государств по защите морской среды

⁴ Сакамото М. Саймон Стил: переход к чистой энергии уже не остановить // Официальный сайт ООН. 02.02.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461091> (дата обращения: 22.09.2025).

⁵ Mishra V. UN's Guterres declares fossil fuel era fading; presses nations for new climate plans before COP30 summit // United Nations. 22.07.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/07/1165460> (accessed: 22.09.2025).

⁶ IEA. Net Zero by 2050 // URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050> (accessed: 22.09.2025).

⁷ Боровикова К. ОПЕК и МЭА не сошлись спросом. Картель ожидает сохранения доминирования нефти на энергрынке в ближайшие 20 лет // Коммерсант. 09.10.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6266540> (дата обращения: 22.09.2025).

от загрязнений включают в себя обязательство по её защите от изменения климата⁸.

23 июля 2025 г. Международный суд ООН (МС ООН) единогласным решением пятнадцати судей, представляющих развитые и развивающиеся страны, принял исторически значимое консультативное заключение об обязательствах государств в сфере защиты климата⁹. Данное заключение было подготовлено в ходе рассмотрения, которое длилось более двух лет и стало рекордным по числу участвовавших в нём государств: свои позиции заявили более 90 стран. В нём сформулированы принципиально значимые общие ответы на наиболее важные вопросы, которые окажут стимулирующее долгосрочное и стратегическое воздействие на формирование правоприменительной практики на глобальном, региональном и национальном уровнях¹⁰.

В настоящей статье исследуется политико-юридический аспект ключевого вопроса климатической политики: как должен быть определён образ «зелёного будущего», служащий ориентиром для международного режима защиты климата? Сводится ли этот образ исключительно к «зелёной энергетической революции», предполагающей ускоренный переход от ископаемого топлива к ВИЭ? Какие существуют альтернативы данному образу? В какой степени действующий международно-правовой режим ориентирован на сценарий «зелёной энергетической революции»? Какие средства доступны для практического продвижения альтернативных сценариев?

В первой части статьи исследуются выводы МС ООН о климатических обязательствах сторон. Вторая часть посвящена анализу текущего статуса международно-правового режима защиты климата, отражающего вектор движения в сторону «зелё-

ной энергетической революции». В третьей части предложена модель комплексной интегрированной оценки устойчивости и безопасности зелёного перехода, в рамках которой проанализированы риски сценария «зелёной энергетической революции», а также изучены возможные альтернативные сценарии.

Заключение Международного суда ООН: международное право обязывает государства защищать климат

В заключении МС ООН содержатся ответы на два ключевых вопроса, поставленных перед ним Генеральной Ассамблеей ООН в 2023 году. Первый вопрос касался определения объёма обязательств государств по защите климата в соответствии с действующими международными соглашениями, включая, но не ограничиваясь, климатическими договорами. Второй вопрос был посвящён установлению юридических последствий для государств, которые своими действиями или бездействием причинили существенный вред климатической системе и другим компонентам окружающей среды.

Суть сформулированных в консультативном заключении ответов МС ООН сводится к следующему.

Во-первых, МС ООН очертил круг источников международно-правовых обязательств по защите климата. По мнению Суда, обязательства по защите климатической системы как неотъемлемой и жизненно важной части окружающей среды вытекают не только из международных климатических соглашений, таких как РКИК, Киотской протокол и Парижское соглашение, но также и из множества иных источников права. К таковым относятся международные соглашения, содержащие нормы о защите окружающей природной среды и

⁸ Request For an Advisory Opinion Submitted by The Commission of Small Island States on Climate Change and International Law Advisory Opinion // International Tribunal for The Law of The Sea. 21.05.2024. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/31/Advisory_Opinion/C31_Adv_Op_21.05.2024_orig.pdf (accessed: 22.09.2025).

⁹ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion // International Court of Justice. 23.07.2025. URL: <https://www.icj-cij.org/case/187> (accessed: 22.09.2025).

¹⁰ См. подробный анализ данного консультативного заключения [Гудков, Энтин 2025].

прав человека, а также международные обычаи, два из которых – принцип предотвращения трансграничного вреда и принцип сотрудничества государств – являются ключевыми в контексте защиты климата.

МС ООН исходит из того, что международно-правовые нормы о защите климата следует толковать и применять с учётом решений КС и в свете докладов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Этим двум категориям документов отводится важная роль.

Решения КС, как установил МС ООН, могут выполнять функцию «последующих соглашений», уточняющих значение базовых конвенционных норм. В той степени, в которой решения КС «отражают практику государств и выражают *opinio juris* государств, они также могут быть актуальны для определения международного обычного права»¹¹.

В свою очередь, доклады МГЭИК «представляют собой наилучшую доступную научную информацию о причинах, характере и последствиях изменения климата»¹², что наделяет их преимущественной силой перед другими научными доказательствами.

Во-вторых, МС ООН признал наличие инструментария для возбуждения и рассмотрения климатических споров в международных инстанциях. Из того, что источниками обязательств по защите климата служат не только международные климатические соглашения, лишённые в настоящее время эффективно работающих механизмов обязательного разрешения споров, но также и иные источники, включающие такие механизмы (в том числе Конвенция по морскому праву и ряд соглашений о защите прав человека), следует наличие процессуальных возможностей для возбуждения и разрешения в соответствующих международных инстанциях как международных «горизонтальных» споров по поводу нарушения климатических обязательств одних государств перед другими, так и «вертикальных» споров между част-

ными лицами и государствами по поводу нарушения последними климатических прав человека. Если предметом спора является нарушение международного обычая, он может быть передан на разрешение самого МС ООН при условии, что и государство-истец, и государство-ответчик признают его юрисдикцию. Тем самым – через подтверждение доступа к выбору эффективных механизмов разрешения споров – с одной стороны, решается проблема неэффективности действующих международных климатических соглашений, а с другой – закладывается потенциал для передачи на рассмотрение в международные инстанции весьма чувствительных вопросов как о соответствии международному праву национальных климатических стратегий, политик и мер, в том числе ОНУВ, так и о возмещении причиненного климатической системе ущерба.

В-третьих, МС ООН сформулировал общие стандарты, которыми международные инстанции, а также национальные и региональные правоприменительные органы, могут руководствоваться при разрешении конкретных споров.

Наиболее значимым обычно-правовым климатическим обязательством всех без исключения государств, вне зависимости от их участия в международных климатических соглашениях, является обязательство предотвращать значительный ущерб климатической системе и другим компонентам окружающей среды. В соответствии с этим обязательством международно-правовая ответственность государства возникает, если оно не принимает всех мер, которые были в его силах, для предотвращения значительного ущерба. Применимым стандартом для оценки выполнения этого обязательства служит концепция «должной осмотрительности» (*due diligence*).

Ключевым конвенционным обязательством, связывающим стороны международных климатических соглашений, является последовательное усиление механиз-

¹¹ *Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraph 288.*

¹² *Ibid. Paragraphs 74, 284.*

мов ОНУВ и принятие мер по их выполнению. ОНУВ стороны должны отражать «её максимально возможные амбиции». Хотя этот термин не определён в Парижском соглашении, МС ООН считает, что «уровень амбиций, который должен быть отражён в ОНУВ стороны, не оставлен полностью на усмотрение сторон... Содержание ОНУВ стороны должно, во исполнение её обязательств по Парижскому соглашению, быть способным вносить адекватный вклад в достижение температурной цели»¹³. Амбиции, содержащиеся в ОНУВ стороны, должны быть связаны с объектом и целью Соглашения, изложенными в статье 2, то есть с удержанием роста глобальной средней температуры на уровне ниже 1,5°C. Именно эту цель Суд истолковал как основной температурный показатель в соответствии с Парижским соглашением¹⁴.

В части регулирования отношений ответственности за нарушение климатических обязательств надлежит руководствоваться обычно-правовыми нормами об ответственности, кодифицированными Комиссией международного права в проекте Статей об ответственности государств за международно-противоправные действия (далее – проект Статей об ответственности государств)¹⁵.

Несмотря на то что МС ООН признал особую специфику климатических правонарушений, он выразил определённый оптимизм относительно возможностей их правовой оценки. По мнению Суда, существующие нормы международного права в сочетании с современными научными данными об изменении климата предоставляют в целом достаточные основания для идентификации нарушителей и применения к ним соответствующих правовых мер¹⁶.

Важно, что МС ООН наделил международные климатические обязательства высоким статусом *erga omnes*¹⁷ (обязательства в отношении международного сообщества в целом) и тем самым заложил основу для применения мер имплементации ответственности за их нарушения со стороны любых, а не только потерпевших, государств, с той оговоркой, что возмещение вреда в виде реституции, компенсации и сатисфакции вправе требовать только потерпевшие государства¹⁸. В то же время «в контексте изменения климата возмещение вреда в виде компенсации может быть сложно рассчитать, поскольку обычно существует степень неопределённости относительно точного размера причинённого вреда»¹⁹.

Поскольку МС ООН предусмотрел ответственность только за международно-противоправные действия, а не за правомерную, но причинившую вред климату деятельность, он фактически исключил ответственность за основной вред, причиненный климатической системе развитыми странами своими историческими антропогенными выбросами в период с начала промышленной революции (середина XIX века) до появления международно-правовых обязательств в сфере защиты климата (вторая половина XX века).

В то же время консультативное заключение МС ООН можно считать значимым инструментом «зелёной энергетической революции», поскольку оно отражает беспрецедентно негативное отношение к ископаемому топливу. Во втором и третьем предложениях параграфа 427 его мотивировочной части указано следующее: «Непринятие государством надлежащих мер по защите климатической системы от выбросов парниковых газов, в том числе посред-

¹³ *Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraph 242.*

¹⁴ *Ibid. Paragraph 242.*

¹⁵ *Ibid. Paragraph 418.*

¹⁶ *Ibid. Paragraphs 427–454.*

¹⁷ О роли обязательств *erga omnes* в сфере применения односторонних ограничительных мер см. [Гудков, Энтин 2025].

¹⁸ *Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraphs 440-443.*

¹⁹ *Ibid. Paragraph 454.*

ством производства и потребления ископаемого топлива, выдачи лицензий на разведку ископаемого топлива или предоставления субсидий на ископаемое топливо, может представлять собой международно-противоправное деяние, приписываемое этому государству. Суд также подчеркивает, что рассматриваемым международно-противоправным деянием является не выброс парниковых газов как таковой, а нарушение договорных и обычных обязательств ... защиты климатической системы от значительного вреда, причиняемого антропогенными выбросами таких газов».

Эта цитата имеет признаки формирующейся пока что в рамках необязательного консультативного заключения, но значимой презумпции противозаконности деятельности государств в области финансирования, разведки, разработки и потребления углеводородного сырья. Несмотря на обтекаемость формулировки – «может представлять... международно-противоправное деяние», она чётко отражает негативное отношение к ископаемому топливу. Поскольку данная деятельность (и только она) помещена в открытый перечень климатически вредоносного поведения, это позволяет отнести её к частному, но при этом единственному поименованному проявлению «непринятия государством надлежащих мер по защите климатической системы».

Учитывая что обычно-правовое обязательство, применимое ко всем без исключения государствам, включает «принятие всех мер, которые были в силах государства, для предотвращения значительного ущерба климатической системе», его, предположительно, будут трактовать как подразумевающее необходимость посильного ограничения или запрета добычи ископаемого топлива. Это связано с тем, что именно данная деятельность – и только она – прямо названа в заключении вредоносной для климата, причём без каких-либо квалифицирующих условий.

Не признавая возможности компенсации исторического вреда, причинённого климату правомерной в прошлом деятель-

ностью и одновременно закрепляя безусловно негативное отношение к ископаемому топливу, консультативное заключение Суда направляет развивающимся государствам Глобального большинства сигнал, который можно интерпретировать следующим образом: не следует особенно рассчитывать на получение компенсации за причинённый развитыми странами исторический климатический ущерб, но самостоятельно добывать или использовать ископаемое топливо – не только безусловно вредно для климата, но и рискованно в юридическом отношении.

Тезис о безусловной вредоносности и потенциальной незаконности деятельности в области ископаемого топлива будет, вероятно, широко использоваться идеологами «зелёной энергетической революции», в том числе для того, чтобы обосновывать пограничные корректирующие углеродные механизмы, не учитывающие природные компенсационные решения в качестве надлежащей нейтрализации углеродного следа от ископаемого топлива, и для того, чтобы навязывать развивающимся странам отказ от ископаемого топлива в качестве необходимого условия получения финансово-технологического содействия «зелёному переходу». Само же это содействие, исходя из формирующейся в последние годы практики «партнёрств справедливого перехода», будет сведено к выдаче кредитных и отчасти грантовых средств целевого характера на приобретение оборудования для производства и использования ВИЭ, что расширит перспективы перевода развивающихся стран в новую форму колониальной финансово-технологической зависимости [Гудков 2024].

Текущий статус международной климатической повестки: вектор в сторону «зелёной энергетической революции»

Историю международного режима защиты климата принято отсчитывать с 1992 года, когда была заключена РКИК. За первые три десятилетия (1992–2021) его развития, отмеченные заключением

Киотского протокола (1997), Парижского соглашения (2015), ежегодными (за рядом исключений) решениями КС и оценочными докладами МГЭИК, вопрос об ограничении использования ископаемого топлива оставался фактически табуированным. Ни в нормах самих соглашений, ни в решениях КС, ни в докладах МГЭИК не закреплялись прямые меры, направленные на сокращение добычи или потребления ископаемых видов топлива, хотя и признавалось, что именно их сжигание является основной причиной антропогенных выбросов парниковых газов.

Ситуация начала кардинально меняться за последние пять лет. В ноябре 2021 г. в рамках КС-26 путём консенсуса был принят Климатический пакт Глазго²⁰, в параграфе 20 которого было снято табу на универсальное климатическое регулирование отношений, связанных с ископаемым топливом. В результате долгих и напряжённых дискуссий, в том числе проходивших за закрытыми дверями между делегациями пяти стран-участниц, в проект пакта по инициативе, которую ряд СМИ приписывают делегации США, был включён пункт о «постепенном сворачивании» (phase down) использования «угольной электроэнергетики с несокращёнными выбросами» (*unabated coal power*). Несмотря на то что данный термин был использован впервые, его определение в тексте пакта приведено не было. Из-за расхождений между языковыми версиями документа сохранилась возможность двойкой интерпретации этого понятия: узкой – как угольной генерации, выбросы от которой не сокращаются непосредственно у источников, и широкой – как угольной генерации, выбросы от которой не сокращаются у источников и при этом не компенсируются поглощением эквивалентного объёма парниковых газов

из атмосферы [Гудков 2024]. При широкой трактовке в качестве климатически приемлемой – не подлежащей «постепенному сворачиванию» – угольной генерации «с сокращёнными выбросами» (*abated coal power*) можно было бы квалифицировать генерацию, актуальные выбросы от которой у источников хотя и не сокращены, но сбалансированы поглощением соответствующего объёма ранее накопленных в атмосфере парниковых газов.

В 2022–2023 годах МГЭИК опубликовала документы Шестого оценочного цикла²¹, в которых впервые за всю историю исследований была чётко обозначена прямая связь между климатической и энергетической политикой. В этих документах с научной точки зрения обосновывалось, что для достижения основной глобальной температурной цели требуется значительное сокращение в общемировом использовании не только угля, но и всех видов ископаемого топлива. Именно тогда стало очевидным, что МГЭИК, закрепляя в принципиальном ключе климатическую неприемлемость углеводородного сырья, осуществляет имеющую долгосрочные стратегические последствия научную мотивировку «климатического приговора» ископаемому топливу [Гудков 2023]. Так, в обобщающем докладе МГЭИК отмечалось, что для достижения основной глобальной температурной цели требуется к 2050 г. добиться «существенного сокращения в общем объёме» использования всех видов ископаемого топлива, при сохранении «минимального использования» лишь «ископаемого топлива с несокращёнными выбросами» (*unabated fossil fuels*)²². По расчётом Рабочей группы III МГЭИК, «в сценариях с наибольшей вероятностью ограничения потепления 1,5 °C..., без использования технологий улавливания и хранения углерода,

²⁰ Decision 1/CMA.3 Glasgow Climate Pact // UNFCCC. 31.10.2021 URL: <https://unfccc.int/decisions?%5B0%5D=conference%3A4301> (accessed: 22.09.2025).

²¹ Lee H. and Romero J. (eds.) Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers // Intergovernmental Panel on Climate Change. 2023. 36 p. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf (accessed: 22.09.2025).

²² Lee H. and Romero J. (eds.) Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers. Paragraph C.3.2.

использование угля, нефти и газа должно сократиться в среднем на 100, 60 и 70 процентов соответственно к 2050 году»²³.

В двух сносках к докладу были даны определения, индикативно (неисчерпывающим образом) раскрывающие содержание термина «ископаемое топливо с несокращёнными выбросами», имеющего ключевое значение, поскольку использование именно этой категории ископаемого топлива является климатически неприемлемым и подлежит сведению к минимуму. Согласно данным определениям, «ископаемым топливом с несокращёнными выбросами» считается топливо, выбросы от которого в атмосферу существенно не сокращены у источников за счёт вмешательства человека²⁴. Тем самым была исключена возможность квалифицировать в качестве климатически приемлемого «ископаемого топлива с сокращёнными выбросами» (*abated fossil fuel*) углеводородное сырье, выбросы парниковых газов от которого не сокращены человеческим вмешательством у источников, а компенсированы поглоще-

нием эквивалентного объёма парниковых газов из атмосферы. По логике МГЭИК, сокращение выбросов от ископаемого топлива у источников может достигаться, в частности, за счёт технологии *“carbon capture and storage”* (*“CCS”*: улавливание и хранение углерода), в то время как поглощение парниковых газов из атмосферы (*carbon dioxide removal, CDR*), в интерпретации МГЭИК, не равнозначно упомянутому технологическому улавливанию у источников (*carbon capture*, являющейся частью *CCS*), а выделено в отдельную, самостоятельную категорию²⁵. Исходя из подхода МГЭИК, поглощение (в том числе природное) парниковых газов из атмосферы до достижения общемирового «нетто-нулевого» показателя должно по остаточному принципу дополнять, но не заменять собой существенное сокращение выбросов у источников, что отражает также продвигаемый Секретариатом ООН подход к определению «нетто-нулевой» установки, которая не дефинирована на конвенционном уровне²⁶. Согласно данному подходу, глобаль-

²³ Shukla P. R., Skea J., Reisinger A. [et al.] (eds.) Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Working Group III Contribution to the IPCC Sixth Assessment Report // Intergovernmental Panel on Climate Change. 2022. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/downloads/report/IPCC_AR6_WGIII_SummaryForPolicymakers.pdf (accessed: 22.09.2025). Р. 24. Paragraph C.3.2.

²⁴ Lee H. and Romero J. (eds.). Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers. Р. 20, 28. Прим.: В источнике термин *“abatement”* в сноске № 42 определён как «вмешательства человека, сокращающие выбросы ПГ от инфраструктуры ископаемого топлива в атмосферу», а в сноске № 51 «ископаемое топливо с несокращёнными выбросами» (*“unabated fossil fuels”*) определено как «ископаемое топливо, произведенное и используемое без вмешательств, которые существенно сокращают объёмы ПГ, выбрасываемых в течение жизненного цикла, например, улавливающих 90% или более CO₂ от электростанций или 50–80% от фугитивных выбросов метана при энергетических поставках».

²⁵ Термин «поглощение» (*“carbon dioxide removal”*) МГЭИК в приложении-глоссарии к докладу 2018 года определяет как «антропогенную деятельность по поглощению CO₂ из атмосферы и его длительному хранению в геологических, земных или океанических резервуарах, или в продуктах. Она включает существующее и потенциальное антропогенное расширение биологических или геохимических поглотителей и прямое улавливание из воздуха и хранение, но исключает естественное поглощение CO₂, прямо не вызванное человеческой деятельностью». См.: Matthews, J.B.R. (ed.) Annex I: Glossary. In: Masson-Delmotte, V., P. Zhai, H.-O. Pörtner [et al.] (eds.) Global Warming of 1.5°C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5°C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty. Cambridge University Press: Cambridge, UK and New York, NY, USA. Р. 541–562. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2022/06/SR15_AnnexI.pdf (accessed: 22.09.2025).

²⁶ Lost in Translation Lessons from the IPCC’s Sixth Assessment on the Urgent Transition from Fossil Fuels and the Risks of Misplaced Reliance on False Solutions // Center for International Environmental Law. URL: <https://www.ciel.org/wp-content/uploads/2023/03/Lost-in-Translation-Lessons-from-the-IPCCs-Sixth-Assessment.pdf> (accessed: 22.09.2025).

ные выбросы должны быть сокращены до уровня, максимально близкого к нулю, и лишь остаточные выбросы, которые невозможны или крайне затруднительно сократить у источников (hard-to-abate), подлежат балансировке при помощи поглощения из атмосферы [Гудков 2023].

Поскольку, согласно правилам процедуры, основные выводы, содержащиеся в разделе «Резюме для политиков» докладов МГЭИК, утверждаются построчно консенсусом всех государств в лице их официальных представителей, указанные выше установки отражают формальное межправительственное универсальное согласие и в отсутствие возражений со стороны государств в силу принципа эстоппель становятся частью не только научного, но и международного политico-правового ландшафта²⁷.

В заданной МГЭИК логике развиваются и дальнейшие исследования в области климатических изменений. Констатируя отсутствие консенсуса среди международного сообщества по вопросу о том, какие конкретно объёмы «существенного сокращения» выбросов должны быть достигнуты, чтобы отнести ископаемое топливо к категории «с сокращёнными выбросами» (то есть какой порог существенности применяется и какой конкретно должна быть необходимая «доля улавливания»), эксперты исходят из того, что базовый подход теперь чётко зафиксирован и не подлежит пересмотру. Согласно этому подходу, основной объём выбросов необходимо сокращать именно у источников, а не компенсировать за счёт поглощения из атмосферы; конкретные же расчёты, выполненные на этой основе, показывают, что сокращению подлежат не менее 95% выбросов, а балансировке поглощением не

более 5% [Bataille, Bashmakov, Khourdajie et al 2025].

Вскоре после выхода Шестого оценочного доклада МГЭИК, в декабре 2023 года, в рамках КС-28 в Абу-Даби консенсусом всех государств было принято решение, утвердившее первое «глобальное подведение итогов Парижского соглашения»²⁸. Впервые в истории на уровне универсального межправительственного документа был зафиксирован термин «энергетический переход», закреплена установка на «переход от ископаемого топлива в энергетических системах» (transitioning away from fossil fuels in energy systems) к 2050 г. и на одновременное утречение глобальных мощностей ВИЭ уже к 2030 году. Причём сделано это было вопреки тщетным усилиям ОПЕК убедить своих членов воспрепятствовать принятию документа, содержащего какие-либо ссылки на ископаемое топливо, а не только на эмиссии парниковых газов²⁹. Установка на «отход от ископаемого топлива» была символично помещена в центр перечня действий по борьбе с изменением климата, содержащегося в параграфе 28 решения КС-28. Этот перечень сформулирован как комплексный план, в реализацию всех пунктов которого в их совокупности каждое государство призвано внести свой вклад с учётом своих «национальных обстоятельств, путей и подходов». Тот факт, что переход от ископаемого топлива призваны осуществлять именно «в энергетических системах», на практике существенно не сужает предметный охват этой установки. Это объясняется тем, что МГЭИК трактует термин «энергетические системы» крайне широко, включая в него не только электроэнергетику, но и любую физическую и социальную инфраструктуру, связанную с энергией.

²⁷ По этой причине англоязычное наименование МГЭИК («IPCC» – «Intergovernmental Panel on Climate Change»), не включающее слово «эксперты», более ёмко и правильно отражает суть этого органа не как «экспертного клуба», а как полноценного межправительственного института.

²⁸ UNFCCC Decision FCCC/PA/CMA/2023/L.17 // United Nations. 13.12.2023. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (accessed: 22.09.2025).

²⁹ Carrington D. OPEC rails against fossil fuel phase-out at Cop28 in leaked letters // Guardian. 08.12.2023. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/dec/08/opec-rails-against-fossil-fuel-phase-out-at-cop28-in-leaked-letters> (accessed: 22.09.2025).

Кроме того, как уже отмечалось, МГЭИК прямо признаёт необходимость максимального сокращения использования ископаемого топлива в мировом масштабе³⁰. Хотя в параграфе 29 решения КС использован термин «переходные виды топлива» (*transitioning fuels*), его определение не приведено. Иными словами, на уровне КС-28 было зафиксировано, какие действия призваны предпринять все государства до 2050 г. для достижения основной глобальной климатической цели. В перечень этих действий входит «переход от ископаемого топлива» (не исключая природный газ). На усмотрение же государств был оставлен лишь выбор того, каким способом достичь данной цели.

Учитывая, что в июле 2025 г. МС ООН своим консультативным заключением признал важный правовой эффект решений КС, преимущественную перед иными научными источниками доказательную силу докладов МГЭИК и в весьма отчёловой форме подчеркнул безусловно негативное отношение к любому ископаемому топливу (так же, как и в решении КС-28, то есть без оговорки «с несокращёнными выбросами»), можно констатировать продолжение и значительное ужесточение постепенного реформирования международного режима защиты климата по сценарию «зелёной энергетической революции»: регулятивное давление на нефтегазовую отрасль за последние пять лет последовательно усиливается, формируя всё более жёсткие правовые рамки её деятельности.

Дальнейшим проявлением усиливающегося юридического давления на нефтегазовую отрасль стала совместная декларация судей МС ООН Далвира Бхандари (Индия) и Сары Кливленд (США), в которой обычно-правовой стандарткой осмотрительности интерпретируется как возлагающий на все государства обязательство проводить регуляторную политику, направленную на отказ от ископаемого топлива³¹.

Современную глобальную климатическую повестку принято критиковать за то, что лучшим доказательством её неэффективности и нереалистичности служит фактический рост производства и потребления углеводородного сырья в мире. Тем не менее в практическом отношении формулирование на международном универсальном уровне общих стандартов, отражающих негативное отношение к ископаемому топливу, – даже если текущая реальность им не соответствует – имеет очевидные и весьма серьёзные долгосрочные практические последствия. Главным из них становится появление инструмента легитимизации дискриминации ископаемого топлива и связанных с ним процессов, включая инфраструктуру его производства, транспортировки и использования, а также производство углеродоёмкой продукции, что может оказывать негативное воздействие на привлечение инвестиций в нефтегазовую отрасль.

Легитимность дискриминации ископаемого топлива и сопутствующих активов будет обосновываться ссылкой на публичный эколого-климатический интерес,

³⁰ МГЭИК считает, что «энергетические системы определяются в широком смысле, включая как физические, так и социальные элементы. Физическая инфраструктура включает в себя всю инфраструктуру и оборудование, используемые для добычи, преобразования, транспортировки, передачи и преобразования энергии для предоставления энергетических услуг. Помимо физической системы, к энергетической системе имеет отношение широкий спектр социальных систем и динамики. Человеческие общества используют энергию для перемещения себя и товаров, которые они используют и потребляют, для отопления, охлаждения и освещения своих домов, приготовления пищи, а также для производства товаров и услуг. Таким образом, энергетические системы связаны с системами, участвующими в предоставлении этих различных товаров и услуг». Подробнее см: IPCC Sixth Assessment Report. Working Group III: Mitigation of Climate Change // Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/chapter/chapter-6/> (accessed: 22.09.2025).

³¹ Joint Declaration of Judges Bhandari and Cleveland // International Court of Justice. 23.07.2025. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-06-en.pdf> (accessed: 22.09.2025).

официально признанный всем международным сообществом. Этот инструмент уже активно тестируется идеологами «зелёной энергетической революции», например Европейским союзом в рамках введенного в 2023 г. пограничного углеродного механизма. Данный механизм налагает финансовое бремя на импортируемую углеродоёмкую продукцию, исключая при этом возможность учёта компенсационных природных решений при расчёте её углеродного следа. В частности, под действие механизма попадает продукция из России, климатическая политика которой отдаёт приоритет именно этим методам митигации.

При появлении реальных экономических и технологических предпосылок к структурному изменению мирового энергетического баланса – о которых как об уже свершившемся факте заявляют МЭА и Секретариат ООН – данный инструмент легитимной дискриминации будет задействован в полной мере. Это позволит обосновать необходимость ускоренного административно-командного уничтожения отрасли ископаемого топлива через отзыв лицензий, расторжение долгосрочных контрактов и другие аналогичные меры. Параллельно будет предпринята попытка переложить сопутствующие финансовые риски на государства-экспортёры углеводородов и нефтегазовых инвесторов. Им будет вменено в вину продолжение ведения бизнеса в условиях, когда они не просто осознавали климатическую неприемлемость ископаемого топлива, но и – в случае государств-экспортёров – официально поддержали консенсусное формирование на универсальном межправительственном уровне научно верифицированных стандартов, закрепляющих эту неприемлемость³².

Выгоды, которых за счёт «зелёной энергетической революции» хотят добиться её идеологи, вполне понятны. Результатом реализации данного сценария стало бы то,

что к 2050 г. ископаемое топливо и связанная с ним инфраструктура (участки недр, трубопроводы, хранилища, перерабатывающие заводы) превратились бы в неликвидные активы, подлежащие досрочному списанию или перепрофилированию для нужд ВИЭ. Это повлекло бы кардинальное изменение геополитического и геоэкономического ландшафта в пользу государств, обладающих технологиями возобновляемой энергетики. Такие государства не только прекратили бы выплачивать природную ренту за импорт углеводородов, но и начали бы аккумулировать технологическую ренту в свою пользу. Кроме того, благодаря цифровизации и искусственно-му интеллекту, они получили бы инструменты прямого управления новой глобальной энергетической системой в рамках нового технологического уклада.

Альтернативные сценарии: «зелёная энергетическая эволюция» или «золотая мера потребления»?

Комплексная оценка сценария «зелёной энергетической революции» требует методологического подхода, включающего целый набор критерии. Концепция модели интегрированной оценки устойчивости и безопасности «зелёного перехода» предназначена для системного и целостного анализа различных сценариев перехода, включая сценарий «зелёной энергетической революции» (рис. 1). Модель позволяет оценить соразмерность таких сценариев климатическим целям в их целостной взаимосвязи с другими критически важными параметрами, такими как энергетическая трилемма (баланс между безопасностью, доступностью и экологической устойчивостью), цели устойчивого развития ООН, планетарные экологические границы и международно-правовые рамки. Такой подход обеспечивает всестороннюю оценку рисков и последствий «зелёного

³² Подробнее см.: Гудков И.В. Климат: повестка для БРИКС + // Дипломатическая академия МИД России. 24.06.2024. URL: <https://www.dipacademy.ru/press/doklad-klimat-povestka-dlya-briks/> (дата обращения: 22.09.2025).

Рисунок 1

Источник: Гудков И. В. Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции. М.: МГИМО-Университет, 2024. С. 66.

перехода», исключая односторонний акцент исключительно на климатических аспектах и способствуя выработке сбалансированных политических решений.

Анализ сценария «зелёной энергетической революции» на базе данной модели демонстрирует, что на текущем этапе его реализация была бы сопряжена с рядом существенных рисков, вызовов и неопределённостей, что обуславливает необходимость дальнейшего углублённого междисциплинарного научного исследования [Гудков 2024].

Что касается основной – климатической – цели, неопределённость связана с методикой расчёта объёмов выбросов парниковых газов. При полном учёте косвенных выбросов, относящихся к так называемому охвату 3, под которым понимаются выбросы на стадии добычи неэнергети-

тических минералов, из которых производится инфраструктура ВИЭ, на стадии переработки этих минералов и на стадии утилизации отработавших объектов инфраструктуры ВИЭ, углеродный след ВИЭ резко возрастает. По расчётом ряда независимых исследователей, при полном учёте косвенных выбросов на базе корректных, а не искусственно смоделированных исходных данных, применяемых МЭА и МГЭИК, углеродный след ВИЭ приближается или даже превышает углеродный след инфраструктуры, работающей на определённых видах ископаемого топлива [Гудков 2024].

Для оценки соответствия сценария «зелёной энергетической революции» девяти планетарным экологическим границам необходим расчёт его совокупного эколого-климатического следа, который до настоящего времени полноценно и транс-

перентно не был проведён. В случае гипотетической реализации этого сценария в сжатые сроки – к 2050 году – развертывание в мире новой инфраструктуры ВИЭ потребовало бы мобилизации беспредентных объёмов энергетических, финансовых и природных ресурсов. Это включало бы изъятие из оборота колоссальных земельных и водных пространств, что создало бы чрезмерную нагрузку на планетарную экосистему и, по меткому выражению Дэниела Ергина, означало бы переход от «большой скважины» к «большому ковшу», что означает сохранение природно-ресурсной зависимости человечества при изменении её формы³³.

Оценка соответствия сценария «зелёной энергетической революции» принципу справедливости требует анализа межстранового распределения связанных с ним издержек. К ним относятся упущенная природная рента от неиспользованного ископаемого топлива, затраты на вывод из оборота углеводородных активов, расходы на создание инфраструктуры ВИЭ, а также углеродный след от её производства и обслуживания.

В рамках действующей «производственной» методики расчёта углеродного следа ответственность за выбросы парниковых газов при создании инфраструктуры ВИЭ ложилась бы преимущественно на развивающиеся страны – поставщиков минеральных ресурсов и производителей оборудования. В то же время развитые страны, потребляющие произведённую энергию, демонстрировали бы низкие прямые выбросы в период эксплуатации объектов ВИЭ, аккумулировали технологическую ренту и одновременно применяли пограничные углеродные сборы к импорту из развивающихся государств.

Аналогичным образом, вызывает обоснованные сомнения соответствие сценария «зелёной энергетической революции» другим указанным на Рис. 1 базовым кри-

териям: финансово-ресурсной и природно-ресурсной обеспеченности, энергетической трилемме, семнадцати целям устойчивого развития и действующим международно-правовым установкам [Гудков 2024].

Объективная интегрированная оценка сценария «зелёной энергетической революции», включая его совокупный экологоклиматический след, а также экономические, социальные и правовые последствия, позволила бы человечеству сделать обоснованный вывод о действительной природе данного перехода. Речь идёт о том, является ли он в действительности «зелёным», справедливым и соразмерным или же представляет собой скрытое под экологической риторикой перераспределение ресурсов в пользу развитых стран, усугубляющее глобальное неравенство и повышающее риски новых экологических, энергетических и продовольственных кризисов.

Однако критический анализ сценария «зелёной энергетической революции» сам по себе не является достаточным условием для формирования в мире альтернативного образа «зелёного будущего», который мог бы быть убедительно противопоставлен существующему нарративу. Подготовка альтернативного сценария перехода человечества к экономике с нетто-нулевыми выбросами и его эффективное продвижение на международной арене требуют серьёзного научного междисциплинарного и многофакторного обоснования, включаяющего обстоятельный сравнительный анализ последствий и моделирование экологоклиматического следа.

Возможной альтернативой мог бы стать сценарий «зелёной энергетической эволюции», основанный не на замещении ископаемого топлива возобновляемыми источниками, а на сбалансированном сочетании технологических и природных решений. Данный подход предполагает диверсифицированное использование комбинации ВИЭ, АЭС и ископаемого топлива, вклю-

³³ Yergin D. Bumps in the energy transition // International Monetary Fund. 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/12/bumps-in-the-energy-transition-yergin> (accessed: 22.09.2025).

чая производные от последнего низкоэмиссионные виды энергии. Ключевое место в этой системе занимает водород (H_2), расположенный в центре «треугольника энергетических ресурсов» современного «зелёного перехода», поскольку он может производиться как на базе ВИЭ и АЭС, так и на базе углеводородного сырья. При использовании соответствующих технологий углеводородный водород может стать низкоэмиссионным («голубой» или «бирюзовый» виды H_2). Кроме того, данный сценарий предусматривает расширенное использование природных ресурсов, нейтрализующих эмиссии: поглотительно-накопительных способностей экосистем и накопительных потенциалов геологических формаций. Эти два элемента заслуживают отнесения к категории критически важных природных ресурсов современного «зелёного перехода», обеспечивающих его устойчивость и безопасность.

В то же время оценка соразмерности любого сценария глобального «зелёного перехода» его климатической цели требует ответа на основной вопрос: возможно ли за счёт масштабирования использования низкоэмиссионных технологий гарантированно компенсировать рост выбросов, обусловленный увеличением мирового населения и экономическим развитием. Этот вопрос многие годы остаётся предметом дискуссии между сторонниками «зелёного роста» и приверженцами концепции «антироста» (или «построста»). Стоит отметить, что круг последних продолжает расширяться, их позиция имеет всё более весомое звучание, а их политическая, экономическая и социальная аргументация постепенно обогащается юридическими обоснованиями [Hickel, Slamersak 2022; Mauger 2023; Heffron 2023; Mastini, Kallis, Hickel 2021].

Концепция «антироста» рассматривает в качестве фундаментальной причины современных экологических, климатических и социальных проблем капиталистическую модель развития, сложившуюся за несколько столетий под влиянием наиболее развитых стран. Эта система, характеризуемая антидемократическими черта-

ми, ориентирована на расширение производства и потребления преимущественно в интересах наиболее обеспеченных слоёв общества. Постоянное увеличение производства и потребления, выдаваемое коллективным Западом за экономический рост, таковым не является, поскольку выражается исключительно в количественном росте ВВП. Такой рост лишён ценностного ориентира, так как не тождественен ни технологическим инновациям, ни социальному прогрессу, ни реальному повышению общественного благосостояния.

Сторонники концепции «антироста» полагают, что сохранение капиталистической модели развития приводит к тому, что масштабирование низкоэмиссионных технологий не только не решает экологические и климатические проблемы, но и усугубляет их, одновременно увеличивая социальное неравенство. Это утверждение основывается на двух ключевых аргументах.

Во-первых, в условиях капиталистической системы потребление энергии непрерывно растёт, опережая темпы внедрения низкоэмиссионных технологий. При этом сам процесс развёртывания таких технологий является крайне ресурсоёмким: он требует значительных энергетических, финансовых и материальных затрат, что создаёт дополнительную нагрузку на окружающую среду.

Во-вторых, существует резкий дисбаланс в распределении энергопотребления между развитыми и развивающимися странами. Например, 5% наиболее обеспеченной части населения мира из стран Запада потребляет больше энергии, чем 50% беднейшего населения, проживающего в странах Глобального большинства. Если последние используют энергию в лучшем случае для удовлетворения базовых потребностей, то наиболее богатые слои общества потребляют её в объёмах, значительно превышающих разумные потребности человека.

Несмотря на очевидную несправедливость глобального энергетического распределения, все разработанные МГЭИК кли-

матические сценарии до сих пор игнорируют этот дисбаланс. Они предусматривают сохранение привилегированного положения стран Запада, допуская уровень душевого энергопотребления в 2-3 раза выше, чем в странах Глобального большинства, тем самым фактически легитимизируя колониальную модель неравенства [Hickel, Slamerak 2022].

Сторонники концепции «антироста» указывают на фундаментальное противоречие между риторикой западных стран о необходимости срочного перехода к «зелёному будущему» и их реальной политикой: продолжающимся ростом внутреннего потребления на фоне нарастающих экзистенциальных экологических угроз, которые не могут быть компенсированы существующими технологическими решениями. Они видят решение экологических, климатических и социальных проблем не в технологическом энергетическом переходе, а в фундаментальной политico-экономической трансформации капиталистической системы. Согласно их позиции, развитые страны – если они действительно стремятся сохранить жизнепригодность планеты в рамках девяти планетарных границ – должны остановить рост потребления, включая энергетическое. В то же время страны Глобального большинства должны сохранить право на развитие, направленное на достижение достойного уровня жизни, включая необходимый для этого объём энергопотребления.

Предлагаемый представителями концепции «антироста» подход можно назвать сценарием «золотой меры потребления». Он имеет потенциал для политической поддержки, прежде всего, в странах Глобального большинства. Юридическим базисом его продвижения могли бы стать принципы предосторожности, пропорциональности, общей, но дифференцированной ответственности, взаимной выгоды и справедливости перехода.

Перспективным направлением исследований является комбинирование сценариев «золотой меры потребления» и «зелёной энергетической эволюции». Такой подход позволил бы, с одной стороны, достичь оптимального сочетания природных и технологических решений при обеспечении «золотой меры потребления» в развитых странах, а с другой – предоставить странам Глобального большинства на переходном этапе возможность использовать традиционный энергетический уклад на основе ископаемого топлива. Это соответствовало бы принципу общей, но дифференцированной ответственности, принципу справедливости перехода, а также принципу неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами. Данная идея находит отражение в недавно опубликованном Первом ежегодном национальном докладе о климатической повестке ИНП РАН России, где содержится призыв к внедрению концепции углеродных бюджетов, рассчитанных на основе накопленных нетто-выбросов парниковых газов на душу населения³⁴. Такой подход освобождает развивающиеся страны с низкими душевыми выбросами от жёстких ограничений на использование ископаемого топлива и экономический рост, в то время как развитые страны, исторически ответственные за большую часть глобальных выбросов, будут инвестировать в покупку углеродных единиц у развивающихся государств.

Заключение: выводы и предложения

Продвижение проекта «зелёной энергетической революции» осуществляется активно и стратегически последовательно. Используя институциональное влияние, развитые страны формируют международный климатический режим, который под видимостью коллективных решений фактически дискредитирует ископаемое топливо в соответствии с их интересами. Этот процесс, получивший подтверждение

³⁴ Первый ежегодный национальный доклад о климатической повестке в России // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2025. URL: <https://ecfor.ru/publication/natsionalnyj-doklad-o-klimaticheskoi-povestke-v-rossii/> (дата обращения: 22.09.2025).

в консультативном заключении МС ООН, привёл к радикальному реформированию климатической политики без изменения основополагающих международных соглашений. Ключевыми элементами этой трансформации стали принципиальное признание климатической вредоносности ископаемого топлива, провозглашение необходимости его масштабного сокращения при наращивании ВИЭ, а также маргинализация роли природного поглощения парниковых газов, которое в период до достижения в мире «нетто-нуля» сводится к компенсации лишь технологически неустранимых выбросов.

Формирование на универсальном уровне общих стандартов климатического поведения, отражающих идеологию «зелёной энергетической революции», порождает существенные риски. В условиях неопределенности в ключевом вопросе о справедливом распределении бремени между странами, эти стандарты угрожают нарушить баланс в применении принципа общей, но дифференцированной ответственности, фундаментального, но до сих пор не раскрывшего свой потенциал. Интерпретация «дифференциированной ответственности», продвигаемая идеологами «зелёной революции» и не опровергнутая МС ООН, сводит её лишь к двум аспектам: праву развивающихся стран на более поздний пик выбросов и на получение помощи. При этом общим стандартом остается «переход от ископаемого топлива». Такое понимание означало бы не только безальтернативность сценария «зелёной революции», но и фактическое выхолащивание принципа, лишающее его какой-либо дополнительной ценности.

Фиксация «общей ответственности» в виде универсальных стандартов при одновременной неопределенности в вопросе о её «дифференциации» вносит в международные отношения опасный фактор нестабильности. Это связано с тем, что, как признал МС ООН, подобные чувствительные вопросы климатической политики получают реальный шанс перейти из естественной для них переговорной плоскости

в сферу международного правосудия. Суды, очевидно, не подходят на роль эффективного глобального регулятора энергетических стратегий государств, однако при этом способны осуществить глубокое вторжение в традиционно суверенную сферу их полномочий.

В то же время всё более очевидными становятся значительные вызовы и существенные издержки проекта «зелёной энергетической революции», которые ставят под сомнение его соответствие девяти планетарным экологическим границам, семнадцати целям устойчивого развития, принципам справедливости, соразмерности, взаимной выгоды и недискриминации. Критику вызывают такие аспекты данного проекта, как его колоссальная ресурсоёмкость и ресурсная необеспеченность, полноценно не оценённый совокупный эколого-климатический след, а также усугубление неоколониальной зависимости развивающихся стран, выражющееся в их подчинении новым финансово-технологическим механизмам.

Идеологи проекта «зелёной энергетической революции», приравняв «зелёный переход» исключительно к энергетической трансформации, а «зелёное развитие» — к декарбонизации, и объявив ископаемое топливо главным виновником глобального потепления, осуществили концептуальную подмену. Это отвлекло внимание от системной причины антропогенного изменения климата — капиталистической модели общества, основанной на постоянном росте потребления, которая была внедрена и веками сохраняется развитыми странами. Текущий уровень потребления в богатых государствах многократно превышает показатели бедных стран. Сохранение этой модели, которое не оспаривается в рамках текущей глобальной климатической повестки и игнорируется в докладах МГЭИК, не только закрепляет колониальное неравенство, но и ведёт к усугублению климатических, экологических, энергетических и продовольственных кризисов.

Для противодействия проекту всеобщей «зелёной энергетической революции»

необходимо формирование и продвижение на международном уровне альтернативного образа «зелёного будущего» человечества. В результате ползучего реформирования международного климатического режима, инициированного идеологами «зелёной энергетической революции», на универсальном уровне уже сформированы чёткие регулятивные рамки, закрепляющие исключительность данного подхода. Это делает запуск альтернативной концепции с каждым днём всё более сложной и одновременно неотложной задачей. Фактор времени становится решающим: отсутствие на международном межправительственном уровне активного, убедительного и содержательного противодействия доминирующему подходу будет интерпретировано как молчаливое согласие, подтверждающее его окончательный и необратимый характер, с принятием производных от него универсальных стандартов и всех вытекающих из заключения МС ООН сопутствующих рисков. Решение данной проблемы требует принципиально нового взгляда на глобальную климатическую повестку: необходимо перейти от роли «исполнителя-строителя», реализующего чужие проекты, к позиции «визионера-архитектора», способного создавать универсальные проекты и формулировать справедливые правила для всего мирового сообщества.

Сотрудничество России с дружественными государствами в рамках БРИКС+, а также потенциальное выборочное сотрудничество с новой администрацией США, заявившей о радикальном пересмотре климатической политики, создаёт уникальные возможности для формирования альтернативного проекта «зелёного будущего». Ключевым элементом должно стать замещение концепции «оставляйте ископаемое топливо под землёй» (*leave fossil fuels underground, LFFU*) принципом «богатые страны, потребляйте меньше» (*rich countries, consume less, RCCL*). Это требует активного участия в формировании международной научной повестки, включая очередной оценочный цикл МГЭИК, для обоснова-

ния тезиса о том, что «зелёный переход» не сводится к всеобщему «энергетическому переходу».

Необходимо также внедрить модель целостной объективной оценки устойчивости, безопасности и ресурсной обеспеченности «зелёного перехода», инициировав международную проверку сценария «зелёной энергетической революции». Это позволит зафиксировать связанные с ним риски и вызовы, обеспечив прозрачность и научную обоснованность принимаемых решений.

Важным шагом стало бы повышение статуса базовых определений международного климатического режима – перенос их обсуждения с уровня МГЭИК на уровень КС для ревизии или фиксации отсутствия договоренностей по некоторым из них. Это необходимо, в частности, для защиты роли природных решений как полноценных инструментов митигации в контексте выполнения «нетто-нулевой» установки и обеспечения принципа суверенитета над критически важными природными ресурсами, такими как поглотительно-накопительный потенциал экосистем.

Перспективным направлением также видится продвижение концепции углеродных бюджетов, основанных на накопленных нетто-выбросах на душу населения. Такой подход позволит создать справедливый и верифицируемый стандарт дифференцированного распределения климатической нагрузки между странами в зависимости как от уровня их экономического развития, так и от их вклада в решение мировых эколого-климатических проблем.

Учреждение многостороннего «климатического клуба» могло бы стать платформой для признания альтернативных научно обоснованных решений, включая природные методы поглощения парниковых газов и низкоэмиссионные технологии на основе ископаемого топлива. Это позволит учесть естественные конкурентные преимущества стран-участниц, включая Россию. В рамках такого клуба целесообразно запустить трансграничный рынок углеродных единиц, учитывающий резуль-

таты проектов, альтернативных «зелёной энергетической революции»³⁵.

В контексте глобальной дискуссии о целевых ориентирах развития³⁶ альтернативный проект «зелёного будущего» способен предложить человечеству, раздираемому конфликтами, новые позитивные гуманистические смыслы. Такой проект мог бы лечь в основу формирования антиимпериалистической, антикапиталистической и антиколониальной модели существования, основанной на принципах меритократии, гармонии с природой и осознанного использования достижений научно-технического прогресса.

Тем самым фокусировка «зелёного перехода» была бы смещена с замены ископаемого топлива на трансформацию стандартов человеческого поведения. Такой подход соответствует признанной Международным судом ООН позиции, оставляющей пространство для альтернативных

решений климатической проблемы. Суд подчеркнул, что «долгосрочное и удовлетворительное решение требует человеческой воли и мудрости – на индивидуальном, социальном и политическом уровнях – чтобы изменить наши привычки, комфорт и нынешний образ жизни, чтобы обеспечить будущее для себя и тех, кому ещё предстоит жить»³⁷.

От создания и успешности реализации проекта «зелёного будущего», отличного от сценария «зелёной энергетической революции», в значительной степени зависит исход ведущейся под прикрытием глобальной климатической повестки борьбы за перераспределение ресурсов и сфер геополитического и геоэкономического влияния в меняющемся мире. Успех этого проекта определит, кто будет контролировать рычаги управления мировой энергетической системой – а значит, и глобальные механизмы управления в целом.

Список литературы

Гудков И.В. «Климатический приговор» ископаемому топливу: окончательный и обжалованию не подлежит? // Энергетическая политика. 2023. №12. С. 46–59. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_12191_46

Гудков И.В. Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции. М.: «МГИМО-Университет», 2024. 393 с.

Гудков И.В., Энтин М.Л. Односторонние «антироссийские» санкции: как усилить ответ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. №3. С. 53–68. DOI: 10.61205/S199132220034841-1

Гудков И.В., Энтин М.Л. Обязательства государств по защите климата: консультативное заключение Международного суда ООН // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. № 5.

Bataille C., Khourdajie A., Coninck H., Kleijne K., Nilsson L., Bashmakov I., Davis S., Fennell P. Defining 'abated' fossil fuel and industrial process emissions // Energy and Climate Change. 2025. Vol. 6. 11 p. DOI: 10.1016/j.egycc.2025.100203

Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives // Resources Policy. 2023. Vol. 81. No. 103129. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.103128

Fyock C. What Might Degrowth Mean for International Economic Law? A Necessary Alternative to the (Un)Sustainable Development Paradigm // Asian Journal of International Law. 2022. Vol. 12. № 1. P. 40–62. DOI: 10.1017/s2044251322000030

³⁵ О предложении по наполнению международной климатической повестки подробнее см.: Гудков И.В. Климат: повестка для БРИКС +; Первый ежегодный национальный доклад о климатической повестке в России; BRICS Just Energy Transition Report. 2024. URL: <https://rosenergo.gov.ru/upload/press-center/BRICS-JET-Report-2024.pdf> (accessed: 22.09.2025).

³⁶ Караганов С.А. Живая идея-мечта России. Кодекс россиянина в XXI веке // Россия в глобальной политике. 11.07.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zhivaya-ideya-mechta-rossii/> (дата обращения: 22.09.2025).

³⁷ Obligations of States in Respect of Climate Change. Advisory Opinion. Paragraph 456.

Heffron R. Energy Law in Crisis: An Energy Justice Revolution Needed // *Journal of World Energy Law and Business*. 2022. Vol. 15. № 3. P. 167–172. DOI: 10.1093/jwelb/jwac012

Hickel J., Slamersak A. Existing climate mitigation scenarios perpetuate colonial inequalities // *Lancet Planet Health*. 2022. Vol. 6. № 7. P. e628–e631. DOI: 10.1016/S2542-5196(22)00092-4.

Mastini R., Kallis G., Hickel J. A Green New Deal without growth? // *Ecological Economics*. 2021. Vol. 179. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2020.106832

Mauger R. Finding a needle in a haystack? Identifying degrowth-compatible provisions in EU energy law for a just transition to net-zero by 2050 // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 2023. Vol. 41. № 2. P. 175–193. DOI: 10.1080/02646811.2023.2187549.

CLIMATE AND LAW

HOW TO FORMULATE AN ATTRACTIVE IMAGE OF A FAIR “GREEN FUTURE”

IVAN GUDKOV

MARK ENTIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the legal and political aspects of the concept of a “green future” for humanity, which should guide the international climate protection regime. The first part of the article systematizes the conclusions made by the International Court of Justice in its 2025 advisory opinion on the international legal climate obligations of states. The second part, based on an analysis of decisions under the UN Framework Convention on Climate Change and reports of the Intergovernmental Panel on Climate Change, reveals the current status of the international legal climate protection regime. It concludes that over the past five years, the global climate protection regime has been reformed according to a “green energy revolution” scenario, which implies an accelerated transition from fossil fuels to renewable energy sources. As a result of this reform, the thesis of the climate unacceptability of all types of fossil fuels has been established at the global intergovernmental level, a position confirmed by the International Court of Justice. The Court’s opinion reflects an emerging presumption of illegality regarding activities related to the financing, exploration, development, and consumption of hydrocarbon resources. The third part of the article proposes a model for a comprehensive integrated assessment of the sustainability and security of the “green transition,” within which the risks and challenges of the “green energy revolution” scenario are analyzed, and possible alternative scenarios are explored.

Keywords:

energy and climate law and policy; greenhouse gas emissions; emission reduction; carbon dioxide removal; fossil fuels; energy transition; International Court of Justice; advisory opinion; international climate protection commitments; UNFCCC; Paris Agreement; IPCC.

References

Bataille C., Khourdajie A., Coninck H., Kleijne K., Nilsson L., Bashmakov I., Davis S., Fennell P. (2025) Defining ‘abated’ fossil fuel and industrial process emissions // *Energy and Climate Change*. Vol. 6. 11 p. DOI: 10.1016/j.egycc.2025.100203

Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. (2023) What motivates the ‘green’ transition: Russian and European perspectives // *Resources Policy*. Vol. 81. No. 103129. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.103128

Fyock C. (2022) What Might Degrowth Mean for International Economic Law? A Necessary Alternative to the (Un)Sustainable Development Paradigm // *Asian Journal of International Law*. Vol. 12. No 1. P. 40–62. DOI: 10.1017/s2044251322000030

Gudkov I.V. (2023) «Klimaticheskiy prigovor» iskopaemomu toplivu: okonchatel'nyy i obzhalovaniyu ne podlezhit? [A Climate Verdict on Fossil Fuels: Final and Not Subject to Appeal?] // *Energy Policy Journal*. No. 12. P. 46–59. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_12191_46

Gudkov I.V. (2024) *Energeticheskiy perekhod i pravo: klimat, torgovlya, investitsii* [Energy Transition and Law: Climate, Trade, Investment]. Moscow: MGIMO-University Publishing House. 393 p.

Gudkov I.V., Entin M.L. (2025) Unilateral “Anti-Russian” Sanctions: How to Strengthen the Response // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. Vol. 21. No. 3. DOI: 10.61205/S199132220034841-1

Gudkov I.V., Entin M.L. (2025) Obyazatel'stva gosudarstv po zashchite klimata: konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo suda OON [Obligations of States to Protect the Climate: Advisory Opinion of the International Court of Justice] // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 5.

Heffron R. (2022) Energy Law in Crisis: An Energy Justice Revolution Needed // *Journal of World Energy Law and Business*. Vol. 15. № 3. P. 167–172. DOI: 10.1093/jwelb/jwac012

Hickel J., Slamersak A. (2022) Existing climate mitigation scenarios perpetuate colonial inequalities // *Lancet Planet Health*. Vol. 6. № 7. P. e628–e631. DOI: 10.1016/S2542-5196(22)00092-4.

Mastini R., Kallis G., Hickel J. (2021) A Green New Deal without growth? // *Ecological Economics*. Vol. 179. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2020.106832

Mauger R. (2023) Finding a needle in a haystack? Identifying degrowth-compatible provisions in EU energy law for a just transition to net-zero by 2050 // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. Vol. 41. No 2. P. 175–193. DOI: 10.1080/02646811.2023.2187549.

Наши авторы

Воротников Владислав Владиславович – кандидат исторических наук, и.о. заведующего Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России

Гудков Иван Владимирович – кандидат юридических наук, доцент Кафедры правового регулирования ТЭК МГИМО МИД России

Коннов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор Кафедры философии им. А.Ф.Шишикина МГИМО МИД России

Крупина Анна Александровна – магистрант Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Липунов Никита Сергеевич – младший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Нестеров Денис Сергеевич – аспирант Кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России

Панков Евгений Сергеевич – младший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Пивоваренко Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра средиземноморских исследований ФМЭиМП, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Талагаева Дарья Александровна – кандидат политических наук, доцент Кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России

Цыганков Андрей Павлович – профессор международных отношений Калифорнийского Университета в Сан-Франциско

Цыганков Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор, профессор Кафедры международных отношений и интеграционных процессов Факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова

Чимирис Екатерина Сергеевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований Института Европы РАН

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий Кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России

Our authors

Dr Vladislav Vorotnikov – Acting Chair, Department of History and Politics of European and American Countries, MGIMO University

Dr Ivan Gudkov – Associate Professor, Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Sector, MGIMO University

Prof. Dr Vladimir Konnov – Professor, A.F. Shishkin Department of Philosophy, MGIMO University

Ms Anna Krupina – MA Student, School of International Relations, Saint Petersburg State University

Mr Nikita Lipunov – Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University

Mr Denis Nesterov – PhD Candidate, Department of History and Politics of European and American Countries, MGIMO University

Mr Evgeny Pankov – Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University

Dr Alexander Pivovarenko – Research Fellow, Center for Mediterranean Studies, School of World Economy and International Affairs, HSE University

Dr Daria Talagaeva – Associate Professor, 6th Department of the English Language, MGIMO University

Dr Andrei Tsygankov – Professor of International Relations, University of California at San Francisco

Prof. Dr Pavel Tsygankov – Professor, Department of International Relations and Integration Processes, School of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Dr Ekaterina Chimiris – Lead Research Fellow, Department of Economic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Amb. Prof. Dr Mark Entin – Chair, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацьшен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада bipolarности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

**ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»**

(Редакционная политика)

**Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех
нижеуказанных требований!**

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственno текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российской индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Хuntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать непереводных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // Метаморфозы мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. Russie. Nei.Vision. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatiy [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdu naslediem proshloga I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).